

Pražská rusistika

**RECENZOVANÝ SBORNÍK PŘÍSPĚVKŮ Z KONFERENCE PRAŽSKÁ
RUSISTIKA 2015**

KONANÉ DNE 20. BŘEZNA 2015 V PRAZE

PRAHA, 2015

Pražská rusistika 2015

**recenzovaný sborník příspěvků z konference konané dne 20. března 2015
v Praze**

Jakub Konečný (ed.)

Pořadatel:

Katedra rusistiky a lingvodidaktiky Pedagogické fakulty UK v Praze
Česká asociace rusistů

Organizační výbor konference:

PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D., Mgr. Veronika Kaplanová, PhDr. Xenie Vicaire, Mgr. Jakub Konečný, Ph.D.

Recenzenti:

Mgr. Elena Vasilyeva, CSc.
PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D.
Mgr. Jakub Konečný, Ph.D.

Za jazykovou úroveň jednotlivých příspěvků zodpovídají jejich autoři.

Vydavatel: Univerzita Karlova v Praze – Pedagogická fakulta

Rok vydání: 2015

Vydání: první

Počet stran: 162

ISBN: 978-80-7290-840-0

Пражская Русистика 2015

**рецензированный сборник статей конференции, состоявшейся 20
марта 2015 г. в Праге**

Якуб Конечны (составитель)

Организатор:

Кафедра русистики и лингводидактики Педагогического факультета Карлова
Университета в Праге
Чешская ассоциация русистов

Организационный комитет:

PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D., Mgr. Veronika Kaplanová, PhDr. Xenie Vicaire, Mgr. Jakub
Konečný, Ph.D.

Рецензенты:

Mgr. Elena Vasilyeva, CSc.
PhDr. Lenka Rozboudová, Ph.D.
Mgr. Jakub Konečný, Ph.D.

За языковой уровень отдельных статей несут ответственность их авторы.

Издательство: Карлов Университет в Праге – Педагогический факультет

Год издания: 2015

Издание: первое

Количество страниц: 162

ISBN: 978-80-7290-840-0

Obsah – Содержание

Předmluva – Предисловие	5
«Русский клуб» как форма внеаудиторной деятельности студентов и способ формирования лингвокультурной компетенции	6
Koncept Vlast v ruském a českém jazykovém obraze světa.....	13
Porovnání českých, ruských a německých frazémů obsahující názvy orgánů smyslového vnímání.....	23
Špecifickosť ustálených prirovnaní k zvieratám v slovenskom a ruskom obraze sveta	30
Koncept „práca“ v paremiologickom fonde ruského a slovenského jazyka	36
Трансформации фразеологических единиц русского языка в текстах интернет-комментариев.....	41
Фразеологический каламбур в газетных заголовках	47
Vliv antických jazyků na vývoj ruského lexika	52
Межъязыковые трансформации в сакральном тексте	62
Апеллятивированные имена собственные образованные путём морфологической деривации	69
О контаминации в современном русском молодежном сленге	76
Русскоязычная пресса в Эстонии: к проблеме языковой ситуации	85
К вопросу о политических клише в СМИ – «демократические принципы» воздействия	100
Отношение российской власти к иконам на протяжении веков.....	107
«Приют спокойствия, трудов и вдохновения» (формирование образа дачи в русской литературе).....	114
Экранизация классических произведений: за и против	124
Личность Евгений Шварца в эго-документах (Мы знали Евгения Шварца)	130
Ум или сердце? «После театра» А. П. Чехова	138
Взаимодействие натурализма и сентиментализма в повести Л. Петрушевской <i>Время ночь</i>	146
Z povídky Tma Leonida Andrejeva jako reakce na novelu <i>Zápisky z podzemí</i> F. M. Dostojevského	151
K problematice překladu povídky <i>Groza</i> V. Nabokova.....	156

Předmluva – Предисловие

Уважаемые читатели!

Настоящий сборник, как и все предыдущие, содержит научные статьи разного направления. В нем опубликованы тексты лингвистические, литературоведческие, лингводидактические и культурологические. Кроме статей участников, выступивших на конференции в Праге 20 марта, сборник содержит также статьи авторов, принявших заочное участие. Таким образом, в сборнике представлен широкий диапазон тем и проблем, интересующих молодых русистов из Чехии, Словакии, Польши и России. Все статьи, вошедшие в сборник, были одобрены рецензентами и представляют собой интересный научный материал.

В этом году международная студенческая конференция Пражская Русистика проходила в рамках заседания Президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), состоявшегося в Чехии 19-21 марта 2015 г.

Очень надеемся, что статьи, опубликованные в этом скромном сборнике, Вам покажутся полезными и интересными.

«Русский клуб» как форма внеаудиторной деятельности студентов и способ формирования лингвокультурной компетенции

Вера Шилина

Abstract:

The article deals with out-class model of activity of students studying Russian as a foreign language. The model was developed on Philology Faculty of Tomsk State University. The article illuminates a problem question of student's linguocultural competences and related competences in the context of study Russian language.

Key words:

Russian as a foreign language, linguocultural competence, intercultural competence, out-class activity.

Вопрос культуроцентричного обучения иностранным языкам относится к числу самых актуальных на современном этапе развития лингводидактики. Этим обусловлено повышенное внимание специалистов, работающих в области обучения русскому языку как иностранному (РКИ) к лингвокультурной информации. С точки зрения лингвокультурологии, язык является хранилищем структурированных знаний, накопленных языковым коллективом, и отражает его культурный опыт и картину мира (Красных, 2002, С. 12). Лингвокультурологический аспект в обучении русскому языку приобрел особое значение в контексте коммуниктивно-деятельностного подхода, лежащего в основе новейших методических разработок. Целью данного подхода является формирование у учащихся компетенций, позволяющих им реализовать свои интенции в различных коммуникативных ситуациях в среде изучаемого языка. Британский исследователь Д. Ричардс выделяет среди компонентов коммуникативной компетенции умение использовать язык для реализации различных целей, применять различные языковые средства в зависимости от условий и участников коммуникации, умение продуцировать и воспринимать различные типы текстов, поддерживать коммуникацию несмотря на ограничение в познании языка с помощью различных коммуникативных стратегий и тактик (Richards, 2006, с. 3).

Тесная связь языка и культуры обращает внимание современных исследователей на важность лингвокультурологического аспекта в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Исследователи Д. Атай, Г. Курт и др. отмечают роль приобретения новых культурных знаний и использования их в рамках конкретной коммуникативной ситуации (Atay, Kurt, 2009, с. 124). М.Г. Большакова выделяет следующие культурные компоненты лингвокультурной компетенции: главные исторические события страны изучаемого языка, национальные праздники, традиции и обычаи, психологические и поведенческие характеристики носителей языка, реалии культуры, пословицы, поговорки и т. п. (Bolshakova, 2013, р. 30). Данная компетенция подразумевает владение широким культурным контекстом, который облегчает усвоение нового языкового и страноведческого материала, развивает навык языковой догадки, позволяет лучше понимать логику изучаемого языка, помогают избежать коммуникативных неудач при взаимодействии с носителями языка.

Овладение лингвокультурной компетенцией способствует формированию у студентов интеркультурной компетенции, подразумевающей наличие базовых знаний о неродных культурах, уважение к традициям этих культур, необходимые в условиях глобализации, активизации международной студенческой мобильности, наличия общего информационного пространства и роста количества межкультурных коммуникаций.

Большинство работ, связанных с обсуждаемой темой, касается реализации данного подхода в рамках аудиторных занятий, значительно меньше внимания уделяется организации внеаудиторной активности студентов, осуществляемой при знакомстве с культурой страны изучаемого языка. Так, исследователь Л.Н. Михеева пишет о нестандартных формах проведения занятий, когда, с целью стимулирования учащихся к активной речевой деятельности, уроки периодически проходят «то в библиотеке, то в университетском музее, а то и в буфете» (Михеева, 2013, С. 242). Е.Ю. Бурнос говорит о том, что знакомство с культурой изучаемого языка «должно происходить не только через информацию, которую он получает на уроках русского языка», и отмечает значение внеаудиторной работы в форме дополнительных бесед, лекций, конкурсов, экскурсий и т. п. (Бурнос, 2013, С. 93).

Внеаудиторные формы работы с учащимися, изучающими неродной язык, приобретают все большую популярность. Привлечение студентов к участию в университетских и общегородских культурных мероприятиях, организация экскурсий, тематических культурных вечеров практикуется в большинстве университетов России и за рубежом, в том числе в университетах Чехии. Автор статьи имел возможность в период стажировки в Университете им. Масарика в г. Брно познакомиться с деятельностью Русского центра при педагогическом факультете, где регулярно проходят выступления ученых русистов, показы русских фильмов, встречи студентов, изучающих русский язык, с носителями языка.

Однако потенциал внеаудиторной деятельности студентов для изучения русского языка и русской культуры изучен и описан недостаточно. При этом общеизвестно, что реализация коммуникативных интенций средствами русского языка за пределами аудитории не только повышает мотивацию студентов к дальнейшему изучению языка и дает общее представление о культуре его носителей, но и активно способствует развитию лингвокультурной компетенции.

В качестве эффективной модели организации внеаудиторной активности студентов на филологическом факультете Томского государственного университета реализуется идея «Русского клуба». Различные формы внеаудиторной работы с иностранными студентами, обучающимися в ТГУ, осуществлялись в течение всей истории преподавания РКИ на факультете, однако в связи с развитием новых направлений и увеличением количества иностранных учащихся стал актуальным вопрос о повышении продуктивности данной работы и об увеличении в ней доли лингвистического компонента. Результатом разработок по данному вопросу стала концепция «Русского клуба» — структурированная модель, позволяющая реализовать задачи обучения русскому языку иностранных студентов и подготовки кадров для работы с данной категорией учащихся.

Главной целью «Русского клуба» является развитие у студентов лингвокультурной, социокультурной, страноведческой компетенций, которые

формируются через знакомство с русской культурой и создание ситуаций реальной коммуникации в языковой среде, повышение мотивации к изучению русского языка. Лингвокультурная компетенция подразумевает способность студента извлекать из единиц языка культурную информацию и использовать ее в целях коммуникации; под социокультурной компетенцией понимается знание социальных норм поведения страны изучаемого языка; старановедческая компетенция позволяет использовать национально-культурный компонент языка, речевой этикет и невербальные средства общения.

В рамках концепции определены следующие принципы работы клуба:

1. Принцип добровольного участия. «Русский клуб» не является частью образовательной программы, это способ проведения досуга, поэтому он не обязателен к посещению. Участие в мероприятиях, проводимых «Русским клубом» всегда добровольно и зависит от личной заинтересованности и инициативы студента.

2. Принцип открытости. «Русский клуб» открыт для всех, кому интересна его программа, в том числе для иностранных студентов других факультетов и университетов. Открытое коммуникативное пространство способствует разнообразию коммуникативных ситуаций. Пересечение культурных полей в рамках «принимающего» поля русской культуры способствует развитию интеркультурной компетенции, расширяет круг знакомств, моделирует ситуации, в которых студенты вынуждены вступать в коммуникацию на общем для всех русском языке вне стандартных учебных и бытовых ситуаций.

3. Принцип регулярности. Мероприятия в рамках «Русского клуба» должны проводиться систематически с равной периодизацией и в определенном месте. Это позволяет студентам вписать «Русский клуб» в свое расписание, сделать его посещение своим «хобби».

4. Принцип актуальности. Программа мероприятий «Русского клуба» должна по возможности соотноситься с текущими календарными событиями (национальные праздники, значимые для России даты), с программой обучения студентов (например, с курсом русской литературы).

5. Лингвокультурологический принцип. В основу каждого мероприятия «Русского клуба» положено какое-либо явление русской культуры (праздник, традиционное ремесло, фильм, музыкальное направление и т.п.). Получая информацию о русской культуре, студенты одновременно знакомятся с соответствующей лексикой и фразеологией, которая не входит в обязательную программу изучения русского языка, но расширяет пассивный словарный запас студентов и дополняет фоновые знания студентов о языке и культуре.

6. Принцип интерактивности. Студенты вовлекаются в активное участие в процессе проведения мероприятия. Формат классической монологической лекции или презентации противоречит концепции «Русского клуба».

7. Принцип взаимодействия. Модель деятельности «Русского клуба» предполагает активное участие в ней русских магистрантов, обучающихся по специализации «Русский язык как иностранный» и русских студентов, изучающих РКИ в качестве дополнительной специализации на филологическом факультете ТГУ. Это позволяет решать несколько педагогических задач: иностранные студенты получают возможность общаться с носителями языка в неформальной обстановке, а у русских

студентов, готовящихся стать преподавателями РКИ, формируются профессиональные компетенции (психолого-педагогическая, коммуникативная), органично происходит преодоление психологического барьера, с которым сталкивается каждый начинающий преподаватель.

Соблюдение указанных принципов перед организаторами «Русского клуба» ставит определенные задачи:

- **Пробуждение интереса к деятельности «Русского клуба».** Так как принципы «Русского клуба» не предусматривают обязательную посещаемость студентами, главной задачей становится их привлечение. Важно, чтобы у студентов сформировалось желание постоянно посещать организуемые мероприятия, только тогда можно говорить об успехе проекта.
- **Информационная деятельность.** Необходимо своевременно напоминать студентам о дате и теме очередного мероприятия «Русского клуба». Не менее важно освещать прошедшие мероприятия, например, публиковать краткий фотоотчет. В ТГУ информационная деятельность осуществляется посредством размещения информационных сообщений на университетских досках объявлений и с помощью социальной сети «ВКонтакте».
- **Учет уровня владения студентами языком.** Несмотря на то, что невозможность ориентации на конкретную аудиторию осложняет подготовку к мероприятиям, сделать «Русский клуб» интересным для всех — важнейшая задача его организаторов. Важно, чтобы в ходе мероприятия были предусмотрены фрагменты деятельности, ориентированные на разный объем словарного запаса участников, различные виды активности: подвижные игры, конкурсы, не требующие высокого уровня владения языком.

Программа «Русского клуба», реализующаяся на базе филологического факультета ТГУ, включает несколько блоков мероприятий:

- **«Праздники».** Студенты знакомятся с традициями и обычаями русских праздников («Масленица», «День космонавтики», «День защитника отечества»).
- **«Мастер-класс».** Студенты приобщаются к русскому народному искусству (роспись деревянных ложек, игра на ложках, русские народные танцы).
- **«Музыка».** Студенты знакомятся с известными представителями различных музыкальных направлений в России (например, «Бардовская и авторская песни», «Русская народная лирическая песня»).
- **«Литература».** В данный блок включены вечера поэзии, а также мероприятия, посвященные русским писателям и их книгам («Вечер военной поэзии», «12 стульев Ильфа и Петрова»).
- **«Киноклуб».** Студенты знакомятся с классикой советского кинематографа и с современными российскими фильмами.

Сценарии к блокам составляются по разным моделям. Например, мероприятия из блока «Киноклуб» включают: информационную часть (интересные факты о фильме и актёрах, место фильма в русской культуре, знакомство с лексическими и фразеологическими единицами из фильма), беседу со студентами во время просмотра (задаются контрольные вопросы на понимание, студентами выдвигаются

предположения о дальнейшем развитии сюжета) и дискуссионную часть (обсуждение фильма по окончании просмотра, высказывание мнений, поиск основной идеи фильма и т.п.).

На мероприятиях из блока «Мастер-класс» информационная часть разделена на два подраздела: сначала студенты знакомятся с алгоритмом работы и новой лексикой, а информационная часть, включающая традиции, обычаи, интересные факты, излагается по ходу выполнения ими работы.

С целью дать полное представление о деятельности «Русского клуба» приведем пример разработки мероприятия «8 марта» (блок «Праздники»). Мероприятие посвящено Международному женскому дню, широко отмечающемуся в мире. Целью мероприятия является знакомство участников с историей Международного женского дня и с традициями его празднования в России. Общее время проведения мероприятия: 90 минут. Для праздника составлена музыкальная подборка (песни В. Бутусова «Девушка по городу», А. Герман «Приходит время», А. Чумакова «Девочка, девушка, женщина» и др.) В информационной части рассказывается об истории праздника в России и о его месте и значении в жизни современных россиян, актуализируются лексико-фразеологические единицы по теме («избирательное право», «феминизм», «слабый пол», «прекрасный пол», «милые дамы»). Далее проводится беседа со студентами на тему празднования «Женского дня» в их странах. После обсуждения начинается интерактивная часть, включающая языковые задания («Профессия — женщина», «Женщина — это...», «Самый лучший комплимент») и неязыковые конкурсы («Салон красоты», «Лучшая хозяйка»), чередующиеся между собой.

В ходе мероприятия студенты узнают новые лексические единицы, знакомятся с образом женщины в представлении носителей русского языка, получают знания о социальных ролях мужчины и женщины и о национальных вариантах поведения россиян, наращивают объем фоновых знаний о русской культуре и российском социуме. При этом процесс формирования лингвокультурной компетенции студентов накладывается на личный эмоционально-ценностный опыт.

Помимо методической и досуговой функций, «Русский клуб» выполняет важную адаптивную функцию для иностранных студентов, обучающихся в России. Погружение в лингвокультурологическую среду изучаемого языка и общение с носителями языка облегчают восприятие и толкование новых реалий, с которыми студенты сталкиваются в повседневной жизни.

Модель «Русского клуба» может быть перенесена в зарубежное пространство, то есть осуществляться на базе нероссийских вузов, предлагающих программы обучения русскому языку и культуре. Адаптивная функция в данном случае заменяется информативной, транслирующей. Студенты, изучающие русский язык вне языковой среды, получают дополнительную возможность погрузиться в пространство русского языка и культуры. Модель «Русского клуба» была апробирована на базе «Русского центра» при педагогическом факультете университета им. Масарика в Брно («12 стульев Ильфа и Петрова», «Русский Новый год», «Киноклуб: Кин-дза-дза») и получила положительные отклики студентов и преподавателей.

Деятельность «Русского клуба» методически подкрепляет коммуникативно-деятельностный подход обучения русскому языку, способствуя формированию

необходимых личностных и профессиональных компетенций студентов, в особенности, лингвокультурной и смежных с ней компетенций. В рамках концепции моделируется особое лингвокультурное пространство, выполняющее ряд социокультурных функций и способствующее повышению мотивации студентов к изучению русского языка. Концепция «Русского клуба» может быть эффективно реализована как в русской языковой среде, так и за ее пределами.

Разработки мероприятий, выполненные в рамках реализующейся программы, планируется положить в основу учебно-методического пособия, материалы которого могут быть использованы на занятиях по русскому языку как иностранному, а также во внеучебной деятельности, направленной на популяризацию русского языка и русской культуры.

Используемая литература

- ATAY, Derin, KURT, Gökçe, ÇAMLIBEL, Zeynep, ERSIN, Pınar, KASLIOGLU, Özlem, The Role of Intercultural Competence in Foreign Language Teaching. *Inou university journal of the faculty of education*. 2009 ,vol. 10, no. 3, s. 123-135. ISSN 1300–2899.
- BOLSHAKOVA, MARIYA G. *Developing cultural and motivational components of the linguo-cultural competence*. [online]. Севастополь, 2013 [cit. 22.02.2015] Доступ: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB0QFjAA&url=http%3A%2F%2Ffirbis-nbu.gov.ua%2Fcgi-bin%2Ffirbis_nbu%2Fcgirbis_64.exe%3FC21COM%3D2%26I21DBN%3DUJRN%26P21DBN%3DUJRN%26IMAGE_FILE_DOWNLOAD%3D1%26Image_file_name%3DPDF%2FVsntup_2013_144_6.pdf&ei=bqDwVJPgFsP_ywPLuoKADQ&usg=AFQjCNGQvdPuwnc9ISSunPFDKmDkpuQRg&bvm=bv.87269000,d.bGQ&cad=rjt
- RICHARDS JACK.C. *Communicative Language Teaching Today*. New York: Cambridge University Press, 2006. ISBN 13 978-0-521-92512-9
- БУРНОС, ЕВГЕНИЯ.Ю. *Учет лингвострановедческого компонента на занятиях русского языка как иностранного* [online]. Суми-Конотоп, 2013 [cit. 17.02.2015] Доступ: http://essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/32803/1/Burnos_learning%20a%20foreign%20language.pdf
- КРАСНЫХ ВИКТОРИЯ В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология*. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2002. ISBN 5 94244 010-7.
- МИХЕЕВА Л. Н. Формирование лингвокультурной компетенции иностранных студентов в процессе межкультурной коммуникации. *Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки»*, 2013, 4(3)241-244, 241-244. ISSN 2219-9373.
- ХАБАРОВА ОЛЬГА В. Роль и место социокультурного компонента в практике преподавания русского языка как иностранного. *Слово.ру: Балтийский акцент*, 2013, 3, 33-38. ISSN 2225-5346.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Культуроформирующие функции радиодискурса с позиции лингвистики»), проект № 14-34-01022.

Вера Шилина

Место учебы: Томский государственный университет

Домашний адрес: Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ленина, д. 63, кв. 16, индекс: 67000.

vv.enigma@mail.ru

Магистрант Томского государственного университета по программе «Русский как иностранный». С отличием окончила Томский государственный университет (филологический факультет, специальность «Издательское дело и редактирование»). Закончила специализацию «Русский язык как иностранный». С г. - обучение в магистратуре. С октября 2013 г. - методист кабинета при кафедре русского языка ТГУ. Принимала участие в работе Летней школы интенсивного изучения русского языка для иностранных студентов в качестве преподавателя студентов из Германии. Проходила стажировку на педагогическом факультете университета им. Масарика в г. Брно в качестве преподавателя РКИ. Соавтор онлайн-курса по РКИ «Зарисовки о Сибири. Город Томск» (https://www.lektorium.tv/mooc/courses/TSU/SYB1/2014_10/about). Участник гранта РГНФ «Культуроформирующие функции радиодискурса с позиции лингвистики». Победитель конкурса на получение стипендий Оксфордского Российского Фонда в 2014-2015 уч. году. Автор 5 печатных работ.

Koncept Vlast v ruském a českém jazykovém obrazu světa

Kateřina Nosková

Abstract:

The aim of this work is to find the differences in understanding the notion of the fatherland in the Russian and Czech linguistic worldview. In the theoretical part we focused on problems of the linguistic worldview, connotation and concept. In the practical part we focused on the analysis of the field of meaning from the etymologic, word-formative and explanatory dictionaries and the analysis of 300 Russian and Czech excerpts from the Russian national corpus and Czech national corpus.

Key words:

Cognitive linguistics, linguistic worldview, concept, fatherland.

Přístupy současné lingvistiky se od 70. let 20. století začaly postupně měnit, a proto se do popředí dostávají ty dimenze jazyka, které byly dříve spíše opomíjeny. Jedná se především o vztah jazyka s kulturou a národní zkušeností a o spojitost jazyka a mysli – domény kognitivní lingvistiky a lingvokulturologie. Hlavními pilíři těchto dvou mladých disciplín jsou zejména principy **antropocentrismu** a **kognitivismu**. Zatímco antropocentrismus staví do středu svého zájmu člověka a snaží se postihnout jazyk skrze typicky „lidské faktory“, kognitivismus chápe jazyk jako výsledek kognitivní (poznávací) aktivity člověka a zabývá se vztahem jazyka a mysli a též způsobem organizace poznatků v lidské mysli a paměti. Součástí kognitivního přístupu k jazyku je i problematika **jazykového obrazu světa** – teorie, na jejíž vznik měla vliv zejména polská lublinská škola s jejími představiteli J. Bartmińskim a R. Tokarskim. (Vaňková, 2007, 40)

Už známý filozof W. Humboldt vycházel z toho, že každý přirozený jazyk je specifický, stejně jako každý národ a jeho kultura. Právě v jazyce se odráží určité pojetí skutečnosti, množství názorů o světě, které jsou charakteristické pro to či ono kulturní společenství lidí. Základem teorie jazykového obrazu světa je hypotéza, že jazyk má vliv na to, jaký „obraz světa“ si člověk vytvoří. Jazykový obraz světa však nezaznamenává pouze individuální zkušenosti člověka se světem, ale klade se v něm důraz na celkový kulturní kontext, soustřeďuje se na člověka jako na součást daného společenství – proto lingvisté zkoumají jazyk a jeho vztah k mytologii, folklóru, náboženství, magii či umění. (Vaňková, 2005, 48) Zkoumáním jazykového obrazu světa se tak snažíme odpovědět na otázku, co daný jazyk vypovídá o lidech, kteří jím hovoří, čím se ten či onen národ liší od ostatních a co je pro něj typické. Každý jazyk podává specifickou, jistým společenstvím sdílenou interpretaci světa. Právě skrze jazyk pak člověk vytváří své vlastní, mnohdy značně zjednodušené vidění světa (tzv. naivní obraz světa), které se často nachází v opozici s „vědeckým, logickým“ obrazem světa, který nebere v úvahu subjektivní příznaky. Jazykový obraz světa tedy není pouhým zrcadlovým odrazem skutečného světa, ale zdůrazňuje se v něm především subjektivní vztah celého jazykového společenství k jeho jednotlivým částem – předmětům, jevům, procesům, vlastnostem atd. (Маглова, 2001, 63-65)

Důležitou roli při tvoření jazykového obrazu světa hraje kategorizace pojmů na základě prototypů a hledání kognitivního významu slova a jeho konotací. K tomu, abychom zjistili,

jestli je všeobecně sdílen určitý prototyp, je třeba mít k dispozici co nejvíce jazykových či textových **konotací**, které jsou důležité pro kognitivní definici významu (ta se často liší od definice encyklopedické či slovníkové, která je značně objektivizovaná a nezahrnuje např. pozitivní či negativní konotace). K určení prototypů a konotací máme k dispozici fakta kvantitativní a kvalitativní, která zohledňují fixovanost dané charakteristiky v jazyce. Jedná se zejména o následující kvalitativní hlediska: 1) etymologie a způsoby pojmenování předmětu; 2) přenesené významy; 3) významy derivátů, které odpovídají dokládané konotaci; 4) frazémy, jejichž význam odpovídá vymežovanému příznaku; 5) sémantická struktura určitých konstatování, která mají diagnostickou platnost. Důležitým zdrojem pro hledání konotací jsou různé typy slovníků (etymologické, výkladové, frazeologické), nejrůznější texty jako pořekadla, přísloví, anekdoty, texty folklórní či umělecké, lidové písně, hádanky, známé úryvky z písní či filmů. (Bartmiński - Panasiuk, 2001, 371-395)

Další problematikou, které kognitivní lingvistika přikládá prvořadý význam, je zkoumání povahy **konceptu**. Výzkumem konceptu se plodně zabývají především následující lingvisté: A. P. Babuškin, A. Wiezbická, S. A. Askoldov, J. S. Stěpanov, B. N. Teliová, R. M. Frumkinovová a další. Pod termínem koncept rozumíme duševní a národně-specifický útvar, jenž z hlediska obsahu představuje veškeré znalosti o daném objektu, z formálního hlediska se poté jedná o souhrn všech jazykových prostředků (lexikálních, frazeologických, paremiologických atd.). V. A. Maslovová o konceptu hovoří jako o svazku představ, pojmů, vědomostí, asociací a prožitků, který doprovází slovem vyjádřenou představu a který je obklopen emocionálním, expresivním a hodnotícím zabarvením. Rovněž tvrdí, že koncepty jsou předmětem emocí, sympatií, antipatií a někdy i střetů rozdílného smýšlení. Koncepty jsou pouze ty výjevy skutečnosti, které jsou aktuální a hodnotné pro danou kulturu, mají velký počet jazykových jednotek pro svou fixaci, jsou tématy přísloví, pořekadel, poetických i prozaických textů a stávají se tak součástí národního vědomí. (Маслова, 2007, 41-60)

Jedním z konceptů, díky kterým bychom si mohli vytvořit lepší povědomí o ruském a českém jazykovém obrazu světa, je i **koncept Vlast**. Pro přiblížení daného konceptu jsme pracovali s několika ruskými a českými slovníky (etymologickými, slovo tvornými, výkladovými a frazeologickými) a rovněž s národními korpusy obou jazyků.

Analýza pojmu *родина* v ruském jazykovém obrazu světa

Ruské slovo *родина* je v etymologickém slovníku M. Vasmera z roku 1987 doplněno následujícím komentářem:

„Родина - "отечество", тогда как укр. родина = "семья", блр. родзіна -- то же, болг. родина "родина, место рождения", сербохорв. родина "обилие плодов", словен. rodina -- то же, чеш., словц. rodina "семья", польск. rodzina -- то же. || Произведено от род (см.). [Согласно Соболевой (УЗ ЛГПИ, 173, 1958, стр. 134), знач. "родная страна" встречается впервые у Державина. -- Т.]“¹

Slovo *родина* tedy pochází ze slovního základu *pod* (rod, pokolení), které funguje jako základ podobně znějících slov používaných i v ostatních slovanských jazycích, ve většině z nich

---

¹ ФАСМЕР, М.: *Этимологический словарь русского языка в четырех томах*. Москва: Прогресс, 1987. Том III.

se však jeho význam modifikoval jinak než v případě ruštiny – označuje v nich totéž, co české *rodina* (v ruštině *семья*).

S tím souvisí i významové skupiny slov, které jsme mohli vydělit na základě nalezených příbuzných slov se slovem *родина* ve slovníku „Словообразовательный словарь русского языка в двух томах“² A. N. Tichonova z roku 1985: 1) slova spojená s porodem: *родить, родильный, родительница, рождаемость* aj.; 2) slova mající význam „stejného rodu, příbuzný“: *родной, родня, родство, родственник, родственный* aj.; 3) slova s významem „urozený, bohatý“: *родовитость, родословие, родословец*; 4) pramen, studánka: *родничок, родниковый*; 5) sblížovat se: *родниться*. Vidíme, že jsou to nejčastěji slova spojená s porodem a příbuzenstvím, v ruském případě je tedy ve slově *родина* zdůrazněn **ženský** či **mateřský princip**.

Tomuto názoru odpovídá i znění mnoha přísloví, která se vyznačují silným emocionálním a vlasteneckým zabarvením. *Родина* se v nich zpravidla přirovnává k matce: *Родина – мать, умеи за нее постоять. // При солнце тепло, при Родине добро. // Одна у человека мать, одна у него и Родина. // Родина любимая – мать родимая. // Родина - мать, чужбина - мачеха. // Любовь к Родине сильнее смерти. // Расставшись с другом, плачут семь лет, расставшись с родиной – всю жизнь* atd.³ V klasických frazeologických slovnících se frazémy se slovem *родина* překvapivě téměř nevyskytují, výjimkou je snad jen „*Rusko-český frazeologický slovník*“⁴ L. Stěpanové, kde jsme našli frazém *обретать/обрести (находить/найти) где вторую родину*.

Při výzkumu jednotlivých významů slova *родина* jsme pracovali s následujícími pěti výkladovými slovníky: „Словарь русского языка“⁵ Ожегова z roku 1953, „Словарь современного русского литературного языка в 17 томах“⁶ vydaný pod vedením V. I. Černyševa roku 1961, Ожеговův „Словарь русского языка“⁷ vydaný roku 1987 pod vedením N. J. Švedovové, „Толковый словарь русского языка“⁸ S. I. Ожегова a N. J. Švedovové z roku 2001 a „Толковый словарь русского языка в 4 томах“⁹ vydaný pod vedením D. N. Ušakova roku 2005. V daných slovnících jsme našli těchto šest významů slova *родина* (některé se částečně překrývají): 1) „**отечество, родная страна**“ – země, ve které se člověk narodil; 2) „**место рождения кого-либо**“ – místo, kde se člověk narodil a se kterým si spojuje své dětství a mládí (rodné město, městečko či vesnice); 3) „**место происхождения кого-либо, чего-либо**“ – místo původu či hromadného výskytu něčeho nebo někoho; 4) „**место возникновения чего-либо**“ – místo vzniku něčeho; 5) „**страна, гражданином которой человек состоит**“ – stát, jehož občanem se člověk stal; 6) „**вторая родина**“ – místo, které člověku nabízí útočiště a stává se jeho druhým domovem.

² ТИХОНОВ, А. Н.: *Словообразовательный словарь русского языка в двух томах*. Москва, 1985. Том II.

³ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ: *Пословицы и поговорки о Родине*. Учебно-методический кабинет [online], ©2011-2015 [vid. 2015-05-20]. Dostupný z: <http://ped-kopilka.ru/poslovicy-i-pogovorki/poslovicy-i-pogovorki-o-rodine.html>.

⁴ СТĚПАНОВА, L.: *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007.

⁵ ОЖЕГОВ, С. И.: *Словарь русского языка*. Москва, 1953.

⁶ Академия наук СССР: *Словарь современного русского литературного языка в 17 томах*. Академия наук СССР, 1961. Том XII.

⁷ ОЖЕГОВ, С. И., под редакцией ШВЕДОВОЙ, Н. Ю.: *Словарь русского языка*. Москва, 1987.

⁸ ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю.: *Толковый словарь русского языка*. Москва, 2001.

⁹ УШАКОВ, Д. Н.: *Толковый словарь русского языка в 4 томах*. Москва, 2005. Том III.

Dále jsme pro výzkum sémantiky slova *родина* využili „*Национальный корпус русского языка*“¹⁰, z něhož jsme vybrali 150 excerpací, ve kterých se vyskytovalo zkoumané slovo. Všimli jsme si struktury slovních spojení, jejich frekvence a významu. K nejtypičtějším strukturám patří struktury ADJEKTIVUM + SUBSTANTIVUM (*малая родина, огромная родина, дорогая родина, могучая родина* aj.) a SUBSTANTIVUM + VERBUM (*родина не забудет, родина благодарит, родина умирает, родина страдает* aj.), ve druhé struktuře *родина* vystupuje v pozici podmětu, chová se jako živá osoba s vlastními city, jedná se tedy o **personifikaci**. Mezi nejfrekventovanější slovní spojení zahrnující substantivum *родина* patří vedle hojně frekventovaných spojení s přivlastňovacími zájmeny (*наша родина, моя родина* atd.) převážně následující: *малая родина* (19), *историческая родина* (8), *родина-мать* (5), *Россия – родина слонов* (3), *родина (не)забудет тебя* (3). Mezi zřídka používanými slovními spojeními jmenujme např. tyto: *печальная родина, растерзанная родина, выпить за родину, радость за родину, оборона родины* a další. Uvedeme zde i konkrétní význam některých slovních spojení, která se v korpusu objevovala poměrně často a v češtině se nevyskytují:

- **историческая родина** – původní země, ve které člověk žil (předtím, než emigroval nebo se přestěhoval do jiné země);
- **родина-мать** – hojně rozšířené obrazy a sochy, které využívala sovětská propaganda v období Velké vlastenecké války, obrazy vděčí za svůj vznik především plakátu Irakla Toidzeho „*Matka vlast volá!*“, Родина-мать je také socha tvořící velký monument na Mamajevově návrší ve Volgogradu, který byl postaven na počest vítězství v bitvě u Stalingradu;
- **Россия - родина слонов** – „Rusko (SSSR) – vlast slonů“ – okřídlená fráze, která se poprvé objevila v anekdotách, ve kterých se jednalo o pokus zkreslit historii vědeckých objevů s politickým cílem, fráze má ironický odstín; znění anekdoty: *Vyhlášen mezinárodní konkurs na knížku o slonech. Německá zní: Stručný úvod do nauky o slonech. Anglická: Slon a Britské imperium. Americká: Slon a peníze. Francouzská: Slon a láska. Ruská: SSSR - vlast slonů. Bulharská: Ruský slon nejlepším přítelem bulharského slona. Mongolská: Mongolský slon – šestnáctý slon v sovětské zoologické zahradě;*
- **одна родина** – 1. jedinečná vlast – vlast, ve které se člověk narodil a kterou pokládá za svou jedinou (i když musel emigrovat nebo byl vyhoštěn); 2. společná vlast – vlast, jejíž občany spojuje společná historie, kultura, společně sdílené tradice a hodnoty;
- **деревянная родина** – dřevěná vlast – venkov, který je tvořen převážně dřevěnými obydlími.

V ruštině se v posledních desetiletích začalo objevovat nové ustálené spojení, a to – *малая родина* (malá vlast). Jako jeho antonymum následně vzniklo ustálené slovní spojení *большая родина* (velká vlast). Samotné slovo *родина* se v ruském jazyce poprvé objevilo za doby středověké Rusi v 16. století, v jazyce se však ustálilo až v polovině 18. století, kdy mělo význam „místo, kde se člověk narodil“. Postupně se však začaly rozlišovat dva významy slova,

¹⁰ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА: *Основной корпус*. Национальный корпус русского языка [online], ©2003-2015. Dostupný z: <http://ruscorpora.ru/index.html>

a sice „země, ve které se člověk narodil“ (*большая родина, отчизна, отечество*) a význam „rodné město či vesnice“ – *малая родина*. (Шестов, 2010) Dalo by se říci, že přesná encyklopedická definice slovního spojení *малая родина* neexistuje, jelikož se jedná o silně emocionální představu, ve které jsou zachyceny vzpomínky člověka na dětství, život a přírodu v rodném kraji. Oproti tomu slovní spojení *большая родина* disponuje racionálnější a přesnějším popisem - myslí se jím země, v níž se člověk narodil a jejímž občanem se stal. (Твардовский, 1980)

Dále jsme se snažili přiřadit jednotlivá slovní spojení získaná ze 150 excerpce z ruského korpusu k výše uvedeným významovým skupinám slova *родина* z výkladových slovníků. Můžeme konstatovat, že v ruském excerpovaném materiálu bylo možné se setkat se všemi významy slova, převládala slovní spojení spadající do prvních dvou významových skupin, nejméně slovních spojení jsme naopak mohli zařadit do poslední skupiny:

- „**отечество, родная страна**“: *родина-мать, защищать родину, Советская Родина, великая родина, боль за родину, родина прикажет, родина богата, давать клятву родине* atd.;
- „**место рождения кого-либо**“: *малая родина, покинутая родина, захотелось на родину („Боже, как захотелось на малую родину.“), тосковать по родине („Я тоже тоскую по малой родине, только я называю ее столицей!“)* atd.;
- „**место происхождения кого-либо, чего-либо**“: *родина кого - деда Мороза („Речь идет о совместном проекте мэрии Москвы и правительства Вологодской области «Великий Устюг – родина Деда Мороза.“), героя* atd.; *родина чего – клена („Родина клена сахаристого – Северная Америка.“); этническая родина („Еврей может родиться и в Штатах, а этническая родина на Ближнем Востоке.“)* atd.;
- „**место возникновения чего-либо**“: *родина чего - популярной марки Эвиан, регби, европейского гуманизма, водки, иконы* atd.;
- „**вторая родина**“: *новая родина, настоящая родина.*

Analýza pojmu *vlast* v českém jazykovém obrazu světa

České slovo *vlast* se v „*Českém etymologickém slovníku*“ J. Rejzka z roku 2001 interpretuje takto:

„*Vlast* – vlastenec, vlastenka, vlastenecký, vlastenectví. Stč. ‘země, krajina, oblast’, *vlast* přirozená, ‘rodná země’ (odtud zúžením dnešní význam). P. włóśc ‘panství, kraj, země’, r. *vlast’* (z *csl.*) ‘moc, vláda, úřady’, s./ch. *vlâst* tv., stsl. *vlast’* ‘moc, vláda, panství’. Psl. **volst’* ‘vláda, moc’ je odvozeno od *volsti ‘vládnout’ (viz *vládnout*, srov. *oblast*).“¹¹

Slovo *vlast* bylo odvozeno od slova *volsti s významem „vládnout“. V některých slovanských jazycích má proto toto slovo význam „vláda, moc, panství či úřady“ (v ruštině *власть* – moc, vláda).

---

¹¹ REJZEK, J.: *Český etymologický slovník*. LEDA, 2001.

S tím souvisí i významové skupiny slov, které jsme vydělili na základě analýzy příbuzných slov z „*Příručního slovníku jazyka českého*“¹² B. Havránka z roku 1951: 1) vlastenectví: *vlastenec, vlastenecký* aj.; 2) kladný citový vztah člověka k vlasti: *vlastimil, vlastimilovnost* aj.; 3) nauka o vlasti: *vlastivěda, vlastivědec, vlastivědný* aj.; 4) vlastizrada: *vlastizrádce, vlastizrádcovství* aj.; 5) spojitost s „vlastnit“: *vlastnictví, vlastník, vlastnický, přivlastnit* aj.; 6) význam „samostatně, svépomocí“: *vlastnoručně* aj.; 7) příznak: *vlastnost, vlastnůstka* aj.; 8) blízký: *vlastní*; 9) pán, šlechtic: *vlastelin* aj.; 10) jména osob: *Vlastimil, Vlastislav, Vlasta*. Příbuzná slova tedy mají nejčastější spojitost se slovem *vlastnit*, s naukou o vlasti, vlastizradou či kladným citovým vztahem člověka k vlasti, ve většině případů se jedná o kompozita.

Z českého slova *vlast* tedy necítíme tak silné citové pouto jako v případě ruštiny, což dokazují i některá idiomatická a frazeologická spojení poukazující na „druhou vlast“ a s ní spojenou emigraci, která jsme našli ve „*Slovníku české frazeologie a idiomatiky*“¹³: *druhá vlast* – zem, kterou exulant pociťuje jako náhradu za svůj bývalý domov; *po vlastech českých* – všude po Čechách; *Otec Vlasti* – čestné pojmenování českého krále a římského císaře Karla IV.; *padnout za vlast* – hrdinsky, čestně zemřít, být zabit při obraně své země; *sloužit vlasti* – 1. být voják, být ve vojenské službě, 2. plnit svou vlasteneckou povinnost, prospívat svému národu; *stát se druhou vlastí někoho* – stát se novým domovem někoho; *cestovat po vlastech českých* – cestovat doma, po českých zemích; *Kde je dobře, tam je vlast.* – vlastní se může stát každé místo, kde se člověku vede dobře a kde se dobře cítí.

Při výzkumu jednotlivých významů slova *vlast* jsme pracovali s následujícími výkladovými slovníky: „*Příruční slovník jazyka českého*“¹⁴ vydaný roku 1951 pod vedením B. Havránka, „*Slovník spisovného jazyka českého*“¹⁵ vydaný roku 1971 pod vedením B. Havránka a „*Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*“¹⁶ vydaný pod vedením J. Filipce roku 1994. Základní významy českého slova *vlast*, které jsme v daných slovních našli, jsou čtyři: 1) „**rodná země, otčina**“; 2) „**rodný kraj, rodná obec, domov vůbec**“; 3) „**země, krajina, kraj**“; 4) „**místo původu či hromadného výskytu něčeho**“.

Dále jsme pro výzkum sémantiky slova *vlast* využili „*Český národní korpus*“¹⁷, z něhož jsme vybrali 150 excerpce, ve kterých jsme se rovněž zaměřili na strukturu slovních spojení, frekvenci a význam. Nejčastějšími strukturami slovních spojení s výskytem slova *vlast* jsou následující: ADJEKTIVUM + SUBSTANTIVUM (*rodná vlast, milovaná vlast, adoptivní vlast, bývalá vlast* aj.), VERBUM + SUBSTANTIVUM (*sloužit vlasti, zradit vlast, bránit vlast, napadnout vlast* aj.), VERBUM + PREPOZICE + SUBSTANTIVUM (*vrátit se do vlasti,*

¹² HAVRÁNEK, B. a kol.: *Příruční slovník jazyka českého*. Praha: Ústav pro jazyk český Československé akademie věd, 1951.

¹³ ČERMÁK, F. et al. *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Výrazy neslovesné. Praha: Academia, 1988.

ČERMÁK, F. et al. *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Výrazy slovesné. D. 2. Praha: Academia, 1994.

ČERMÁK, F. et al. *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Výrazy větné. Leda, 2009.

¹⁴ HAVRÁNEK, B. a kol.: *Příruční slovník jazyka českého*. Praha: Ústav pro jazyk český Československé akademie věd, 1951.

¹⁵ HAVRÁNEK, B. a kol.: *Slovník spisovného jazyka českého*. Praha: Lexikografický kolektiv Ústavu pro jazyk český ČSAV, 1971.

¹⁶ FILIPEC, J. a kol.: *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha: Academia, 1994.

¹⁷ KŘEN, M., BARTOŇ, T., CVRČEK, V., HNÁTKOVÁ, M., JELÍNEK, T., KOCEK, J., NOVOTNÁ, R., PETKEVIČ, V., PROCHÁZKA, P., SCHIEDTOVÁ, V., SKOUMALOVÁ, H.: *SYN2010: žánrově vyvážený korpus psané češtiny*. Praha: Ústav Českého národního korpusu FF UK, 2010. Dostupný z: <http://www.korpus.cz>

padnout za vlast, zemřít za vlast, bojovat za vlast aj.), SUBSTANTIVUM + SUBSTANTIVUM (*služba vlasti, obrana vlasti, Otec vlasti, osud vlasti* aj.). *Vlast* zde vystupuje často v pozici předmětu, příslovečného určení či neshodného přívlastku, oproti ruštině tedy cítíme spíše jistou **pasivitu** či **statičnost**. Mezi nejfrekventovanější slovní spojení patří vedle hojně zastoupených spojení s přívlastňovacími zájmeny (*svá vlast, naše vlast* atd.) zejména tato: *vrátit se do vlasti* (12), *sloužit vlasti* (7), *služba vlasti* (5), *láska k vlasti* (5), *prodat vlast* (4), *zrádce vlasti* (4), *obrana vlasti* (4), *nová vlast* (4). Slovní spojení, která se ve výsledcích z korpusu objevila pouze jednou, jsou například následující: *udělat něco pro vlast, cesty po vlastech, pošpinit vlast, výkvět vlasti, budovat vlast* atd. Nakonec zde uvádíme některé významy slovních spojení, které se v ruském materiálu nevyskytovaly:

- **adoptivní vlast** – země, do které se člověk přestěhoval (nebo musel emigrovat) z jeho rodné země;
- **ukrást (komu) vlast** – vzít někomu jeho rodnou vlast (zabrat, okupovat cizí území) ;
- **zůstat bez vlasti** – být vyhnancem ze své rodné země, ze svého domova;
- **padnout za vlast** – 1. zemřít pro svou vlast, 2. v přeneseném významu se užívá ve smyslu „usnout únavou“ nebo „rozbít se“;
- **položít život za vlast** – zemřít ve jménu vlasti;
- **budovat vlast** – 1. stavět vlast (fyzicky), 2. tvořit národní myšlenku a zasadit se především o její duchovní rozvoj, používalo se především za doby komunismu;
- **krásy vlasti** – přírodní a kulturní památky země;
- **výkvět vlasti** – nejlepší a nejschopnější lidé určité země, může mít nádech rovněž ironický.

Dále jsme se snažili přiřadit jednotlivá slovní spojení získaná ze 150 korpusových excerpce k výše uvedeným významovým skupinám slova *vlast* z výkladových slovníků:

- „**rodná země, otčina**“ – *vrátit se do vlasti, sloužit vlasti, láska k vlasti, obrana vlasti, rodná vlast, padnout za vlast, zemřít za vlast, bojovat za vlast, být hrdý na vlast, uprchnout z vlasti*;
- „**rodný kraj, rodná obec, domov vůbec**“ – žádné z excerpovaných spojení neodpovídá tomuto významu;
- „**země, krajina, kraj**“ – *cesty po vlastech, poznávání vlasti*;
- „**místo původu či hromadného výskytu**“ – žádné z excerpovaných spojení neodpovídá tomuto významu.

Zatímco se všemi významovými skupinami z ruských výkladových slovníků bylo možné se setkat i v excerpovaném materiálu z korpusu, v češtině ze 150 excerpce nebylo možné ani jednu zařadit do druhé ani čtvrté významové skupiny. Češi ve spojitosti s *vlastí* používají v drtivé většině hlavně význam „rodná země, otčina“, význam „země, krajina, kraj“ má možná lehce knižní odstín, ale v menší míře se s ním můžeme také setkat. Oproti tomu významy „rodný kraj, rodná obec, domov vůbec“ a „místo původu či hromadného výskytu někoho nebo něčeho“ se dnes v češtině téměř nepoužívají.

Závěr

V příspěvku jsme se zabývali výzkumem a rozbořením významových oblastí slov *родина/vlast*.

Mohli jsme si všimnout, že jednotlivá slovní spojení se slovem *родина* se neliší pouze svou formou, ale především svou povahou a emočním odstínem. V excerpovaném materiálu jsme se setkali například se slovními spojeními, kde je vlast vykreslena jako určitá **autoritativní substance**, která dokáže být ke svému lidu milosrdná, ale také krutá. Její obyvatelé ji musí poslouchat, být jí oddáni a věrni a musí za ni bojovat. Vlast svému lidu na oplátku zaručuje bezpečí, ochranu a vděk, soucítí s ním, když je v nesnázích. Vlast zde vystupuje jako živá osoba, které jsou připisovány **lidské vlastnosti** a **lidské city**, proto je pro daná slovní spojení typická výše zmíněná personifikace. Vlast Rusů bývá často vykreslena jako ohromná, slavná a majestátná země, z excerpovaného materiálu je cítit hrdost a respekt Rusů ke své vlasti a také to, že si jí velice váží (*Родина тебя никогда не забудет. // Каждый советский человек идет под бомбы, если только ему прикажет родина. // Услышали: все сделали верно, родина вас благодарит, примите правительственные награды. // Не только Ваши родители, но вся наша Советская Родина гордится Вашим великим подвигом, Юрий Алексеевич.*). Za správného vlastence se pokládá ten, kdo má ke své vlasti silné citové pouto a pro kterého je jeho rodná země jedinečná. Takový člověk se do své vlasti vždy rád vrátí, něco ho s ní spojuje a je ochoten za ni zemřít (*Он, между прочим, за Родину погиб! // Но родина на земле есть одна. Она – Россия. // Пусть убогая, но милая родина не могла быть вытеснена из души.*). Některá slovní spojení se vyznačují zřejmým **optimistickým, radostným** či **vlastnececkým nádechem** (*Ну чё, солдатик? Выпьем за родину? // Колхозник Харитонов, тяжело раненный оккупантами, собрав последние силы, крикнул: «Да здравствует Советская Родина!»*). Z jiných slovních spojení, která převládají, cítíme naopak **smutek**, neštěstí, beznaděj či tragičnost (*Это была Россия, покинутая родина, видевшая его расцвет и славу. // Это боль моей души за родину. // Русские люди, великая родина наша умирает!*).

Když se blíže podíváme na český excerpovaný materiál, můžeme říci, že se v něm téměř **nevyskytuje personifikace**, což vypovídá o tom, jak čeští mluvčí svou *vlast* chápou a jak o ní smýšlí. Jestliže je ruská vlast vyjádřena jako živoucí mocná osoba, potom je vlast Čechů spíše zobrazena jako substance, která jako by byla na stejné úrovni jako její občané, která svému lidu nic nepřikazuje, jenom je samotné nechává jednat a rozhodovat. Češi své vlasti nepřidělují lidské vlastnosti, ona sama svým lidem nerozkazuje, což z ní dělá něco **statického** či **pasivního**. Jako by sama vlast neměla vlastní vliv, ale byla spíše závislá na svém lidu. Ale i přesto je pro její občany samozřejmé, že ji budou v případě potřeby bránit, budou si jí vážit a budou jí věrni. Některá slovní spojení jsou typická svou **silnou citovostí** a určitým **optimistickým, radostným nádechem** (*Touha po rodině, po vlasti, po dobrých i zlých známých, s nimiž by si mohl popovídat v hospodě při vodce nebo na tribuně fotbalového stadionu. // Konečně jsem vypnula světla, nešikovně vycouvala z trávníku a pomaloučku odstartovala do milované vlasti.*) Jiná slovní spojení se naopak vyznačují **negativním zabarvením**, který je spojen především se zradou, s okupací vlasti či s jejím ničením (*Chystám se zradit svou vlast a mám s tím dost napilno. // Ostatně nedělají to za peníze, jenom prodávají vlast.*). Z jiných máme pocit určité **tragičnosti** a beznaděje (*Přišli o rodnou vlast, o hroby svých předků, o majetky - prostě o všechno. // Ne: jde zemřít za svou vlast.*). U jistého množství slovních spojení převládá význam

spjatý s **povinností** člověka ke své vlasti a s ní i související obětí (*Byl bys na ně hrdý, jako jsou oni hrdí na svého otce, který zemřel ve službě vlasti. // Ve válce někteří za svoji vlast položili život.*).

Na závěr se nabízí otázka, jsou-li většími vlastenci Rusové, nebo Češi. Na první pohled by se mohlo zdát, že Rusy ke své vlasti váže silnější pouto a že by proto oni měli být pokládáni za větší vlastence. My se však domníváme, že to nelze jednoznačně konstatovat, neboť existují velice rozmanité podoby patriotismu a mnoho způsobů vyjádření vztahu, který mají lidé ke své rodné zemi. Vyplývá to zejména z odlišné historické zkušenosti, kultury i tradic obou národů. V souvislosti s tím dané národy vnímají svou vlast jinak, liší se celkovým prožíváním a chápáním vlasti. Spíše by se dalo říci, že oba národy mají ke své vlasti zcela specifický vztah, který se nedá přirovnat k žádnému jinému.

Použitá literatura

- BARTMIŃSKI, J., PANASIUK, J. *Stereotypy językowe*. In: BARTMIŃSKI, J. *Współczesny język polski*. Lublin, 2001. S. 371–395. ISBN 978-83-7784-232-4.
- ČERMÁK, F. et al. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné*. Praha: LEDA, 2009. ISBN 978-80-7335-215-8.
- ČERMÁK, F. et al. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné*. Praha: LEDA, 2009. ISBN 978-80-7335-215-8.
- ČERMÁK, F. et al. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy větné*. Praha: LEDA, 2009. ISBN 978-80-7335-219-6.
- FILIPEC, J. a kol. *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha: Academia, 1994. ISBN 80-200-0493-9.
- HAVRÁNEK, B. a kol. *Příruční slovník jazyka českého*. Praha: Ústav pro jazyk český Československé akademie věd, 1951.
- HAVRÁNEK, B. a kol. *Slovník spisovného jazyka českého*. Praha: Lexikografický kolektiv Ústavu pro jazyk český ČSAV, 1971.
- REJZEK, J. *Český etymologický slovník*. Praha: LEDA, 2001. ISBN 80-85927-85-3.
- STĚPANOVA, L. *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. ISBN 9788024417509.
- VAŇKOVÁ, I. a kol. *Co na srdci, to na jazyku*. Praha: Karolinum, 2005. ISBN 80-246-0919-3.
- VAŇKOVÁ, I. *Nádoba plná řeči*. Praha: Karolinum, 2007. ISBN 978-80-246-1122-8.
- Академия наук СССР. *Словарь современного русского литературного языка в 17 томах*. Москва: Академия наук СССР, 1961. Том XII.
- МАСЛОВА, В. А. *Введение в когнитивную лингвистику*. Учебное пособие. Москва: Флинта, 2007. ISBN 978-5-89349-748-9.
- МАСЛОВА, В. А. *Лингвокультурология*. Москва: Академия, 2001. ISBN 5-7695-0745-4.
- ОЖЕГОВ, С. И. *Словарь русского языка*. Москва, 1953.
- ОЖЕГОВ, С. И. *Словарь русского языка*. Москва, 1987.

- ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азбуковник, 1999. ISBN 5-89285-004-8.
- ТВАРДОВСКИЙ, А. Т. *Собрание сочинений в 6 томах*. Москва, 1980. Том V. S. 26.
- ТИХОНОВ, А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка в двух томах*. Москва, 1985. Том II.
- УШАКОВ, Д. Н. *Толковый словарь русского языка в 4 томах*. Москва, 2005. Том III. ISBN 5-93383-017-8.
- ФАСМЕР, М. *Этимологический словарь русского языка в четырех томах*. Москва: Прогресс, 1987. Том III.
- ШУСТОВ, А. Н. *Родина: большая и малая*. Русская речь. 2010, 6. S. 106–109. ISSN 01316117.

Internetové zdroje

- KŘEN, M. et al. *SYN2010: žánrově vyvážený korpus psané češtiny*. Praha: Ústav Českého národního korpusu FF UK, 2010. Dostupné z: <http://www.korpus.cz>.
- Национальный корпус русского языка [online]. *Основной корпус. Национальный корпус русского языка*, ©2003-2015. Dostupné z: <http://ruscorpora.ru/index.html>.
- *Пословицы и поговорки о Родине. Учебно-методический кабинет* [online]. Учебно-методический кабинет, ©2011-2015 [cit. 2015-05-20]. Dostupné z: <http://ped-kopilka.ru/poslovicy-i-pogovorki/poslovicy-i-pogovorki-o-rodine.html>.

Mgr. Kateřina Nosková

Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci
 Katedra slavistiky
 Sládkova 12, Jihlava 586 02, ČR
noskova.k@centrum.cz

V roce 2014 ukončila magisterské studium na Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci v oboru francouzská filologie – ruská filologie. V současnosti je studentkou 1. ročníku doktorského studia na tomtéž pracovišti v oboru ruský jazyk. V dizertační práci se hodlá zabývat analýzou překladů děl Milana Kundery (ČJ – FJ – RJ).

Porovnání českých, ruských a německých frazémů obsahující názvy orgánů smyslového vnímání

Kristýna Říhová

Abstract:

This article is concentrated on Czech, Russian and German idioms. Some idioms are introduced, organised into several tables, with their semantic and synonymous expressions. These idioms, including names of sense organs, were compared on their syntactic and lexical levels. This article summarizes results of the research.

Key words:

phraseology, idioms, proverbs, sense

V následujícím článku jsou v krátkosti představeny výsledky výzkumu v oblasti frazeologie. Cílem mého zkoumání bylo zanalyzovat frazeologické jednotky z hlediska lingvistiky, přesněji na morfologické, syntaktické a lexikální rovině. Jelikož je oblast frazeologie velice rozsáhlá, bylo zapotřebí analýzu zúžit na nějakou konkrétní skupinu frazémů. Pro výzkum byla tedy vybrána skupina frazémů, jejichž hlavním komponentem je některý z orgánů smyslového vnímání. Šlo tedy o frazémy obsahující komponent jazyk, nos, oko nebo ruka, a to ve všech jejich slovních formách. Pro srovnání frazeologie různých jazykových skupin bylo porovnáváno české (západoslovanský jazyk), německé (jazyk germánský) a ruské (východoslovanské odvětví indoevropských jazyků) znění ekvivalentních frazémů.

Nejprve je třeba si uvědomit, jaké místo frazeologie v jazyce a kultuře národa zaujímá. Základní hypotézou lingvokulturologie, tedy vědy zabývající se právě vztahem mezi jazykem a kulturou, je, že frazémy jsou projevem kultury člověka v jazyce. Nepochybně tomu tak je. Ve frazeologii totiž dochází k takzvané kulturní konotaci, při které nějaký výraz získává obrazně motivovaný význam. Tento proces odráží zkušenosti z historie národa a je také spojen s kulturními tradicemi a reáliemi, které jsou pro daný národ specifické. Při formování frazeologie hraje také významnou roli takzvaná kulturní paměť, tedy paměť, která uchovává vše, co daný národ po staletí prožil a vytvořil. „*Keďže kultúrna pamäť je viazaná na generačnú kontinuitu, autoobraz, identitu istej spoločnosti, jazyk ako jej konštituent sa ukazuje v tomto aspekte ako médium, ktorým sa zachovávajú a odovzdávajú identifikačne relevantné obsahy. Toto médium zahŕňa jazykové znaky rozličnej komplexnosti: slová, združené pomenovania, frazémy, parémy aj texty*“ (Dolník, 2010, s. 85). Pokud by tato kulturní paměť neexistovala, frazémy by se pro další generace nedochovaly. A právě proto, že frazeologie je propojením jazykového systému a reálií daného národa, by se jí při studiu cizích jazyků měla věnovat pozornost. Frazeologie byla dříve vnímána pouze jako součást lexikologie, avšak postupně se z ní stávala samostatná lingvistická disciplína a velký rozvoj zaznamenala ke konci 20. století. V současné době si frazeologie klade za cíl především zkoumání stylistiky a etymologie frazémů a také se zabývá otázkou propojení frazémů a kultury. Pozornost se věnuje také samotnému lingvistickému termínu *frazém*. Podle Čermáka (2007, s. 483) je třeba se v terminologii vyhnout termínu z ruštiny frazeologismus, který v jazyce českém asociuje termín do oblasti původu, jako například *anglicismus*. Dále pak upouští od používání staršího

pojmenování frazeologická jednotka a srovnává to s užitím spojení morfologická jednotka místo morfému. Nicméně v ruských publikacích se setkáme s termínem *фразеологизм* nebo *фразеологическая единица* běžně. Dále se také může užit termínu *idiom*, který je vnímán jako identický k *frazému*, rozdíl je pouze v tom, že při použití slova *frazém* se bere větší zřetel na formální stránku, zatímco u *idiomu* je jako důležitější vnímán význam.

Při samotném porovnávání frazémů byl tedy výchozím jazykem pro výběr frazémů jazyk český, přičemž byly do výběru zařazeny frazémy z doposud nejrozsáhlejšího českého frazeologického slovníku, jímž je Slovník české frazeologie a idiomatiky prof. Františka Čermáka a kol. Poté byly vyhledány sémantické ekvivalenty frazémů v česko-ruských a česko-německých překladových a výkladových frazeologických slovnících. Frazémy byly řazeny pro přehlednost abecedně podle hlavního komponentu. Celkově bylo porovnáno 87 frazémů a bylo zjištěno, že u 36 analyzovaných frazémů se jejich formální stránka ve všech třech jazycích shodovala. Bylo tomu tak například v těchto frazémech: *nebudu si tím špinit ruce* nebo *ruce pryč*, který podle SČFI (SČFI IV. Výrazy větné, 2009, s. 777). „může pocházet z roku 1878, kdy ho údajně použil Gladston proti Rakousku, když obsadilo Bosnu a Hercegovinu“, nebo frazém *ruce vzhůru*, který, opět podle (SČFI IV. Výrazy větné, 2009, s. 777), může pocházet z anglického „*Hands up!*“ pocházejícího od amerických lupičů.

V následující části jsou uvedeny některé konkrétní případy frazémů a jejich porovnání v českém, ruském a německém jazyce. Pro přehlednost jsou frazémy uvedeny v tabulkách. V prvním řádku je uvedeno znění frazému v českém, ruském a německém jazyce, ve druhém řádku jsou vypsány synonymní výrazy daného frazému a ve třetím řádku je připomenuta sémantika idiomu. Pokud se výrazy nebo sémantiku nepodařilo ve slovnících vyhledat, je daná kolonka proškrtnuta.

Tabulka č. 1 – porovnání frazému *držet jazyk za zuby*

Držet jazyk za zuby.	Держать язык за зубами.	Reinen / den Mund halten.
Držet jazyk na uzdě; držet hubu na uzdě; dát si hubu na zámeček (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 251).		Seine Zunge im Zaum halten (Heřman, 2010, 2. Sv., s. 2461).
„(čl. v kontaktu s lidmi ve vztahu k svěřené informaci, důvěrnosti, tajemství apod. :) vůbec o něčem nemluvit, zcela o něčem mlčet“ (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 251).	„молчать, не болтать, не говорить лишнего; быть осторожным в высказываниях“ (Birich, 2005, s. 780).	„verschwiegen sein; nichts verraten“ (Heřman, 2010, 2. Sv., s. 1417); „sich von einer unbedachten Äußerung hüten“ (Heřman, 2010, 2. Sv., s. 2461).

Zatímco v české a ruské verzi frazému *držet jazyk za zuby* je použito jako hlavní komponent slovo „jazyk“ („язык“), v jazyce německém je užito slova „Mund“ (ústa).

Tabulka č. 2 – porovnání frazému *mít plné ruce práce*

Mít plné ruce práce.	У кого-то работы по горло.	Alle Hände voll zu tun haben.
Být na roztrhání; být v jednom kole; mít starostí až nad hlavu (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 698).	Иметь полно работы с чем.; быть завален работой (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 698).	Beide Hände voll zu tun haben (Heřman, 2010, 1. Sv., s. 859); viel um die Ohren haben (Heřman, 2010, 2. Sv., s. 1517).
„být krajně zaměstnaný a stačit to nebo vzdorovat tomu jen s námahou“ (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 698).	„очень много. Работы по горло“ (Tichonov, 2003, s. 54).	„sehr viel Arbeit haben; sehr beschäftigt“ (Heřman, 2010, 1. Sv., s. 859).

Tabulka č. 3 – porovnání frazému *být v něčem až po uši*

Být v něčem až po uši.	Увязнуть в чём по уши.	Bis zum Hals in etwas stecken.
Vězet v tom až po uši; být v něčem až po krk; lítat v něčem (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 837).	Сильно, полностью увязнуть (Baranov, 2009, s. 572).	Bis über den Hals darin stecken (Heřman, 2010, 1. Sv., s. 835).
„být do něčeho plně zapletený a nést, mít za to vinu“ (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 837).	„в максимально возможной степени быть вовлеченным в некоторое действие/состояние“ (Baranov, 2009, s. 572).	„große Belastungen zu ertragen haben; auf große Schwierigkeiten treffen“ (Heřman, 2010, 1. Sv., s. 835).

Tabulka č. 4 – porovnání frazému *zapsat si něco za uši*

Zapsat si něco za uši.	Зарубить себе на носу.	Sich etwas hinter die Ohren schreiben.
Vzít si něco k srdci; vtisknout si něco do paměti (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 839).	Навязать на память узелок; зарубить на стенке (Alefrenko, 2008, s. 250).	
„dobře si něco jako zásadu, poznatek do budoucnosti zapamatovat“ (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 839).	„запомнить крепко-накрепко, навсегда. Употребляется в форме императивного высказывания“ (Alefrenko, 2008, s. 250).	„sich etwas gut / genau merken; einen Hinweis beachten“ (Heřman, 2010, 2. Sv., s. 1517).

U frazémů *mít plné ruce práce*, *být v něčem až po uši* a *zapsat si něco za uši* se vždy v jednom z jazyků lišil hlavní komponent. U frazémů *mít plné ruce práce* byl komponent

odlišný v ruském ekvivalentu, kde nešlo o komponent „ruka“, nýbrž o komponent „krk“. Frazém *být v něčem až po uši* se naproti tomu lišil v jazyce německém, kde byl hlavním komponentem krk.

Třináct frazémů mělo pak v každém z jazyků úplně jinou strukturu nebo hlavní komponent. Příkladem může být frazém *mít jazyk na vestě*, který je v ruském a českém jazyce vyjádřen zcela odlišnou strukturou, než je tomu v jazyce německém, kde je podstatné jméno jazyk pouze rozvito přídavným jménem. V jazyce českém se jedná o výraz slovesný, v ruském výraz větný a v německém jazyce je hlavní komponent rozvit příslovečným určením.

Tabulka č. 5 – porovnání frazému *mít jazyk na vestě*

Mít jazyk na vestě.	У кого язык на плече.	Mit hängender Zunge.
Sotva dechu popadat (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 252); bez dechu (SČFI II. Výrazy neslovesné, 2009, s. 126); Přiletět někam s vyplazeným jazykem (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 251).	Высунув язык (SČFI II. Výrazy neslovesné, 2009, s. 126); прибежать с высунутым языком (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 251); он весь в мыле (Mokijenko, 2002, s. 206).	Jemand rennt sich die Zunge aus dem Hals (Heřman, 2010, 2. Sv., s. 2462).
„být udýchaný nebo vysušený a mít palčivou žízeň“ (SČFI III. Výrazy slovesné, 2009, s. 252).	X	„außer Atem und erschöpft ankommen“ (Heřman, 2010, 2. Sv., s. 2459).

Jelikož se v ruském jazyce často vyskytují přechodníky, projevovalo se to i ve frazémech a ve dvou případech byl frazém vyjádřen pomocí přechodníku přítomného. Bylo tomu tak konkrétně u frazému *se založenýma rukama*.

Tabulka č. 6 – porovnání frazému *se založenýma rukama*

Se založenýma rukama.	(Сидеть) Сложь руки.	Die Arme sinken lassen.
„někdo neprojevuje žádnou aktivitu, chová se pasivně“ (SČFI II. Výrazy neslovesné, 2009, s. 304).	„бездействовать, бездельничать“ (Birich, 2005, s. 610).	„die Hoffnung aufgeben“ (Heřman, 2010, 1. Sv., s. 100).

V německém jazyce se v několika frazémech vyskytla kompozita (*Augapfel, Augenmaß*), která jsou v německém jazyce velice rozšířena, neboť kompozice je nejčastějším způsobem tvoření slov v tomto jazyce. Projevily se zde tedy charakteristické rysy daných jazyků.

Při analýze bylo zjištěno, že zhruba u 40 % analyzovaných frazémů se jejich obsahová i formální stránka shoduje ve všech třech cílových jazycích. V některých případech se však vnímání jazykového obrazu světa neshodovalo, například ve frazémech *mávat někomu něčím před nose* – *ткнуть под нос* – *jemandem etwas unter die Nase halten* nebo *dát za někoho*

ruku do ohně – ручаться головой за кого – sich für jemanden die Hand abschlagen lassen. Nejčastěji se hlavní komponent lišil u ruské varianty frazému.

Při zkoumání frazémů byla věnována pozornost rovněž etymologii frazémů. Je nutno říci, že po této stránce frazémy příliš prozkoumány nejsou. Z cílových jazyků má v tomto směru náskok ruská frazeologie. Ruští lingvisté se touto otázkou začali zabývat již po roce 1995 a nyní existuje několik titulů, které se touto problematikou zabývají. Nebylo sice možné vyhledat původ všech vybraných frazémů, nicméně pokud byla etymologie zkoumaného frazému dohledána, pocházela ruská varianta frazému především z francouzského nebo německého jazyka. Velké množství frazémů mělo pak své kořeny ukotveny již v Bibli.

Jedním z dílčích cílů při zkoumání frazémů bylo zjistit, co frazeologii jazyka ovlivňuje, zda jde především o příbuznost jazykových systémů, nebo zda hraje větší roli geografická poloha daných kultur. Jelikož se strukturně shodovaly nebo velmi podobaly jak české a ruské ekvivalenty frazémů, tak i české a německé v podstatě ve stejné míře, nelze s určitostí říci, čím konkrétně je ovlivněna podobnost struktury frazémů v různých jazycích, zda je dána spíše příbuzností jazykových systémů nebo geografickou polohou kultur. Dá se předpokládat, že oba tyto faktory mají na tvorbě frazémů daného jazyka svůj podíl.

Seznam použitých zdrojů

- ČERMÁK, F. *Frazeologie a idiomatika : česká a obecná = Czech and general phraseology*. Vyd. 1. Praha : Karolinum, 2007. 718 s. ISBN 978-80-246-1371-0.
- ČERMÁK, F. *Idiomatika a frazeologie češtiny : skriptum pro posl. filozof. fak. Univ. Karlovy*. Praha : Univerzita Karlova, 1982. 239 s.
- DOLNÍK, J. *Jazyk - člověk - kultura*. 1. vyd. Bratislava : Kalligram, 2010. 221 s. ISBN 978-80-8101-377-5.
- MOKIJENKO, V. M., STĚPANOVA L. I. *Ruskaja frazeologija dlja Čechov*. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2008. 259 s. ISBN 978-80-244-1916-9.
- MRHAČOVÁ, E. *Názvy částí lidského těla v české frazeologii a idiomatice: (tematický frazeologický slovník II)*. Ostrava : Ostravská univerzita, 2000. 201 s. ISBN 80-7042-570-9.
- NIKITINA, T. G., ROGALEVA E. I., BUREŠOVÁ B., RYKOVSKÁ M. *Učebnyj slovar' ruskaj frazeologii: na ruskom i češskom jazykach : zábavný slovník ruské frazeologie*. Plzeň : Fraus, 2013, 327 s. ISBN 9788074890024.
- STĚPANOVA, L. I. *Česká a ruská frazeologie: diachronní aspekty*. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2004. 297 s. Monografie. ISBN 80-244-0795-7.
- TELIJA, V. N. *Ruskaja frazeologija: semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty*. Moskva : Škola Jazyki ruskaj kul'tury, 1996. 284 s. ISBN 5-88766-047-3.

Použité slovníky

- ALEFIRENKO, N. F., ZOLOTYCH L. G. *Frazeologičeskij slovar': kul'turno-poznavatel'noje prostranstvo ruskaj idiomatiki*. Moskva : ELPIS, 2008. 469 s. ISBN 978-5-902872-18-4.

- BARANOV, A. N., DOBROVOL'SKIJ, D. O. *Frazeologičeskij ob'jasnitel'nyj slovar' russkogo jazyka: boleje 1000 idiom (2000 značenij)*. Moskva : Eksmo, 2009. 700 s. ISBN 978-5-699-30033-4.
- BIRICH, A. K., MOKIJENKO, V. M., STĚPANOVA, L. I. *Slovar' russoj frazeologii: istoriko-ětimologičeskij spravočnik*. Sankt-Peterburg: Folio-Press, 1998. 704 s. ISBN 5-7627-0103-4.
- BIRICH, A. K., MOKIJENKO, V. M., STĚPANOVA, L. I. *Russkaja frazeologija : istoriko-etimologičeskij slovar' : okolo 6000 frazeologizmov*. 3. Vyd. Moskva : Astrel', 2005. 926 s. ISBN 5-271-11199-7.
- BIRICH, A. K., MOKIJENKO, V. M., STĚPANOVA, L. I. *Slovar' frazeologičeskich sinonimov russkogo jazyka: svyše 8000 russkich frazeologizmov, 950 sinonimičeskich rjadov, tolkovanije značenij, alfavitnyj ukazatel' frazeologizmov*. Moskva : AST-Press, 2009. 444 s. ISBN 978-5-462-00934-1.
- ČERMÁK, F., HRONEK, J., MACHAČ, J. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1, Přirovnání. 2.*, přeprac. a dopl. vyd. Praha : Leda, 2009. 507 s. ISBN 978-80-7335-216-5.
- ČERMÁK, F., HRONEK, J., MACHAČ, J. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. 2, Výrazy neslovesné. 2.*, přeprac. a dopl. vyd. Praha : Leda, 2009. 547 s. ISBN 978-80-7335-217-2.
- ČERMÁK, F., HRONEK, J., MACHAČ, J. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. 3, Výrazy slovesné. 2.*, přeprac. a dopl. vyd. Praha : Leda, 2009. 1247 s. ISBN 978-80-7335-218-9.
- ČERMÁK, F. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. 4, Výrazy větné. 1.* vyd. Praha: Leda, 2009. 1267 s. ISBN 978-80-7335-219-6.
- FEDOROV, A. I. *Фраzeологический словарь русского литературного языка : в 2-х т. : более 12 000 фразеологических единиц*. Novosibirsk : Nauka, 1995. 391 s. 1-2 sv. ISBN 5-02-030866-8.
- HEŘMAN, K., BLAŽEJOVÁ M., GOLDHAHN H. *Deutsch-tschechisches Wörterbuch der Phraseologismen und festgeprägten Wendungen = Německo-český slovník frazeologizmů a ustálených spojení*. Praha : C. H. Beck, 2010. 1-2 sv. ISBN 978-80-7400-175-8.
- MOKIJENKO, V. M. *Slovar' sravnenij russkogo jazyka: 11 000 jedinic*. Sankt-Peterburg : "Norint", 2003. 603 s. ISBN 5-7711-0153-2.
- MOKIJENKO, V. M., WURM, A. *Česko-ruský frazeologický slovník*. 1. vyd. Olomouc : Univerzita Palackého, 2002. 659 s. ISBN 80-244-0406-0.
- SCHOLZE-STUBENRECHT, W. *Duden Zitate und Aussprüche*. Mannheim : Dudenverlag, 1993. 827 s. Duden in 12 Bänden; Bd. 12. ISBN 3-411-04121-8.
- STĚPANOVA, L. I. *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. 878 s. ISBN 978-80-244-1750-9.
- TICHONOV, A. N. *Frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka: svyše 10 tysjač frazeologizmov*. Moskva : Vysšaja škola, 2003. 334 s. ISBN 5-06-004736-9.

Bc. Kristýna Řihová

Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy

Kozárovice 99, p. Zalužany 262 84

kikinari@seznam.cz

Studentka Pedagogické fakulty Univerzity Karlovy oborové kombinace německý a ruský jazyk. Mezi mé záliby patří překlady textů a jejich korektury, fotografování, návštěva kulturních akcí a cestování.

Špecifickosť ustálených prirovnaní k zvieratám v slovenskom a ruskom obraze sveta

Zuzana Vargová

Abstract:

Phraseological comparisons, as specific group of idioms, reflect daily repeating situations, attitudes, opinions, features and ideas about self and about a world of each linguistic community. Their research allows us to take a closer look and to understand the linguistic worldview of particular cultures and nations. The aim of this essay is to create orientational categorization of Slovak and Russian idioms according to the excerption from affordable resources. In the center of our research are phraseological comparisons thematically focused on animals. By means of comparative research we will compare the occurrence of phraseological comparisons in Slovak and Russian linguistic worldview.

Key words:

phraseology, linguistic worldview, phraseological comparisons.

Ustálené prirovnania patria do špecifickej skupiny frazém. Mohli by sme ich charakterizovať ako prostriedky obrazného vyjadrovania, ktoré zaraďujeme medzi neparemiologické ustálené výrazy, pretože neoznačujú podstatu menom, ale istým druhom opisu. Z hľadiska povahových vlastností majú veľmi blízko k metafore, avšak ustáleným prirovnáním reálne nepriravnávame, ich význam je skôr intenzifikačného charakteru (http://www.juls.savba.sk/ediela/frazeologicka_terminologia/). Obsahujú vždy hodnotiaci aspekt, ktorým bežný používateľ jazyka reflektuje percepciu podnetov z vonkajšieho sveta a ich následným odrazom v jazyku vyjadruje subjektívne hodnotiace postoje a názory. Podnety z okolia sa v našom vedomí objavujú vo forme predstáv a obrazov. „*На современном этапе когнитивных исследований общеизвестным и доказанным является факт, что человек мыслит образами, которые облакаются в слова (вербализуются) посредством языка*“ (Alefirenko – Korina, 2011, s. 111). Vnútorne prežívanie ako reakcia na vonkajšie podnety a jeho následná reflexia v jazyku reprezentuje jazykový obraz sveta konkrétneho jednotlivca.

Jazykový obraz sveta (JOS) má antropocentrický charakter, pretože predstavuje taký obraz sveta aký sa subjektívne javí konkrétnemu nositeľovi jazyka, pričom človek stojí v jeho centre (Vaňková, 2005, s. 60). JOS sa primárne vzťahuje na prirodzený svet a je viazaný na kontexty každodenného života, neustále sa opakujúce každodenné situácie, vzťahy a názory daného jazykového spoločenstva. Hlbšie zakotvenie antropocentrizmu v jazyku môžeme odhaliť skúmaním hodnotiaceho charakteru JOS. Ako uvádza Vaňková v jazyku má najvyššiu hodnotu práve človek a jeho „ľudské vlastnosti“, z tohto dôvodu veľa ustálených prirovnaní vychádza z protikladu človek – zviera, pričom to „zvieracie“ je oproti „ľudskému“ vždy negatívne (*chovať sa ako človek – chovať sa ako zviera; cítiť sa znovu ako človek; byť ako dobytok*). S antropocentrizmom JOS súvisí aj antropomorfizmus, teda tendencia „poľudšťovať“ (chápať ako ľudí) nielen zvieratá (*pes sa chová akoby bol zalúbený*), ale aj veci (*práčka sa chová akoby mi vypovedala poslušnosť*) (porov. Vaňková, 2005, s. 60 – 64).

Veľká časť ustálených frazeologických prirovnaní je tematicky spojená so zvieratami, ktoré sú súčasnými bádateľmi označované ako animalistické frazeologizmy resp. animalizmy,

alebo frazeologizmy so zoosemickým komponentom (Valodzina – Salavej; Krošláková; Birich – Mokijenko - Sťepanova). Animalizmy sa prirodzene vo veľkej miere vyskytujú v jazyku, pretože fauna ako objekt z vonkajšieho sveta predstavuje široký rámec rôznorodých podnetov, ktoré obklopujú človeka. Vo všeobecnosti môžeme povedať, že ustálené prirovnania tematicky zamerané na faunu majú metaforický charakter a zvyšujú informačný koeficient jazyka, pretože vyvažujú nedostatok slovotvorných prostriedkov jazyka slúžiacich na označovanie predmetov, javov, stavov, pocitov, emócií a hodnotení (Valodzina – Salavej, 2011, s. 4). Na účely nášho výskumu budeme dané jednotky označovať ako frazeologické animalizmy.

Cieľom predkladanej štúdie bol komparatívny výskum frazeologických animalizmov slovenského a ruského jazyka na základe excerpcie ustálených frazeologických jednotiek zo slovníkových zdrojov. Pozornosť zameriame na slovenský a ruský obraz sveta, ktorý je úzko spojený s jazykovou kategorizáciou skutočnosti a nachádza svoj odraz aj v oblasti frazeológie, pretože ju môžeme považovať za onomaziologické uchopenie sveta (Korina, 2014, s. 55). Zo slovenských frazeologických slovníkov *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Povaha, mravy a duševné prejavy* (Záturecký, 2011), *Frazeológia v škole* (Miko, 1989), *Malý frazeologický slovník* (Smiešková, 1989) a *Frazeologický slovník: človek a príroda vo frazeológii* (Habovštiaková – Krošláková, 1996) sme vyexcerpovali viac ako 130 ustálených slovenských ustálených frazeologických prirovnaní tematicky orientovaných na faunu, ktoré sme rozdelili na jednotlivé kategórie, pričom ku každej kategórii uvádzame niekoľko príkladov. Zohľadníme komparatívny aspekt jazyka, pretože JOS sa najvýraznejšie ukazuje v komparatívnom aspekte, a porovnáme vyexcerpovaný materiál s ďalším slovanským jazykom – ruským, ktorý je veľmi dobre spracovaný vo forme frazeologických slovníkov *Ruské idiomy: Russkije frazeologizmy* (Podlesnych, 2011) a *Rusko-slovenský frazeologický slovník* (Dorotjaková, 1998).

Skúmaný materiál sme rozdelili na tri základné kategórie. Prvú kategóriu tvoria frazeologické animalizmy reflektujúce *I. Vlastnosti*, ktoré sme si rozdelili podľa charakteru na *záporné a frazémy ambivalentnej reflexie*, ktoré môžu byť považované za kladné aj za záporné v závislosti od kontextu. Kategóriu vlastností sme uviedli ako prvú kategóriu, pretože prirovnávací a metaforický charakter animalizmov sa prirodzene využíva najmä pre opis charakterových a vonkajších vlastností človeka. Ako príklad frazeologických animalizmov tematicky odrážajúcich negatívne vlastnosti sme si zvolili slovenské *hlúpy ako baran/somár* a ako ruský ekvivalent sme vyexcerpovali ustálené frazeologizované prirovnanie *глуп как сивый мерин*. V slovenskom jazykovom obraze sveta sú na vyjadrenie hlúposti niekoho obrazne použité prirovnania k hospodárskym zvieratám, ktoré sú charakteristické vlastnosťami ako tvrdohlavosť, zaťatosť, nepoddajnosť. Oproti tomu, v ruskom jazykovom obraze sveta je na reflektovanie rovnakej vlastnosti obrazne použitý kôň - žrebec, ktorý bol využívaný pri fyzicky náročných hospodárskych prácach s tým rozdielom, že kôň je oproti baranovi a somárovi pracovitý a nie je problém toto hospodárske zviera domestikovať a využívať pri práci. V ruskom JOS je dané zviera použité na označenie hlúposti niekoho v tom zmysle, že má vlastnosti ako poddajnosť, povolnosť a poslušnosť.

Ako príklad pre *frazémy ambivalentnej reflexie* si zo slovenského materiálu zvolili frazeologické ustálené prirovnania *mlčanlivý/á ako ryba* a ruský ekvivalent *нем (немой) как рыба*. Daný frazeologický animalizmus sa vo väčšine prípadov používa na označenie človeka, ktorý veľa nenahovorí, skôr pozoruje a počúva svoje okolie. V jazykových obrazoch sveta

oboch jazykov je použité rovnaké zviera – ryba, pretože na území súčasnej Slovenskej republiky a Ruskej federácie bol lov rýb pravdepodobne odjakživa jednou z foriem zdroja obživy. Existujú dôkazy, že sa ním zaoberali Kelti, Rimania a starí Slovania taktiež využívali rybárstvo ako doplnkový zdroj obživy. Po príchode kresťanstva vzrástol význam rýb ako potravy z dôvodu vzniku pôstov. Vzhľadom na skutočnosť, že ryby tvoria neoddeliteľnú súčasť slovenskej aj ruskej gastronómie je prirodzené, že našli aj svoj odraz v oboch jazykoch vo forme ustálených frazeologizovaných prirovnaní. Pri skúmaní väčšieho množstva materiálu sa nám potvrdil antropocentrický charakter frazeologických ustálených prirovnaní, pričom najvyššiu hodnotu má vždy človek v protiklade so zvieratami – v slovenských frazeologických prirovnaniach majú dominantnú prevahu tie ktoré reflektujú negatívne vlastnosti a pri excerpovaní z ruských slovníkových zdrojov sme nenašli ani jedno ustálené prirovnanie tematicky súvisiace so zvieratami, ktoré by reflektovalo kladnú vlastnosť, či už vnútornú, alebo vonkajšiu.

Ďalšia nami vyčlenená kategória je kategória 2. *Stavy*, ktorú sme si rozdelili na tri podkategórie: *pozitívne a negatívne stavy* a *frazémy ambivalentnej reflexie*, pričom ku každej si uvedieme príklad zo slovenského aj ruského materiálu. V kategórii 2. *Stavy* sme si ako príklad pre frazeologizmy reprezentujúce pozitívne stavy zvolili frazému *cítiť sa ako ryba vo vode*, ktorej ruský ekvivalent je *чувствовать себя где-я. как рыба в воде*. V oboch jazykoch je dané frazeologické slovné spojenie vo význame cítiť sa niekde veľmi dobre, spokojne. Ako sme už vyššie uvideli ryby ako zdroj obživy majú významné miesto v JOS oboch kultúr, z tohto dôvodu sú aj v prezentovanom príklade v absolútnej, nie len významovej zhode, ale sú totožné aj v použitých výrazových prostriedkoch.

V procese spracovávaní skúmaného materiálu sme zistili, že v kategórii stavy majú prevahu frazémy s negatívnymi konotáciami medzi slovenskými ako aj medzi ruskými frazeologizmami. Ako príklad sme si vybrali slovenský frazeologizmus *byť ako zbitý pes* s ruským ekvivalentom *устать/измучиться как собака*. V slovenskom JOS sa frazeologické slovné spojenie *byť ako zbitý pes* používa vo význame byť unavený/á avšak nie len fyzicky, ale najmä je spájané s únavou po psychickej stránke. Oproti tomu ruský ekvivalent *устать/измучиться как собака* je používaný v prvom rade na reflektovanie fyzickej únavy. Nakoľko sa v kategórii negatívne stavy vyskytol väčší počet frazeologických animalizmov pridávané ešte príklad *nadul sa ako moriak* s ruským ekvivalentom *надулся как (будто, словно, точно) мышь на крышу*. V ruskom JOS daný frazeologický animalizmus vyjadruje stav kedy sa niekomu niečo nepáči/je nespokojný/á a z toho dôvodu je nahnevaný/á. V slovenskom JOS fráza *nadul sa ako moriak* reflektuje primárne urazenosť a až ako sekundárny význam sa používa na vyjadrenie hnevu. V daných ekvivalentoch je tiež rozdiel vo výrazových prostriedkoch. V ruskom jazyku je použité ako prirovnávacie zviera – myš a v slovenskom jazyku je použité zviera – moriak, ktorý počas prejavov rôznych emócií zväčšuje svoj objem, čo sa v tomto prípade prirovnáva k zväčšeným lícam urazeného dieťaťa, alebo človeka.

Posledná kategória ustálených prirovnaní tematicky zameraných na faunu a jej reflexiu v slovenskom a ruskom JOS je kategória 3. *Činnosti*, pri ktorej sme zároveň zaznamenali aj najvyšší počet frazeologických animalizmov. Domnievame sa, že v danej kategórii sa vyskytuje vysoký počet frazeologických animalizmov, pretože človek neustále vykonáva určitú činnosť, či už sú to bežné každodenné aktivity, alebo zriedkavejšie, príležitostné deje. Človek sa vykonávaním činnosti nachádza v strede jej diania a prostredníctvom subjektívneho

hodnotenia klasifikuje danú aktivitu. Je prirodzené obracať sa pri hľadaní vhodných pomenovaní a prirovnaní k tomu čo je známe, preskúmané a najbližšie z tohto dôvodu sú nie samotné činnosti, ale kvalita ich vykonávania a charakter prirovnania k činnostiam zvierat.

Kategóriu 3. *Činnosti* sme rozdelili na dve podkategórie: *aktívne* a *pasívne* činnosti. Ako príklad pre frazeologické animalizmy reprezentujúce kategóriu aktívnych činností sme si zvolili ruský frazeologizmus *играть как кошка с мышкой (мышью)*, ktorého slovenský ekvivalent je *hrať sa s niekým ako mačka s myšou*. Nazdávame sa, že je tento frazeologizmus rozšírený v oboch jazykoch, pretože aj mačka aj myš boli vždy súčasťou nie len hospodárskych domácností. Zaujímavá je voľba slovesa, ktorá je rovnaká pre oba jazyky – *hrať sa*. Podľa nášho názoru je to z toho dôvodu, že mačka je predátor, ktorý loví aj keď nie je hladný, doslova by sa dalo prirovnať lov mačky skôr k zábave ako k nutnosti. Ako ďalší príklad frazeologického animalizmu reprezentujúceho kategóriu aktívnych činností sme si zvolili *драть (лупить, пороть, сечь)/выдрать (отлупить, выпороть, высесть) как сидорову козу* so slovenským ekvivalentom *zbiť (zdrať) niekoho ako hada/zmlátiť niekoho ako psa/koňa*. V oboch jazykoch slúži daný frazeologický animalizmus na vyjadrenie významu – *niekoho veľmi zbiť/zmlátiť*. Rozdiel je však v použitých vyjadrovacích prostriedkoch. Ruský jazyk využíva prirovnanie *zbiť niekoho ako kozu*, oproti tomu slovenčina má pre daný frazeologický animalizmus viacero variantov – *zbiť niekoho ako hada/koňa/psa*. Domnievame sa, že tento rozdiel je spôsobený rozdielnosťami v chove rôznych druhov zvierat a ich rozdielne využívanie na hospodárske účely.

Pre druhú podkategóriu – *pasívne činnosti* sme si zvolili z vyexcerpovaného materiálu príklad *разбираться/смыслить/понимает как свинья в апельсинах* so slovenským variantom *rozumieť sa niečomu ako hus do piva*. Oba frazeologické animalizmy nesú význam – *nerozumieť sa niečomu*. Hoci samotný frazeologický animalizmus je zostavený ako kladná veta nesie ironický význam – *rozumieť sa do niečoho ako prasa do pomarančov (RU)*, alebo *rozumieť sa niečomu ako hus do piva (SK)*. Ako druhý príklad pre danú kategóriu sme zvolili frazeologizmus *как баран на новые ворота/на воду смотреть/глядеть/установиться* so slovenským ekvivalentom *pozerať ako teľa na nové vráta*. Ruský jazyk využíva pri tomto frazeologickom animalizme ako prirovnávací prostriedok barana, ktorému sú prisudzované vlastnosti ako *zaťatosť* či *tvrdohlavosť* a v tomto istom význame sa v slovenskom jazyku využíva prirovnanie k teľaťu. *Hľadiť/pozerať ako teľa na nové vráta/ как баран на новые ворота/на воду смотреть/глядеть/установиться* sa v jazyku využíva na vyjadrenie prekvapenia, šoku alebo nedôvery voči zmenám, čo je typické pre oba druhy zvierat.

Pri skúmaní frazeologických animalizmov slovenského a ruského jazyka sme narazili na také, ktoré nie je možné zaradiť do predošlých kategórií, napríklad pri slovenských frazeologizmoch by bolo možné vytvoriť kategóriu *Farby*, ktorá by bola zameraná na rolu farieb pri zobrazovaní ľudských vonkajších vlastností (*Čierny ako havran; Sivý ako holub*), alebo vnútorne prežívaných emócií reflektovaných v tvári človeka prostredníctvom zmeny farby pokožky (*Očervenieť ako rak; Červený ako moriak/ako (varený) rak*), prípadne na vyjadrenie vnútornej čistoty a nevinnosti (*Biela ako hus* – používa sa pri mladých dievčatách). Z ruských ustálených prirovnaní sa nám javí veľmi originálne *гость как рыба: на третий день начинает смердеть*, ktoré prirovnáva hostí na príliš dlhej návšteve k rybám.

Zvieratá od nepamäti tvoria neoddeliteľnú súčasť ľudskej spoločnosti, hoci ich úlohy sa najmä za posledné roky výrazne zmenili. Ľudia sa presunuli do miest, kde sa zvieratá chovajú najmä ako domáci miláčikovia a nie na ochranu a obranu obydlia, ako tomu bolo pred desaťročiami. Aj keď sa rola zvierat a ich postavenie v ľudskej spoločnosti zmenilo isté druhy zvierat, konkrétne pes a mačka stále zostávajú najčastejšími spoločníkmi ľudí, čo prirodzene nájde svoj odraz v jazyku. Okrem mačky a psa sa veľmi často vyskytovali prirovnania k rôznym hospodárskym zvieratám (sliepka, kohút, hus, kôň, somár). Nazdávame sa, že častý výskyt konkrétne týchto druhov zvierat je odrazom ich pozície v danom jazykovom spoločenstve. Prirovnania ku zvieratám patria k najstarším frazeologizmom v jazyku. Z tohto dôvodu informačne reflektujú starší JOS, avšak ich častý výskyt v súčasnom jazyku nám umožňuje im porozumieť. Bádanie v oblasti animalizmov považujeme za veľmi zaujímavé, nakoľko dané frazémy pomáhajú lepšie spoznať mentalitu a charakterové vlastnosti príslušníkov jednotlivých kultúr.

Použitá literatúra

- ALEFIRENKO, N., KORINA, N. *Problémy kognitívnej lingvistiky*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, 2011. 215 s. ISBN 978-80-8094-987-7
- BIRICH, A., MOKIJENKO, V., STĚPANOVÁ, L. *Russkaja frazeologija: istoriko-etimologičeskij slovar'*. Moskva: Ljuks, 2005, 926 s. ISBN 5-9660-1445-0.
- ĎURČO, P., MLACEK, J. *Frazeologická terminológia* [online]. Bratislava: Stimul, 1995, 159 s. [cit. 2015-08-23]. ISBN 80-856-9719-X. Dostupné z: http://www.juls.savba.sk/ediela/frazeologicka_terminologia/
- KORINA, N. *Jazykovaja kartina mira i kognitivnyje priority jazyka*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, 2014. 204 s. ISBN 978-80-558-0702-7.
- KROŠLÁKOVÁ, E. *Frazeologické prirovnania so zoonymickým komponentom*. In: *Frazeologické štúdie II*. Ďurčo, Peter (red.). Bratislava: Esprima, 1997. 103–112.
- VALODZINA, T. V., SALAVEJ, L. M. *Sloŭnik belaruskikh narodnykh paraŭnanniaŭ*. Minsk: Belaruskaja navuka, 2011, 482 s. ISBN 978-985-08-1346-6.
- VAŇKOVÁ, I. *Co na srdci, to na jazyku: kapitoly z kognitivní lingvistiky*. Vyd. 1. Praha: Karolinum, 2005, 343 s. ISBN 80-246-0919-3.
- ZÁTURECKÝ, A. P. *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Povaha, mravy a duševné prejavy* [online]. Zlatý fond denníka SME 2011, [cit. 23. 8. 2015]. Dostupné z: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1441/Zaturecky_Slovenske-prislovia-porekadla-a-uslovia-Povaha-mravy-a-dusevne-prejavy

Slovníky

- DOROTJAKOVÁ, V. *Rusko-slovenský frazeologický slovník*. 1. vyd. Bratislava: Slovenské Pedagogické nakladateľstvo, 1998. ISBN 80-08-00304-9.
- HABOVŠTIAKOVÁ, K., KROŠLÁKOVÁ, E. *Frazeologický slovník: človek a príroda vo frazeológii*. 1. vyd. Bratislava: Veda, 1996, 176 s. ISBN 80-224-0477-2.

- MIKO, F. *Frazeológia v škole*. 1. vyd. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1989, 226 s. Knižnica študujúcej mládeže. ISBN 80-08-00113-5.
- PODLESNYCH, A. *Ruské idiomy: Russkije frazeologizmy*. Vyd. 1. Brno: Computer Press, 2011, 379 s. Jazykové učebnice pro samouky (Computer Press). ISBN 978-80-251-2779-7.
- SMIEŠKOVÁ, E. *Malý frazeologický slovník: učebná príručka na vyučovanie slovenského jazyka a literatúry v 6.-8. ročníku základnej školy s vyučovacím jazykom slovenským*. 5. vyd. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1989, 270 s.

Mgr. Zuzana Vargová

Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre

Filozofická fakulta

Katedra rusistiky

zuzana.vargova@ukf.sk

V roku 2013 ukončila štúdium na Univerzite Konštantína Filozofa v Nitre v odbore učiteľstvo akademických predmetov v študijnom programe anglický jazyk a literatúra a ruský jazyk a literatúra. V súčasnosti je študentkou 2. ročníka doktorandského štúdia v odbore slovanské jazyky a literatúry v študijnom programe slavistika – slovanské jazyky: ruský jazyk. Témou jej dizertačnej práce je Jazykový obraz sveta vo frazeologizovaných prirovnaniach (slovensko-ruský aspekt). Pedagogická činnosť: fonetika, základy ortografie.

Koncept „práca“ v paremiologickom fonde ruského a slovenského jazyka

Juliána Bardzaková

Abstract:

This work deals with a research in the problem area of paremiology in terms of its theoretical and comparative aspect. The aim is to point out paremiological minimum of the concept “work” in the Russian language and to compare it to the Slovak equivalents. Signification of the topic lies in the fact that this realm of paremiology is not examined enough yet and that the Russian and Slovak comparative plan is to be an important element of the research as well. The objects of the research are Russian and Slovak paremias. Theoretical basis is represented by the ideas and the concept of Russian, Slovak or foreign paremiology.

Key words:

Paremiology. Paremias. Concept “work”.

Poznať paremiologické bohatstvo jazyka a vedieť ho používať v reči je neoddeliteľnou súčasťou vysokej jazykovej kultúry nositeľa jazyka. V súčasnosti sa v lingvistiky zvyšuje pozornosť venovaná paremiologickým jednotkám, hoci treba podotknúť, že folklórnym žánrom a ich výskumu sa vedci venovali už skôr. Spomedzi ruských lingvistov možno spomenúť nasledovných: V. I. Daľ, J. A. Gvozdev, S. G. Gavrin, A. A. Potebňa, I. M. Snegirev. Medzi slovenskými lingvistami má nezastupiteľné miesto najmä A. P. Záturecký, ktorý sa venoval získavaniu a katalogizácii slovenských parémií.

Cieľom našej práce je poukázať na paremiologické minimum konceptu „práca/труд“ v rusko-slovenskom porovnávacom pláne. Taktiež chceme potvrdiť alebo vyvrátiť hypotézu, že v ruskom a slovenskom jazyku sú bohato zastúpené parémie, ktoré poukazujú na dôležitosť precíznej kvalitnej práce, ktorá v konečnom dôsledku bude zdrojom odmeny za výkon.

Aktuálnosť témy práce spočíva v: 1. otázke ako je jazyk spojený s ľudským svetom a ako na seba vzájomne vplyvajú jazyk a myslenie, jazyk a kultúra; 2. čiastočnej klasifikácii konceptov kultúry na materiáli ruských a slovenských parémií; 3. absencii výskumu sociálno-kultúrneho konceptu „práca“.

Ako zdroj pri našom výskume poslúžia materiály výkladových, etymologických a synonymických slovníkov ruského a slovenského jazyka a zborníky ruských a slovenských parémií. Teoretickú bázu výskumu budú predstavovať idey a koncepcie ruskej, slovenskej a inej zahraničnej paremiológie.

Jazyk je prostriedkom pri interpretácii spoločnosti, čoho výsledkom je jazykový obraz sveta. Pojem *jazykový obraz sveta*, ktorý ako hovorí ruský filológ G. V. Kolšanskij (2006) možno prijímať s určitým relativizmom, keďže jazyk sám o sebe žiadny obraz sveta nevytvára. Je len na človeku ako dokáže využívať jazyk ako prostriedok a osvojiť si a interpretovať svet v jeho objektívnej podobe. Slovenský lingvokulturológ J. Sipko vo svojej monografii tvrdí, že „vďaka jazykovému obrazu sveta evidujeme rebríček etnokultúrnych hodnôt, mnohé špecifiká a celý komplex etnických osobitostí národov, ktoré vynikajú pri porovnávaní s analogickými vlastnosťami druhých etník.“ (Sipko, 2011, 34). So spomenutou myšlienkou si dovoľíme súhlasiť, čím sa dostávame k úzkej súvislosti s paremiológiou a konceptualizáciou.

Východiskom pri našom výskume je teda pojem *koncept*. *Konceptualizácia* je proces vzniku konceptov a konceptosfér. Podstatou tohto procesu je pochopenie a spracovanie informácie človekom v priebehu poznávania skutočnosti. Mnohí autori vnímajú termín koncept pomerne široko. Patrí k nim aj osobnosť ruskej filológie J. S. Stepanov, ktorý sa v rámci svojej výskumnej činnosti orientoval aj na analýzu konceptov ruskej kultúry. J. S. Stepanov (2004) tvrdí, že koncept je zhustená podoba kultúry v ľudskom vedomí. Taktiež je toho názoru, že je to základná bunka kultúry v mentálnom svete človeka. Môžeme povedať, že koncept spája slovo so zmyslom, je teda sémanticky bohatší ako lexéma, ktorá ho predstavuje.

V súčasnej lingvistike sa vydeľuje niekoľko primárnych lexém, ktoré majú nezastupiteľné miesto pri konceptuálnom výskume. Otázka typológie konceptov je jednou z bazových teoretických otázok, ktoré si kladie kognitívna lingvistika. Roztriediť kategórie do podskupín sa snažili takí ruskí vedci ako M. V. Pimenova, S. G. Borkačev, V. A. Maslova, N. N. Boldyrev, Z. D. Popova.

Populárnym sa stalo vymedzenie konceptu, ktoré predostrela ruská lingvistka E. S. Kubrjakova (1996). Priniesla niekoľko príznakov konceptu. Hovorila o jeho operatívniosti, odraze ľudskej činnosti, prítomnosti invariantov a napokon aj o jeho flexibilitate.

V našom príspevku sa budeme opierať o klasifikáciu ruskej lingvistky M. V. Pimenovej (2004), ktorá vyčleňuje nasledujúce typy konceptov: obrazy (Rus, Rusko, mať), ideológie (socializmus, komunizmus), symboly (labuť) a taktiež kultúrne koncepty, ktoré delí do niekoľkých skupín. Patria sem: univerzálne kategórie (pohyb, počet, kvalita), sociálno-kultúrne kategórie (spravodlivosť, práca, bohatstvo), kategórie národnej kultúry (pre Rusov je to napr. vôľa, duša, duch), etické kategórie (dobro, zlo, povinnosť, pravda) a mytologické kategórie (boh, anjel). Koncept práca teda patrí k sociálno-kultúrnym kategóriám.

Z názvu práce vyplýva, že náš výskum bude realizovaný na materiáli ruských a slovenských parémií. *Paremiológia* je subdisciplína, ktorá stojí medzi dvoma pólmi, medzi výskumom folkloristov a výskumom jazykovedcov. Folkloristi skúmajú parémie ako malé folklórne žánre, v ktorých sa odzrkadlila kultúra, život a myslenie národa. Naopak lingvisti vnímajú parémie (základné jednotky paremiológie) ako jazykové jednotky. Navzájom sú však tieto výskumy podmienené. Slovenský jazykovedec J. Pavlovič (2012) charakterizuje paremiológiu ako filologicky orientovanú časť folkloristiky, ktorá skúma parémie, teda ustálené rečové útvary. Podobnú myšlienku vyslovil aj slovenský lingvista J. Mlacek (1984), ktorý definuje paremiológiu ako súhrn všetkých malých folklórnych útvarov, ale zároveň dodáva, že ide aj o časť folkloristiky, ktorá spomínané folklórne žánre skúma. Otázkou je, aké malé folklórne žánre patria k paremiologickým jednotkám.

Folkloristi k parémiám priradzujú príslovia, porekadlá, pranostiky, hádanky, prirovnania. Lingvisti často zužujú svoj záber výskumu. Slovenskí lingvisti M. Ološtiak a L. Gianitsová-Ološtiaková (2007) hovoria o troch typoch parémií: príslovie, porekadlo, pranostika. V našom príspevku sa budeme venovať výskumu prísloví a porekadiel ako paremiologických jednotiek s prihliadnutím na tému konceptu „práca“.

Príslovia a porekadlá si sú svojou podstatou blízke. Majú však aj odlišnosti, ktoré umožňujú rozlíšiť hranice medzi nimi. Ruský lingvista V. M. Morochin (1986) hovorí o prísloví ako o krátkom, poeticky obraznom, rytmicky organizovanom diele národnej tvorby, ktoré spája historické a sociálno-spoločenské znalosti generácií. Hovorí tiež, že príslovie, na rozdiel od porekadla, podáva čitateľom všeobecné poučenie. Porekadlo je podľa neho krátka výpoveď,

pre ktorú nie je typická úplnosť záveru, nevyplýva z neho poučenie. Na inom mieste tento autor spomína myšlienku veľkého ruského folkloristu a jazykovedca V. I. Daľa o tom, že porekadlo je kvet a príslovie plod. Stotožňuje sa teda s tvrdením, že porekadlo je prvou polovicou príslovia.

Vo verbalizácii konceptu „*práca/ труд*“ sú prítomné parémie, ktoré okrem konceptotvoriaceho slova obsahujú aj jeho synonymá. V Malom synonymickom slovníku (1983) slovenského jazyka sú v synonymickom rade uvedené lexémy robota, činnosť, námaha, dielo, výtvor, útvor, výrobok. V slovenskom jazyku v nami uvedenom paremiologickom minime sú zastúpené lexémy ako robota, služba, v ruskom jazyku tiež работа, дело.

V krátkom slovníku slovenského jazyka (2003) je podaný výklad slova práca. Práca sa chápe ako vynakladanie telesných alebo duševných síl, spoločenský jav s vidinou zárobku, alebo činnosť zameraná na dosiahnutie niečoho.

V paremiologickom fonde daných jazykov sa stretávame s prísloviami, ktoré hovoria o práci, ktorá človeka obdarúva a šľachtí. V reálnom živote človek očakáva po vykonaní práce istú formu odmeny (verbálnu, materiálnu,...). Tento fakt je v parémiológii bohato zastúpený v oboch jazykoch, keďže ako tvrdí slovenská lingvistka M. Čižmárová (2002) parémie odzrkadľujú okrem duchovného aj materiálny život človeka v spoločnosti.

Parémie o práci ako o zdroji úspechu a obživy môžeme rozdeliť do troch podskupín. V ruskom aj v slovenskom jazyku sú bohato zastúpené parémie, ktoré hovoria o práci, ktorá je základom blahobytu a úspechu a zároveň zdôrazňujú, že bez námahy a úsilia nie je možné tento blahobyt a úspech očakávať:

Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

Без труда нет плода.

По работе и плата.

Без práce nie sú koláče.

Аká práca, taká pláca.

Кому са nelení, тому са zelení.

По pilnej práci, odpočinok je sladký.

S touto podskupinou úzko súvisia aj parémie hovoriace o predchádzajúcej činnosti, ktorá sa chápe ako nevyhnutný predpoklad dobrého výsledku:

Что пожнешь, то и сколотишь, что сколотишь, то и в амбар положишь.

Дай земле, то и она тебе даст.

Без труда и отдых не сладок.

Кто chce žať, musí siať.

Наjprv práca, potom pláca.

Кде služba, там i výslužka.

Кде je robota, там je i med.

Do tretej podskupiny sme priradili príslovie, ktoré hovorí o pozitívnom rezultáte. Vynaložená námaha a sebazapieranie pri vykonávaní práce, alebo akejkol'vek činnosti vynahradí dobrý výsledok a uspokojenie:

Už naši predkovia si uvedomovali význam práce pre človeka. Každá generácia získavala skúsenosti a znalosti v aktívne vykonávanej činnosti. V priebehu stáročí sa v jazyku nazhromaždili obrazné vyjadrenia – parémie. Na základe nami uvedených paremiologických jednotiek môžeme zhodnotiť, že parémie sú zdrojom vedomostí o postojoch a vnímaní okolitého sveta našimi predkami. Parémie sú zároveň pamätníkom myšlienok národa a jeho národného jazyka. Z analyzovaných parémií vyplýva, že pre ruského i slovenského človeka je typický jeho úctivý vzťah k práci. Ruská lingvistka V. Abrianova-Peretc (1957) vo svojom predslove k slovníku tvrdí, že parémie predstavujú veľké bohatstvo pre obohatenie spisovného jazyka a pre jeho expresívnosť a presnosť.

Samozrejme, koncept práca v jazykovom obraze národa je iba jedným z mnohých a nie je možné zobrazit' celú jeho rozsiahlosť. V našom príspevku sme sa zamerali na analýzu konceptu práca na materiáli parémií, ktoré hodnotia prácu ako činnosť v pozitívnom slova zmysle, teda ako činnosť, ku ktorej má človek kladný citový vzťah: pracovné nadšenie, radosť z práce, cení si prácu, má k nej tvorivý vzťah. Na podklade vyššie uvedených a roztriedených prísloví a porekadiel vznikli nasledujúce tri podskupiny na základe presne vymedzených znakov:

1. parémie zdôrazňujúce fakt, že bez vynaloženého úsilia nie je možný úspech v podobe blahobytu a kladného výsledku námahy,
2. parémie, v ktorých sa práca chápe ako podmienka kladného výsledku a
3. parémie poukazujúce na sebazapieranie v práci, vďaka ktorému príde zaslúžený výsledok.

Cieľom našej práce bolo poukázať na paremiologické minimum konceptu práca v rusko-slovenskom porovnávacom pláne. Došli sme k záveru, že oba jazyky majú bohaté zastúpené parémie, vypovedajúce o práci ako činnosti, ktorú človek chápe pozitívne. Potvrdili sme hypotézu, že v oboch jazykoch figurujú parémie, ktoré poukazujú na dôležitosť precíznej kvalitatnej práce, ktorá prinesie v konečnom dôsledku ovocie a bude zdrojom odmeny za výkon.

Práca patrí medzi základné ľudské činnosti a aktívny človek ňou trávi podstatnú časť svojho života. Uvedomovali si to už aj naši predkovia, ktorí nám zanechali jazykové a kultúrne dedičstvo v podobe nami analyzovaných parémií.

Použitá literatúra

- ČIŽMÁROVÁ, M. *Ukrajinsko-slovenský frazeologický slovník*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2002. ISBN 80-8068-108-2.
- KAČALA J., PISÁRČIKOVÁ M., POVAŽAJ M. *Krátky slovník slovenského jazyka 4*. Bratislava: VEDA, 2003. ISBN 80-224-0750-X.
- MLACEK, J. *Slovenská frazeológia*. Bratislava: SPN, 1984.
- OLOŠTIAK, M., GIANITSOVÁ-OLOŠTIAKOVÁ, L. *Krok za krok k maturite*. Bratislava: Fragment, 2007. ISBN 978-80-8089-066-7.
- PAVLOVIČ, J. *Lexikológia slovenského jazyka – kompendium náuky o slovnej zásobe*. Trnava: Pedagogická fakulta Trnavskej univerzity v Trnave, 2012. ISBN 978-80-8082-564-5.

- PISÁRČIKOVÁ , M., MICHALUS, Š. *Malý synonymický slovník*. Bratislava: SPN, 1983.
- СИРКО, J. *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturologie*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2011. ISBN 978-80-555-0371-4.
- SMIEŠKOVÁ, E. *Malý frazeologický slovník*. Bratislava: SPN, 1977.
- АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ, В.П. *Пословицы и поговорки. Избранные пословицы и поговорки русского народа*. Москва: Гослитиздат, 1957.
- КОЛШАНСКИЙ, Г. В. *Объективная картина мира в познании и языке*. Москва: КомКнига, 2006. ISBN 5-484-00297-4.
- КУБРЯКОВА Е. С. и др. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва: Издательство МГУ, 1996.
- МОРОХИН, В. Н. *Малые жанры русского фольклора: пословицы, поговорки, загадки*. Москва: Высшая школа, 1986.
- ПИМЕНОВА, М. В. *Душа и дух: особенности концептуализации*. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 386 с. ISBN 5-93664-010-5.
- СТЕПАНОВ, Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: Академический проект, 2004. ISBN 5-8291-0388-5.

Mgr. Juliána Bardzaková

Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta

Choňkovce 241, 072 63 Choňkovce, SR

jbardzakova@centrum.sk

Autorka príspevku je študentkou prvého ročníka externej formy doktorandského štúdia v programe Slavistika Filozofickej fakulty Prešovskej univerzity v Prešove. V roku 2012 dosiahla vysokoškolské vzdelanie prvého stupňa a v roku 2014 úspešne ukončila vzdelanie druhého stupňa s aprobáciou učiteľstvo slovenského jazyka a literatúry a ruského jazyka a literatúra. Počas štúdia na vysokej škole sa autorka zúčastnila II. Medzinárodného študentského festivalu «Друзья! Прекрасен наш союз!», ktorý sa konal v roku 2012 vo Varšave. V tom istom roku absolvovala Praktický kurz ruského jazyka na Inštitúte ruského jazyka A. S. Puškina v Moskve. Počas vysokoškolského štúdia sa predmetom jej záujmu stali otázky, týkajúce sa náučnej disciplíny – onomastiky. Tejto sfére sa venovala aj vo svojej bakalárskej práci s názvom Teonymá, kozmonymá a astronymá v tvorbe ruských poetov 19. storočia a taktiež v diplomovej práci s názvom Motivácia zooným na materiále poviedok A. P. Čechova. V súčasnosti sa autorka intenzívne venuje problematike paremiológie a konceptu „práca“, ktoré predstavujú ťažisko jej dizertačnej práce.

Трансформации фразеологических единиц русского языка в текстах интернет-комментариев

Мария Доброва

Abstract:

The article deals with the use of phraseological units (changed by modifying techniques of various types) in the discourse of Russian Internet. Analysis of the transformed phraseological units and their functioning in the texts of the online-comments allow to give a picture of the pragmatic role of such expressions and their direct use in speech.

Key words:

phraseological units, discourse, Russian Internet, online-comments, modifying techniques, transformed phraseological units

Предметом рассмотрения в данной статье становятся преобразования, происходящие с фразеологизмами в дискурсе интернета, а конкретнее в текстах интернет-комментариев. Интернет-комментарий (т.н. коммент, комент, камент) – это новый жанр, размывающий границы текста как такового. Интернет-комментарий, как правило, является спонтанным речевым актом и реализуется при помощи нового типа речи, т.н. устно-письменной речи (письменной по форме и устной по сути), о существовании которой говорит, например, М.А. Кронгауз (Кронгауз, 2013, с. 44). Именно данная особенность делает интересным исследование функционирования фразеологических единиц в этом новом жанре, позволяющее проследить их фактическое употребление в речи и тексте.

Фразеологизмы активно используется в интернете, демонстрируя дискурсивную (коммуникативную) востребованность. Фразеологические единицы, отличающиеся устойчивостью как одной из специфических дифференцирующих характеристик, в дискурсе подвергаются различным контекстуальным трансформациям. Подобные преобразования позволяют приспособить фразеологическую единицу к контексту и наиболее полно выразить замысел говорящего.

При анализе материала¹ мы обнаружили различные типы трансформаций фразеологических единиц. Значительная часть преобразований фразеологизмов в исследуемом материале происходит **по структурно-семантическому типу**, затрагивающему изменения и структуры, и значения фразеологической единицы.

Самым частотным приемом данного типа можно считать **замену компонента в узуальном фразеологизме**. Подобные замены выполняют определенную функцию. Так, подобный прием позволяет повысить экспрессивность теста за счет включения окказионального компонента в структуру узуального фразеологизма. Например, устойчивое выражение *делать круглые глаза со значением «выражать удивление, недоумение»* (Мокиенко, Никитина 2007) в следующем контексте реализуется

---

¹ В данной работе все примеры приводятся с сохранением орфографии и пунктуации авторов, при этом некоторые из цитат приводятся в сокращенном виде.

в трансформированном виде с включением компонента «блюдца», интенсифицирующего семантику узуального компонента «круглые». *Светлана кайконен (Sara80) 07.05.2015 14:43 # А вообще в банк приходишь операционисты могут и надерзить и вообще глаза блюдцами сделать на вопрос ответа которого в программе они не видят.* (<http://www.banki.ru/news/lenta/>).

Следующий интернет-комментарий содержит в себе два фразеологизма. В первом из них происходит замена в узуальном фразеологизме *бросать на произвол судьбы* компонента «судьба» на аббревиатуру «ЕС», в данном случае, выполняя функцию конкретизации, позволяющую более точно выразить авторскую интенцию. «*Павел Жеребьев (r0pbIHb14) 09.04.2013 12:23 #... Как выжмем свои деньги с этого островка (Кипр – М.Д.), так его можно бросать на произвол ЕС. И кто бы что не говорил ... - это всё слова, Путину же приходится эти помои с Кипром расхлёбывать...*» (<http://www.banki.ru/news/lenta/>). Во втором же случае происходит замена в узуальном фразеологизме *расхлёбывать кашу* со значением «распутывать неприятное дело» (Телия, 2006) на *расхлёбывать помои*, что является заменой не только экспрессивной, но и эксплицирующей семантику самого фразеологизма. Компонент «помои» как бы еще раз указывает на то неприятное дело, с которым придется разбираться.

В следующем примере замена компонента конкретизирует и адаптирует к контексту паремию с высокой степенью обобщенности *рыба ищет, где глубже, человек, где лучше*. Замена в данном случае происходит без существенного изменения значения. *GuFu 21.02.2013 16:36 # Рыба ищет где глубже, вкладчик где больше...* (<http://www.banki.ru/news/lenta/>).

Замена компонента может происходить и во фразеологизмах, где связанность компонентов достаточно высока, например, во фразеологизме *есть от пуза* со значением «наедаться вволю, до пресыщения» (Мокиенко, Никитина, 2007). В следующем случае при замене глагола *есть* на *давать денег* компонент *от пуза* начинает функционировать со значением «много». *Александр Каверин (21061970) 02.12.2013 19:25 # Ну в этой логике ... воров надо в пример приводить... Вы мол не задерживайте вора, а лучше ему денег еще дайте от государства от пуза, а он нам деньги отдаст)* (<http://www.banki.ru/news/lenta/>).

Часто замены компонентов (да и само использование трансформированной фразеологической единицы) выполняют развлекательную функцию или функцию самопрезентации говорящего (пишущего), нося игровой характер и соответствуя «карнавальному», шутливому стилю интернет-коммуникации. Так, например, происходит в следующих примерах: *Bald 05.03.2013 12:24 # У клиента Сбера девять жизней*» (<http://www.banki.ru/news/lenta/>) (ср. узуальный фразеологизм *у кошки девять жизней*); «*Джон Сильвер (Nobody202) 11.04.2013 11:11 # Сбербанк - санитар леса...*» (<http://www.banki.ru/news/lenta/>) (ср. узуальное сочетание *волк – санитар леса*).

Другим приемом структурно-семантического преобразования фразеологизма являются **количественные изменения его компонентного состава**: расширение и редукция. Под **расширением** компонентного состава фразеологической единицы понимается ее изменение за счет введения в узуальный состав дополнительных слов.

Подобное варьирование фразеологизма также адаптирует его к контексту, например, конкретизируя, как в следующем примере, и указывая на появление

предвестников, первых признаков чего-либо в конкретный год. *Барак Обама* (*barak of Obama*) 21.01.2013 11:31 # ну вот и **первая ласточка 2013г.** прилетела! (<http://www.banki.ru/news/lenta/>).

Иногда компонент-расширитель способствует созданию более яркого образа, внося значение буквализации, эксплицируя элементы образа, положенного в основу фразеологизма. *Рустам Хамдамов* (*Psyduck*) 30.01.2013 13:21 # **Со своим самоваром старой модели в Тулу, нечего добавит...** Киви в курсе, что США не является преимущественно наличной экономикой, как Россия? (<http://www.banki.ru/news/lenta/>)

Компонентный состав ФЕ может не только увеличиваться, но и сокращаться. Часто в комментариях используются лишь части узуальных паремий, подобная **редукция** сближает их с разговорной речью. *Gyfu* 21.03.2013 18:03 # **Хорошо было с начало подумать, а потом делать. Теперь поздно – слово не воробей...** (<http://www.banki.ru/news/lenta/>).

Прием редукции компонентного состава часто связан с эвфемизацией, самоцензурой. Тем не менее, для реципиента совершенно ясен этот компонент (пусть даже эксплицитно не выраженный), его значение, а также интенции говорящего, использующего это фразеологизм даже в редуцированном виде. Например, *nnгщн ananna* (*ddtthh*) 11.04.2013 21:23 # **Только у нас всё как всегда через...** (<http://www.banki.ru/news/lenta/>).

Другим приемом сокращения компонентного состава является **сегментация** как способ расщепление фразеологизма на компоненты, некоторые из которых функционируют в текстах, отсылая к фразеологическому прототипу. Данный прием иногда рассматривают как дефразеологизацию, в понимании В.П. Жукова заключающуюся в процессе восстановления в отдельных компонентах фразеологизма их вторичных лексико-семантических свойств (Жуков 2006, с. 244). Так, например, происходит в следующем контексте, где слово *грабли* используется как отфразеологический символ, отсылая к фразеологической единице *наступать на одни и те же грабли*: *@mike* (*@mike*) 11.03.2013 18:16 # **Договор с организациями тоже кстати теоретически любопытный объект для анализа. Навскидку там может быть несколько граблей, как в ту, так и в другую сторону** (<http://www.banki.ru/news/lenta/>).

Фразеологические единицы в жанре интернет-комментария трансформируются и при помощи **контаминации**, при которой происходит совмещение двух языковых фразеологических единиц, в результате которой образуется окказиональный фразеологизм. Рассмотрим следующий контекст, в котором происходит контаминация: *olger* 10.10.2014 15:49 **Может быть это ключевая фраза? Тогда причем тут стоимость ОСАГО и сумма страховых выплат если гаишники стригут капусту** *езде, где только можно и нельзя: эвакуация - доход, ДТП - доход, ДТП с участием пьяного водителя - очень большой доход!* (<http://www.banki.ru/news/lenta/>). Использованный окказиональный фразеологизм *стричь капусту*, часто встречающийся и в разговорной речи, и в интернет-общении, состоит из двух узуальных фразеологизмов: *стричь купоны* со значением «присваивать средства и выгоды» и *рубить капусту* со значением «зарабатывать много денег» (Мокиенко, Никитина, 2007). Данная контаминация протекает на основе относительной

схожести семантики и выражает смысл, связанный со значением «получать деньги, присваивая чужие».

Продуктивным для жанра интернет-комментария оказывается и **прием создания окказионального фразеологизма по модели узуального**. Использование данного приема сопровождается созданием особой фразеологической конфигурации, позволяющей идентифицировать данное окказиональное сочетание с определенным прототипическим фразеологизмом.

Так, полная структурная аналогия позволяет понять полностью окказиональный фразеологизм и без дополнительной его семантизации. Например, *A B (AndreyBT) 24.01.2013 12:48 # Да уж, что недопустимо для Греции, Португалии итп, то прекрасно для США...* (<http://www.banki.ru/news/lenta/>). (Ср. *Что позволено Юпитеру, не позволено быку*); *grafoman_irk 13.07.2013 02:43 # 130 т.р..... Мда, каков город - таков и размах...* (<http://www.banki.ru/news/lenta/>). (Ср. *Каков поп, таков и приход*). В данных примерах подобные трансформации позволяют не только конкретизировать авторскую мысль в контексте, но и создать более яркий, экспрессивный образ, оказывающий воздействие на читателя.

В случае необходимости семантизации созданного окказионального варианта в тексте во фразеологический контекст вводятся конструкции, способствующие лучшему пониманию авторской интенции, как, например, в следующем комментарии с использованием контекстных актуализаторов «коррупция», «чистка» для соотнесения окказионального варианта *ловить карасиков в иллюзиях* с прототипической моделью *ловить рыбу в мутной воде* со значением «преследовать корыстные цели, извлекать выгоду» (Телия, 2006). *ЧУК ГЕК (29041953) 01.05.2013 08:49 # вначале проведите чистку нотариусов ....или коррупция - это слово для минфина конечно же ....меньше печатайте пустышек в виде денег....с вами мечтает познакомится уже большая часть населения страны ... а вы все в иллюзиях ловите карасиков* (<http://www.banki.ru/news/lenta/>).

Семантический тип трансформации, связанный с сохранением формы фразеологической единицы, встречается значительно реже. Тем не менее, в исследуемом материале он представлен несколькими приемами.

Продуктивным для жанра интернет-комментария становится прием, получивший название **экспликации внутренней формы** фразеологической единицы, под которым понимается использование узуальной единицы с сохраненной формой, затем сопровождающееся в контексте раскрытием исходного образного представления, лежащего в основе фразеологической единицы (Мелерович, Мокиенко 2005, с.22). В жанре интернет-комментария подобный прием в связи с особенностью структуры интернет-комментария особенно популярен и позволяет реализовать текстообразующую функцию фразеологизма, а также с помощью подобной экспликации выразить максимально точно интенцию говорящих, особенно в связи с использованием устойчивых выражений с достаточно высокой степенью обобщенности.

Например,

Nikodim (Ours) 19.04.2013 11:50 # :

...бытовая коррупция не принимает политических решений и не определяет направленность больших экономических проектов и жизнь страны. Кроме того, "бытовая" живет в тени "властной" коррупции. **Рыба гниет с головы.**

rodros 16.06.2013 14:56 #:

Миф ... **Первое, что портится в рыбе - кишечник и прочее содержание брюха. И в государстве во всем винить правительство несправедливо.**

Bald 16.06.2013 15:33 #: rodros, **Да и живая рыба не гниет**

Алексей Паков (Митрандил) 16.06.2013 15:36 # rodros пишет: **Первое, что портится в рыбе - кишечник и прочее содержание брюха.**

Ну да, чиновничество то есть. Все остальные **органы работают на брюхо** - прекрасное сравнение получилось для России! **Брюхо раздулось** до такой степени, что весь организм из сил выбивается, чтобы его потребности удовлетворить... (<http://www.banki.ru/news/lenta/>).

В интернет-коммуникации мы можем встретить и прием **двойной актуализации**, связанный с введением в контекст актуализаторов, позволяющих обыграть и связанное, и прямое значение фразеологической единицы. Двойная актуализация как прием, основанный на обыгрывании значения фразеологизма и буквального значения ее прототипа или компонентов (Кунин 1996, с. 27), часто лежит в основе каламбуров. При этом в контекстное окружение могут вводиться компоненты, актуализирующих их деривационные связи с прототипами-лексемами, и подбираться слова, способные обыграть элементы образной основы ФЕ. Например, петухов алексей (britanec4) 07.12.2013 23:11 # **ОЙ!!! Что то жареным запахло у нас !! По моему повар готовит острое блюдо для всех голодных- вот зачистят банки, денежки буратинки потащат в Сбер, а тут их кот Грефилио и накроет- объявит, что деньги кончаются в королевстве и надо поделиться** (<http://www.banki.ru/news/lenta/>). В этом примере контекстный актуализатор **повар готовит острое блюдо для всех голодных** реализует экспрессивную функцию, обыгрывая буквальное значение компонентов устойчивого выражения.

Хотелось бы отметить новый тип фразеологических трансформаций, связанных именно с использованием идиоматических выражений в интернет-дискурсе. Речь идет о **графическом преобразовании фраземы**, связанным либо с включением средств, компенсирующих на письме недостаток «устности» (интонация, громкость, эмоции и т.д.), либо с другим малоисследованным явлением – зачеркиванием. Так, появление смайликов и их роль как полноценных компонентов интернет-коммуникации и как средств компенсации недостатков письменной речи при передаче устной описаны в литературе. В интернет-коммуникации они часто используется в сочетании с фразеологизмами. Например, Слава (schslava) 04.12.2013 19:23 # **да скорее всего хозяева сейчас ударно трудятся над структурой активов: сливают остатки денег с трупа банка, списывают имущество, реализовывают портфель, тянут время, обещают... в общем вкальвают **не покладая рук**, устают неимоверно.** 🙄 (<http://www.banki.ru/news/lenta/>). Так, в вышеприведенном контексте смайлик фактически заменяет нам словарную помету *ирон.*

Использование смайлика позволяет визуально актуализировать ФЕ, стать визуальным, а не текстовым актуализатором, фактически создав креолизованный текст.

EXPrompt (EXPrompt) 04.12.2013 14:48 # У нас, как утром Набиулина проснулась не с той ноги, так всех кто под руку попадется... 🍌 🍌
(<http://www.banki.ru/news/lenta/>).

Особую роль в интернет-коммуникации приобретают и зачеркивания, такой компенсационный и игровой прием, при котором создатель текста сознательно демонстрирует то, что думает, но по каким-либо причинам не хочет писать. Например, *петр петров 07.08.2013 17:25 А как-же заповедь - не укради? Подставь другой карман другую щеку?* (<http://www.banki.ru/news/lenta/>). Совмещение трансформации с т.н. зачеркиванием текста можно назвать интернет-феноменом. В вышеуказанном примере графическая трансформация позволяет конкретизировать значение фразеологизма применительно к определенной ситуации.

В заключение хотелось бы отметить, что в текстах интернет-комментариев трансформация фразеологических единиц становится очень популярным средством воздействия на читателя, способным выполнить различные функции: экспрессивную, аттрактивную, эксплицирующую, конкретизирующую и т.д. При этом именно варьирование фразеологизмов в тексте наиболее ярко демонстрирует их востребованность в интернет-дискурсе.

Используемая литература

- ЖУКОВ, В.П., ЖУКОВ, А.В. *Русская фразеология*. Москва: Высшая школа, 2006. ISBN 5-06-005399-7
- КРОНГАУЗ, Максим. *Самоучитель олбанского*. Москва: АСТ, CORPUS, 2013. ISBN 978-5-17-077807-2.
- КУНИН, А.В. *Курс фразеологии современного английского языка*. Москва: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. ISBN 5-87905-042-4
- МЕЛЕРОВИЧ, А.М., МОКИЕНКО, В.М. *Фразеологизмы в русской речи: словарь*. Москва: Русские словари, Астрель, АСТ, 2005. ISBN 5-98010-011-3.
- МОКИЕНКО, В.М., НИКИТИНА, Т.Г. *Большой словарь русских поговорок*. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. ISBN 978-5-373-01386-4.
- ТЕЛИЯ, В.Н. *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. ISBN 5-462-00508-3.

Мария Доброва, магистр

Кафедра славистики

Философский факультет Университета Палацкого (г. Оломоуц, Чехия)

Křížkovského 10, 771 80 Olomouc

mar1006@seznam.cz

Фразеологический каламбур в газетных заголовках

Ермачкова Ольга

Abstract:

In this research, we attempted to identify a meaning of pun in the press and its main functions. We tried to distinguish such concept as a pun from the different linguist's points of view. The main attention was paid to the analysis of headlines based on phraseology, their analysis and subsequent classification. The results of this research show that phraseological pun is the most essential in order to attract reader's attention.

Key words:

pun, language game, headline, phraseology

Все происходящее вокруг нас находит своё отражение на страницах публицистических изданий. Пресса не только фиксирует события, но и отражает реакцию общества на них, влияя, таким образом, на формирование как общественного, так и индивидуального сознания. И в данном диалоге ведущая роль принадлежит журналисту как главному интерпретатору происходящего. Его умение владеть пером является порой решающим. Ведь от того, какими языковыми средствами он воспользуется, зависит реакция читателя на новость. Одним из самых удачных средств для этих целей является каламбур – приём с использованием в одном контексте разных значений одного слова или разных слов или словосочетаний, сходных по звучанию. Каждый язык богат средствами способными осуществить данные задачи, но особое, почётное место принадлежит, французскому по происхождению и популярному уже не одно столетие, каламбуру. Эта разновидность языковой игры продолжает привлекать к себе внимание многих лингвистов, литературоведов, журналистов, рекламистов, юмористов своей оригинальностью и своеобразием. Одной из причин распространения этого феномена послужило, по мнению исследователей, имеющее место «коммуникативное равенство адресанта и адресата», при котором адресант имеет возможность рассчитывать на понимание его речевого творчества. В.Г. Костомаров: «Газетчику, настроенному на поиск экспрессии, во что бы то ни стало, непреодолимо хочется построить парадокс, игру слов» (Костомаров, 1971, с. 153).

Каламбур представляет собой интереснейшую разновидность языковой игры, которой активно пользуются журналисты, и которая, безусловно, обладает огромным потенциалом. В современной лингвистике существуют разные точки зрения на каламбур. Определение каламбура остается до сих пор неоднозначным. Одна группа исследователей полагает, что понятия *каламбур* и *языковая игра* идентичны, другая – считает каламбур разновидностью языковой игры.

В.З. Санников в книге «Русский язык в зеркале языковой игры» даёт такое определение: «Каламбур – это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» (Санников, 2002, с. 490). Но есть и группа лингвистов, полагающих, что каламбур и есть языковая игра. «Каламбур – это игра слов,

построенная на столкновении привычного звучания с непривычным и неожиданным значением» (Влахов, Флорин, 2006, с. 362). Словацкие лингвисты характеризуют каламбур так: „Kalambúr je slovná hračka založená na úmyselnom zamieňaní zvukovo podobných slov s humorným alebo satirickým zamieraním“ (Tajšová, 2012, с. 5), относят его к языковым средствам юмора: „Kalambúr patrí k zvukovým (fonematickým) prostredkam humoru“ (Hlušiková, 1981, с. 273). А вот С.Г. Михайкина констатирует: «Каламбур – это разновидность языковой игры, в основе которой лежит стремление достичь определённого эффекта эстетического воздействия (чаще всего комического) путём нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого использования языковых единиц» (Михайкина, 2008, с. 68). Мы будем придерживаться точки зрения лингвистов, считающих каламбур разновидностью языковой игры.

Фразеология – неиссякаемый источник вдохновения для публицистов. Именно поэтому фразеологические каламбуры значительно превосходят другие виды каламбуров (каламбуры, основанные на многозначности, паронимии, графические каламбуры, каламбуры, созданные на основе названий художественных произведений или цитат из них, названий фильмов, имён персонажей и др.). Такое количество обусловлено их более высоким фразеологическим уровнем. На наш взгляд, именно фразеологические каламбуры помогают проследить неразрывную связь языка с процессами, протекающими в обществе.

По мнению С.И. Флахова и С.П. Флорина, «любой фразеологический каламбур строится на основе **трансформаций**, заключающихся в разрушении формы и/или содержания исходной фразеологической единицы (ФЕ), причём достигается параллельное восприятие как фразеологического значения ФЕ, так и прямого значения компонентов или **двойная актуализация**». Показателями фразеологического каламбура являются двуплановое его восприятие и возникновение юмористического эффекта, обычно связанного с эффектом неожиданности (Флахов, Флорин, 2006, с. 385).

Трансформация – преобразование исконных идиом в новые выражения. Согласно Б.В. Кривенко все трансформации можно разбить на два разряда: **неаналитическую** (семантическую, смысловую) и **аналитическую** (Кривенко, 1993, с. 44-49).

При **семантической трансформации** состав фразеологизма остается прежним. В него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений, и тогда достигается определенный экспрессивный эффект. Примерами данного вида трансформации являются:

«Новая Москва встала поперёк дороги. Жители вышли на митинг против строительства автомагистралей» (kommersant.ru, 23.03.2015);

«Быть белой вороной. Люди-альбиносы и их особенная жизнь» (aif.ru, 24.01.2014);

«Методом тыка. Какие тайны хранит искусство массажа» (aif.ru, 08.05.2015);

«Как сыр в масле. «Молпроект» покупает «Бакальмолоко» и переориентирует производство» («Коммерсантъ» №28 от 18.02.2015);

«Театру песни снова наступили на горло. Арбитраж отказал в иске против правительства Петербурга» (kommersant.ru, 23.03.2015);

«Любовь «под колпаком». «Орлова и Александров» о чём молчали легенды кино?» (aif.ru, 18.03.15) – в данном контексте слово *любовь* имеет несколько значений – имя женщины и чувство.

Для **аналитической трансформации** характерны изменения в словесном составе фразеологической единицы. Она более разнообразна и может быть сведена к пяти основным типам: лексической, синтаксической трансформации, контаминации, фразеологической паронимии, стилистическим смещениям.

Лексическая трансформация предполагает манипуляцию с одним словом (добавление, удаление, замена). На наш взгляд, лексическую трансформацию иллюстрируют следующие примеры:

«Яблоки террора» (kommersant.ru, 06.04.2015) – обыгрывается идиома *яблоко раздора*. Наблюдаем замену исходного компонента по созвучию.

«Пляж раздора» (aif.ru 28.04.2015) – в данном случае наоборот – происходит замена компонента *яблоко*.

«Дорога стипендия к обеду» (kommersant.ru, 14.03.2015) – игра с идиомой *дорога ложка к обеду*.

«Монстр для битья» (журнал «Огонёк» №12 от 30.03.2015) – заменяется компонент в выражении *мальчик для битья*.

«Офшор и ныне там. Кто и зачем возвращает компании в Россию лишь на бумаге?» (aif.ru, 04.03.15) – происходит замена искомого компонента в крылатом выражении *А воз и ныне там!* из басни «Лебедь, Щука и Рак» И. А. Крылова.

«Поскребли по зарплатам» (kommersant.ru, 7.03.2015) – обыгрывание фразеологизма *поскрести по сусекам*.

«Призы преткновения. Вручены «Золотые маски»» (kommersant.ru, 20.04.2015) – происходит замена компонента в исходном фразеологизме *камень преткновения*.

«Куклы высокого полёта. «Осень моей весны» в постановке Резо Габриадзе» («Коммерсантъ» №23 от 11.02.2015) – игра с фразеологизмом *птица высокого полёта*.

«Табак отпущения» («Огонёк» №22 от 09.06.2014) – наблюдаем замену компонента во фразеологизме *козел отпущения*, который добавляет сатирический эффект.

«Много ЦУМа из ничего» («Коммерсантъ Деньги» №18 от 11.05.2015) – автор статьи привлекает внимание читателей, играя с выражением *много шума из ничего*.

«Пал или пропал. Сельскохозяйственные палы в Сибири привели к жертвам» (kommersant.ru, 14.04.2015) – обыгрывается идиома *пан или пропал*, построенная на многозначности.

«Персоны нон-НАТО» (kommersant.ru, 11.04.2015) – игра с идиомой *персона нон грата*, построенная на созвучии.

«Газпром» раскрыл европейские карты» (kommersant.ru, 14.04.2015) – добавление слова во фразеологизм *раскрыть карты*.

«Помастить лапку. Сколько бедные русские люди платили за водительские права» (kommersant.ru, 13.04.2015) – пример игры с фразеологизмом *дать на лапу*.

«Своя ракушка ближе. Елена Чекалова о блюде из перловки, грибов и моллюсков» (kommersant.ru, 29.04.2015) – замена компонента в идиоме *своя рубашка ближе*.

«Канн не валялся. Фестиваль открылся, все ждут кинооткрытий» (kommersant.ru, 14.05.2015) – игра с устойчивым словосочетанием *еще конь не валялся*.

При **синтаксической трансформации** утвердительная конструкция может быть заменена отрицательной или наоборот, вопросительная конструкция – повествовательной и т.п. Синтаксическая трансформация проявляется в следующих примерах:

«Счастье – за горами. Инга Медведева смогла свернуть сочинскую гору» (aif.ru, 07.03.15) – игра с фразеологизмом *не за горами*.

«Дешево, но не сердито: 8 неожиданных идей для поездки на майские праздники» (aif.ru, 14.03.15) – замена утверждения на отрицание в идиоме *дешево и сердито* (что-либо невысокой стоимости, но достаточного качества).

«Товарищи по счастью» (kommersant.ru, 01.04.2015) – трансформация идиоматического выражения *товарищи по несчастью*.

«Переделять и властвовать» (kommersant.ru, 23.03.2015) – обыгрывание крылатого выражения *разделяй и властвуй*. Замена императива инфинитивом.

Результаты данного исследования показывают, что самыми частотными являются фразеологические каламбуры, основанные на лексической трансформации. Это объясняется тем, что это самый приемлемый для публициста способ. Заменяя лишь один компонент, автор создает подходящий заголовок-каламбур.

Фразеологические каламбуры играют значительную роль в публицистических изданиях. Как справедливо заметил В.З. Санников: «В каламбурной упаковке грубая непристойность становится допустимой шалостью, старомодная назидательность – мудростью, тривиальность – любопытным соображением и, наконец, откровенная чушь – загадочным глубокомыслием» (Санников, 1995, с. 59).

Каламбуры встречаются на страницах публицистических изданий часто. Это объясняется тем, что данные средства любимы читателями. Такие заголовки будут поняты читателями без каких-либо сложностей, вызовут комический эффект или сатирическое звучание.

Заголовок-каламбур – фокус, в котором сосредоточено идейное содержание статьи. Используя заголовок-каламбур, автор, таким образом, вызывает интерес к прочтению всей статьи. Это своеобразная реклама, на которую можно «поймать» читателя. Создание фразеологических каламбуров – это способ уйти от обыденности в языке, привести новое звучание на газетную полосу, путь к оригинальности и неповторимости.

Используемая литература

- ВЛАХОВ, Сергей; ФЛОРИН Сидер. *Непереводимое в переводе*. Москва: Р.Валент, 2006. ISBN 5-93439-198-4.
- КОСТОМАРОВ, Виталий. *Русский язык на газетной полосе*. Москва: Изд. Московского университета, 1971. Без ISBN.
- КРИВЕНКО, Борис. Фразеология и газетная речь. *Русская речь*. (3)1993. С. 44-49. ISSN 0131-6117.
- САННИКОВ, Виталий. Каламбур как семантический феномен. *Вопросы языкознания*. (3)1995. С. 56-70. ISSN 0373-658X.

- САННИКОВ, Владимир. *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва: Языки славянской культуры, 2002. ISBN 5-94457-037-7.
- ЩЕРБИНА, Артур. *Сущность и искусство словесной остроты (каламбура)*. Киев: Изд-во АН УССР, 1958. Без ISBN.
- МИХЕЙКИНА, Светлана. Когда газетный заголовок – каламбур. *Русская речь*. (4)2008. С. 68-72. ISSN 0131-6117.
- HLUŠÍKOVÁ , Marta. Štylistické prostriedky humoru v slovenskej literatúre. *Slovenská reč*. (4)1981. S. 270-278. ISSN 0037-6981.
- ТАЙŠOVÁ, Lýdia. *Hra s jazykom v poézii pre deti a jej didaktická aplikácia*. Prešov: Metodicko-pedagogické centrum, 2012.

Электронные ресурсы

- <http://www.kommersant.ru/>
- <http://www.aif.ru/>

Ермачкова Ольга Евгеньевна/ Iermachkova Olga, Mgr.

Университет Константина Философа в Нитре
ул. Сланчиковей 1, 94901, Нитра, Словакия
olga.iermachkova@ukf.sk

Ермачкова Ольга Евгеньевна в настоящее время является аспиранткой первого курса Университета Константина в Нитре. В 2014 году окончила Университет Коменского в Братиславе по специальности русские и восточнославянские исследования. В сферу её научных интересов входит языковая игра, каламбур, паронимазия. Особое внимание уделяет каламбуру, его функциям, способам образования.

Vliv antických jazyků na vývoj ruského lexika

Lenka Rolinková

Abstract:

This article deals with the development of russian vocabulary from the very first beginning till present days. The attention is focused on impact of ancient languages – greek and latin on russian language. The practical analysis deals with one of the most frequent greek prefixes – prefix avto-, which has several different meanings and is very current in present days. The theoretical part is an explanation of different meanings of prefix avto- in Dictionary of the Russian Language (Ozhegov) and the practical part is an excerpt of examples with prefix avto- from Russian National Corpus.

Key words:

Development, vocabulary, language, prefix, dictionary, borrowing

Na vývoji ruského lexika se podílelo hned několik jazyků. Od 9. století n. l. příchodem severských národů na území pozdější Kyjevské Rusi to byly skandinávské jazyky, objevují se slova jako *Олег, Рюрик, сельдь*. Dále také řecký jazyk, který ovlivňoval národy v oblasti Kyjevské Rusi ještě před počátkem písemnictví, ale především později v době písemnictví. Z řeckého jazyka pochází například slova *парус, икона, Георгий*. Na ruštinu měl vliv také latinský jazyk, který ve své první vlně pronikání do ruštiny přicházel přes jazyk řecký a staroslověnský *август, агнец, декабрь*. (ШАНСКИЙ, 2012, онлайн).

Po nájedu Mongolů (rok 1223) na území roztržštěné Kyjevské Rusi, ruštinu zavalila vlna slov tatarsko-tureckého původu, např. *деньги, жемчуг, карман* (13. – 14. st. n. l.). Další obohacení ruské slovní zásoby potom nastává od 16. a 17. století přijetím slov z evropských jazyků, jako polština - *булка, кофта, кий*; němčina - *кухня, пенал, матрац*; francouzština - *портфель, компот, бульон* (ШАНСКИЙ, 1964, s. 97-100); angličtina - *агат, аврал, бифштекс* (ШАНСКИЙ, 2012, онлайн); dále také holandština - *матрос, каюта, катер*; itaština - *опера, балкон, барокко*. V 19. a 20. století se v ruské slovní zásobě ve velké míře opět objevují anglické výrazy, jedná se například o sportovní terminologii, výrazy technické, politické apod. - *трамвай, чемпион, хоккей*. (ШАНСКИЙ, 1964, s. 97-100). Z anglického jazyka zaznamenáváme v současné době v ruštině největší počet přejímek. Jedná se především o termíny z oblasti informačních technologií, případně ekonomie – *экзаунт-менеджер, блог, веб-сайт*. (ШАЛАГОВА, 2011, s. 9, 49, 69).

Je potřeba zdůraznit důležitou roli výrazů pocházejících ze staroslověnského jazyka. Důležitou proto, že staroslověnská slova (старославянизмы) v ruské slovní zásobě zaujímají první pozici co do počtu přejatých slov. (ТАЛИСКАЯ, 1992, s. 19).

Staroslověnský jazyk (staroslověnština) se používal jako písemný, umělecký jazyk při prepise bohoslužebních knih od 9. století n. l. Staroslověnská jsou v ruštině slova jako například *враг, время, работа, грех* apod. (ШАНСКИЙ, 1964, s. 97-100).

Při utváření staroslověnského jazyka a písemnictví sehrál velkou roli řecký jazyk.

Vliv řečtiny a latiny na ruštinu

Řečtina a latina se „rozhodujícím způsobem obecně podílely na vzniku a vývoji evropské kultury,“ a to proto, že s obyvateli mluvícími řecky (a latinsky) přicházeli příslušníci určitého evropského národa „historicky do ekonomických, politických i kulturních kontaktů.“ (ŽAŽA, 1999, s. 175-183).

Řecká slova nebo řecké morfémy, nacházíme v každém z jazyků indoevropské jazykové rodiny. Latina sloužila po dlouhou dobu jako prostředek dorozumívání mezi různými národy Evropy. Jejím prostřednictvím pronikaly do ostatních kultur také římská a řecká kultura. Významné postavení zaujímá, stejně jako řečtina, nejen ve sféře kultury, ale také po stránce jazykové, ve které působila na ostatní jazyky v oblasti gramatiky i lexikologie.

Do ruštiny nepřicházela pouze celá latinská a řecká slova, ale také části slov, morfémů řecko-latinského původu. Jsou to různé kořeny, předpony a přípony. Jedná se například o morfémy: *анти, авто, био-, гео-, гидро-, хроно-, психо-, микро-, нео-, поли-, супер-, экстра-, -логия* atd.

Dvě vlny přejímání řeckých a latinských slov do ruštiny

Řečtina spolu s latinou působily na ruský jazyk ve dvou vlnách. První velká vlna spadá do období kolem roku 988, tzn. před, ale především po přijetí křesťanství. Druhá vlna nastává v 16. a 17. století.

První vlna

Se základy křesťanství v Rusku (988 n. l.) jsou spjaty řecké výrazy náboženského rázu: *евангелие - ευαγγελισμός, ангел - άγγελος, апостол - άπόστολος, демон - δαίμων, монастырь - μοναστήριον, икона - είκών* atd. Dále také slova světského charakteru *тетрадь – τετράδιον, кровать - κραβάτιον* aj. Z řečtiny pocházejí některá vlastní jména, jako např. *Евгений - εύγενής* (šlechtný, urozený), *София – Σοφία* (moudrost), *Василий – βασιλειος* (královský) atd. (ŽAŽA, 1991, s. 87-94); (ΦΑΣΜΕΡ, 2014, онлайн).

První vlna latinských slov přichází do ruštiny spolu s řečtinou kolem roku 988. V ruštině se objevují původem latinská slova *ноябрь, декабрь, апрель* apod. (СЕМЁНОВ, 2012, онлайн).

Druhá vlna

Největší příliv latinských a řeckých slov do ruštiny nastává v 16. a 17. století díky novým vědám a technologiím. Latina spolu s řečtinou tvoří základ terminologie různých vědních oborů, jako například historie, filozofie, matematika, biologie apod.

Přijetím výrazů z antických jazyků se dnes používají v evropských i neevropských jazycích slova, která nazýváme internacionalizmy (evropeizmy). V ruštině jsou to slova jako například *техника, экономия, республика, сенат, демонстрация, президент, министр, реституция* a mnoho jiných. (ŽAŽA, 2010, s. 7).

V druhé vlně přejímek se dostávají do ruštiny řecká slova z oblasti medicíny jako např. *метод – μέθοδος; аорта - άορτή; бактерия – βακτηρία* apod., dále názvy vědních oborů - *философия – φιλοσοφία; психология – ψυχολογία; логика – λογική*, termíny z umění - *комедия – κωμωδία; трагедия – τραγωδία; сцена – σκηνή; театр – θέατρον; музеи –*

μουσεῖον; идея – *ídēa*, politické termíny - монархия - *μοναρχία*; демократия – *δημοκρατία*; политика – *πολιτική* atd. (РОЗЕНТАЛЬ, ГОЛУБ, ТЕЛЕНКОВА, 2002, онлайн).

Latinské jsou například vědecké výrazy: *автор* – *auctor*; *студент* – *studens*; *экзамен* – *examen*; *ректор* – *rēctor*; *эксурсия* – *excursio*; *экспедиция* – *expeditio*. Politické výrazy: *министр* – *ministr*; *республика* – *res publica*; *революция* – *revolūtiō*; *депутат* – *dēputātus*; *конституция* – *constitutio*. Výrazy z umění: *культура* – *cultura*; *литература* – *litteratura*; *форма* – *forma*. (РОЗЕНТАЛЬ, ГОЛУБ, ТЕЛЕНКОВА, 2002, онлайн).

Авто

Následující část je zaměřena na konkrétní řecký prefix *авто-*, na jeho obecnou analýzu a třídění do kategorií podle významu. Jako teoretický podklad jsme využili slovníku *Толковый словарь русского языка* (dále jen slovník Ožegova) (ОЖЕГОВ, 2007-2013, онлайн) a praktické příklady jsme excerpovali z Ruského národního korpusu. (Русский национальный корпус, 2003-2014, онлайн)

V korpusu jsme se omezili na pět funkčních stylů a textů, ve kterých jsme zkoumali četnost jednotlivých významů prefixu *авто-*. Analyzovali jsme umělecký styl, publicistiku, odborný styl, technické texty a administrativní styl. Zkoumali jsme substantiva s daným prefixem, která se objevují ve slovníku Ožegova jako samostatné lexémy, ale také ta konkrétní substantiva, která jsou uvedena ve slovníku ke každému významovému celku jako příklady. Náš výzkum jsme rozdělili do dvou částí. V první řadě jsme zkoumali aktuálnost substantiv s morfémem *авто-* uváděných ve slovníku Ožegova jako jednotlivé příklady k daným významům. Dále jsme zjišťovali, který z významů morfému *авто-* se v korpusu ve zkoumaných stylech a textech objevuje nejčastěji. Omezili jsme se na dvacet příkladů z každého stylu a textu mladších roku 2000.

Morfém *авто-* pochází z řeckého slova *αὐτός* (sám), ze starořeckého *αὐτό(ς)*. (TRINDAFILLIDIS, 2003-2007, online).

Slova s morfémem *авто-* se v ruském jazyce objevují už v 18. století, např. *автократ*, *автократия*, *автономия* apod. Největšího rozmachu se prefix *авто-* dočkal koncem 19., a začátkem 20. století v souvislosti se vznikem automatizovaných přístrojů a také jevů, týkajících se automobilového průmyslu, např. *автоматика*, *автомобиль*, *автомобилизм* apod. (ШАНСКИЙ; ЖУРАВЛЕВ, 2007, s. 31-37).

Významy morfému *авто-* podle slovníku *Толковый словарь русского языка*

Slovník *Толковый словарь русского языка* interpretuje morfém *авто-* v následujících významech: (ОЖЕГОВ, 2007-2013, онлайн).

1. Automatický, samoobslužný,
2. automobilový průmysl,
3. sám sobě

Jako praktické ukázky u jednotlivých významů vybíráme nejaktuálnější příklady z korpusu z uměleckého stylu, publicistiku, odborného stylu, technických textů a administrativního stylu.

1. Automatický, samoobslužný

Pod významy automatický, samoobslužný uvádí slovník Ožegova tyto příklady slov: *автосцепка, авторезка, автокормушка, автоответчик, автоплуг, автодрезина*. V korpusu se v těchto významech objevují například slova *автопилот, автомат, автоклав, автоматика, автоматизация*.

Do této kategorie zařazujeme také slova ve významu samospráva. Jedná se například o slovo *автономия*, které doslovným překladem z řeckého slova *αὐτονομία* (autonomia) znamená samospráva, stejně jako slovo *автокефалия* - *αυτοκεφαλία* (autokefalia) apod.

a) umělecká literatura různých žánrů

„Теперь я имел полное право поставить камеру на **автопилот** и парковку.“ (ПЕЛЕВИН, 2011, корпус)

b) publicistika

„Затем пробирку надо поставить в *Allergen Beagle* и дожидаться, пока **автоматика** просканирует образец.“ (МИХАЙЛОВ, 2011, корпус)

c) odborný styl

„С этого момента церковь Восточной Руси фактически обрела самостоятельность — **автокефалию**.“ (АЛЕКСЕЕВ, 2009, корпус)

d) technické texty

„Вообще, чтобы стабильно попадать в цель, спортсмен должен довести до **автоматизма** каждое движение.“ (РУДЕНКО, 2008, корпус)

e) administrativní styl

„За последние 10 лет более чем в четыре раза возросла численность еврейских региональных и местных национально-культурных **автономий**, общинных центров и религиозных организаций, детских и молодежных структур и т.п.“ (ПАМФИЛОВА, 2004, корпус)

Příklady uváděné Ožegovem u výkladu prefixu *авто-*: *автоплуг, автодрезина, автосцепка, автокормушка, авторезка* jsou v korpusu ve všech námi zkoumaných stylech a textech ve velmi omezeném počtu a také často v textech staršího data, např.

„Ладно бы одни паровозы, а то еще **автосцепка** лязгает, составители кричат в рупора, тормоза чугунные скрипят.“ (umělecký styl) (ЧИВИЛИХИН, 1964, корпус)

„Применяется она для тех же целей, что и **автодрезина** «ИД-1»“ (publicistika) (ПЕСЕНКО, 1951, корпус)

V odborných textech s datem vzniku po roce 2000 se objevilo pouze slovo *автосцепка*, ale jen ve dvou případech. Ostatní výše uvedená slova se v těchto textech neobjevila vůbec. V technických textech se ani jedno z uvedených slov neobjevilo vůbec.

2. Automobilový průmysl

Příklady substantiv uváděných ve slovníku Ožegova: *автобаза, автошина, автопробег, автоколонна, автомагистраль, автолюбитель, автотурист, автоинспектор, автоспорт*. V korpusu se objevuje také mnoho další příkladů: *автомобилист, автол, автобус, автостоп, автосервис*.

a) umělecká literatura různých žánrů

„В одном дворе на краю села они держали целый **автопарк** и мастерскую для подготовки угнанных автомобилей к продаже.“ (САДУЛАЕВ, 2010, корпус)

b) publicistika

„Если же прежний **автовладелец** захочет сохранить эти номера за собой и повесить их на свою новую машину, это тоже возможно сделать.“ (статья, 2011, корпус)

c) odborný styl

„И среди плесени в городах выявляется повсеместно больше тёмноокрашенных видов, особенно в непосредственной близости (до 5 м) от **автомагистралей**.“ (МАРФЕНИНА, 2009, корпус)

d) technické texty

„Этот раствор в среде **автомобилистов** известен по торговой марке «AdBlue».“ (ДМИТРИЕВСКИЙ, 2009, корпус)

e) administrativní styl

„Для решения оперативных вопросов по обеспечению производственной деятельности Главному диспетчеру может выделяться служебный **автотранспорт**.“ (Должностная инструкция главного диспетчера порта, 2004, корпус)

Při vyhledávání slov s prefixem *авто-* ve významech, které se vztahují k autům a automobilovému průmyslu, a která uvádí slovník Ožegova jako praktické ukázky k tomuto významu (*автобаза, автошина, автопробег, автоколонна, автомагистраль, автолюбитель, автотурист, автоинспектор, автоспорт*) nebylo problematické najít příklady slov téměř u všech stylů a textů. Problematickými se jevíly pouze texty technické. Pokud se substantiva objevila, byla opět staršího data. Jinak velmi frekventovaná slova *автобус* a *автомобиль* se také neobjevila ve větším počtu příkladů.

3. Sám sobě

Slovník Ožegova uvádí následující příklady slov ve významu sám sobě: *автобиография, автопортрет, автогравюра, автореферат*. V korpusu jsme narazili na další slova v tomto významu: *автограф, автография, автореферентность, авторегрессия*.

a) umělecká literatura různých žánrů

„Потом началась **автограф-сессия**, неожиданно (как для меня, так и для магазина) затянувшаяся.“ (СОЛОМАТИНА, 2011, корпус)

b) publicistika

„Но если это действительно так, **автопортрет** получился излишне комплиментарным.“ (ДЯТЛИКОВИЧ, 2011, корпус)

c) odborný styl

„В качестве примера можно отметить статистические, адаптивные, имитационные модели, гладкие динамические ряды, **авторегрессии** и т.п.“ (МЕМЕДОВА, 2004, корпус)

d) technické texty

„А потом, выверяя точнейшими приборами кривизну поверхности, снимут с алюминиевого покрытия последние десятые и сотые доли микрона. **Неразборчивые автографы** далеких галактик *Астрофизическое наблюдение — сложный научный эксперимент.*“ (ГУРЕВИЧ, 1970, корпус)

e) administrativní styl

„**Автобиография** Я, Александров Юрий Петрович, гражданин РФ, родился 12 августа 1988 г. в г. Новочеркасске Ростовской области.“ (Автобиография, 2006, корпус)

Příklady významu prefixu *авто-* „sám sobě“ (автобиография, автопортрет, автогравюра, автореферат) se v korpusu, především v technických textech a administrativním stylu, nevyskytují v hojném počtu. V ostatních stylech se objevila všechna substantiva kromě slova *автогравюра*.

Závěr

Na závěr uvádíme výsledky našeho výzkumu shrnuté v tabulkách.

V následující tabulce je zaznamenán počet výskytů substantiv s prefixem *авто-* v jednotlivých významech. Slova v tabulce jsme excerpovali ze slovníku *Толковый словарь русского языка (Ожегов)*, kde se objevují jako samostatné pojmy. Některá jsou zahrnuta také ve výkladu u jednotlivých významů v tomto slovníku. Do výběru jsme nezahrnuli substantiva, která označovala vlastní jména, jako např. názvy společností, institucí apod.

Tabulka 1: Rozdělení významů morfému *авто-* do skupin

Význam		
automatický, samoobslužný, samospráva	automobilový průmysl	sám sobě
<i>автоген</i>	<i>автобаза</i>	<i>автобиография</i>
<i>автоклав</i>	<i>автоблокировка</i>	<i>автограф</i>
<i>автомат</i>	<i>автобус</i>	<i>автопортрет</i>
<i>автоматизм</i>	<i>автовоззал</i>	<i>автореферат</i>
<i>автоматика</i>	<i>автозавод</i>	
<i>автоматчик</i>	<i>автокар</i>	
<i>автомотриса</i>	<i>автол</i>	
<i>автономия</i>	<i>автомашина</i>	
<i>автопилот</i>	<i>автомобилизм</i>	
<i>автопогрузчик</i>	<i>автомобилист</i>	
<i>атопилка</i>	<i>автомобиль</i>	
<i>авторучка</i>	<i>автомоделизм</i>	
<i>автосцепка</i>	<i>автомоделист</i>	
	<i>автомодель</i>	
	<i>автосалон</i>	
	<i>автосервис</i>	
	<i>автостоп</i>	
	<i>автострада</i>	
	<i>автотранспорт</i>	
	<i>автоцистерна</i>	
Celkem		
13	20	4

V tabulce jsme vyzorovali, že prefix *авто-* ve druhém významu, tedy ve významu, který se vztahuje k autům, má největší zastoupení lexémů. Následuje počet slov ve významu automatický a jako nejméně četná jsou slova ve významu, který se vztahuje k sobě samému.

V následující tabulce jsou zobrazeny výsledné počty substantiv s prefixem *авто-* v daných stylech a textech Ruského národního korpusu po analýze dvaceti příkladů nejnovějšího data. Postupovali jsme tak, že jsme vybrali prvních dvacet textů s nejnovějším datem pokaždé s jiným substantivem. Tato substantiva jsme poté rozdělili do sloupců podle významu.

Tabulka 2: Počet výskytů morfému *авто-* v prvních 20 případech v korpusu

Význam	Počet výskytů v prvních 20 případech v korpusu				
	Umělecký styl	Publicistika	Odborný styl	Technické texty	Administrativní styl
automatický, samoobslužný, samospráva	3	4	8	8	6
automobilový průmysl	15	14	10	12	12
sám sobě	2	2	2	0	2
Celkem					
	20	20	20	20	20

Z tabulky je patrné, že ve všech stylech převládaly příklady ve významu vztahujícímu se k autům. Následovaly příklady s významem automatický, samoobslužný, samospráva a nejméně se objevovaly příklady, ve kterých prefix *авто-* vyjadřoval vztah k sobě samému. V uměleckém stylu, publicistice, odborném a administrativním stylu se shodně objevily dva příklady ve významu vztahujícímu se sám k sobě. V technických textech se v posledním zmíněném významu neobjevil ani jeden příklad. Výsledky v korpusu odpovídají výsledkům v Tabulce 1.

Prefix *авто-* se řadí mezi nejaktuálnější a nejvíce používané řecké prefixy v současné ruštině. Slovník Ožegova vyděluje několik významů, které tento prefix nese, a to automatický, samoobslužný, automobilový průmysl a význam sám sobě. Náš výzkum, který se opíral o excerpci příkladů z Ruského národního korpusu, dokázal, že z příkladů uváděných ve slovníku Ožegova k jednotlivým významům jsou některá slova zastaralá či méně aktuální. Jedná se například o slova *автомосцепка*, *автодрезина*, *автомплуг* apod. Z významů automatický, samoobslužný, samospráva, automobilový průmysl a sám sobě se morfém *авто-* na základě příkladů excerpovaných z Ruského národního korpusu nejčastěji objevuje ve významu automobilový průmysl.

Použitá literatura

- TALICKAJA, Jelizaveta. *Ruský jazyk. Lexikologie*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 1992. 88 s. ISBN 80-210-0430-4.
- ŽAŽA, Stanislav. K některým projevům vlivu antických jazyků na ruštinu a češtinu. In *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. E, Řada archeologicko-klasická*, Brno: Masarykova univerzita, 1991, roč. 40, č. E36, s. 87-94. ISBN 80-210-0887-3.
- ŽAŽA, Stanislav. Konfrontační pohled na češtinu a ruštinu se zřením k vlivu latiny. In *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná*, Brno:

Filosofická fakulta Masarykovy univerzity, 1999, roč. 48, č. A47, s. 175-183. ISBN 80-210-2098-9.

- ŽAŽA, Stanislav. *Latina a řečtina ve slovní zásobě, gramatice a terminologii slovanských jazyků*. Brno: Masarykova univerzita, 2010. 83 s. ISBN 978-80-210-5138-6.
- РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э.; ГОЛУБ, И. Б.; ТЕЛЕНКОВА, М. А. *Формирование русской лексики. Заимствования из неславянских языков*. Грамма.ру. Культура письменной речи. [online] 2002. [Citováno listopad 2014]. Dostupné z: <http://www.gramma.ru/RUS/?id=6.30>.
- ШАЛАГОВА, Екатерина Николаевна. *Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века*. Москва: Астрель, 2011. 412 с.
- ШАНСКИЙ, Николай Максимович. *Лексикология современного русского языка*. Москва: Просвещение, 1964. 311 с.

Slovníky

- TRIANDAFILLIDIS, Manolis. *Lexiko tis koinis neoellinikis. Portal for the Greek language and language education* [online]. 2003 - 2007. [Citováno 2015/01/22]. Dostupné z: <http://www.greek-language.gr>.
- Национальный корпус русского языка [online databáze]. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2003-2014. [Citováno září – prosinec 2014]. Dostupné z: www.ruscorpora.ru/.
- ОЖЕГОВ, Сергей Иванович. Толковый словарь русского языка. *Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка*. [online] 2007-2013. [Citováno prosinec 2014 – březen 2015]. Dostupné z: www.ozhegov.org.
- СЕМЁНОВ, Антон Вячеславович. Этимологический словарь русского языка. *Slovorod*. [online] 2012. [Citováno září – prosinec 2014]. Dostupné z: <http://www.slovorod.ru/etym-semenov/index.html>.
- ШАНСКИЙ, Николай Максимович. Школьный этимологический словарь русского языка. *Slovorod*. [online] 2012 [Citováno září - prosinec 2014]. Dostupné z: <http://www.slovorod.ru/etym-shansky/>.
- ШАНСКИЙ, Николай Максимович.; ЖУРАВЛЕВ, Анатолий Фёдорович. *Этимологический словарь русского языка*. Выпуск 10. М. Москва: Издательство Московского университета, 2007. 401 с.
- ФАСМЕР, Максим Юлиус Фридрих. Этимологический словарь русского языка. *Classes.ru*. [online] 2014. [Citováno říjen – prosinec 2014]. Dostupné z: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer.htm?>

Lenka Rolinková

Masarykova univerzita, Pedagogická fakulta, Katedra ruského jazyka a literatury

Pravoslava Veselého 56, Hodonín, 695 01

lenkarolinkova@seznam.cz

V tomto roce končí bakalářský cyklus v oboru Lektorství ruského jazyka na Katedře ruského jazyka a literatury Pedagogické fakulty MU. V příštím roce hodlá pokračovat v navazujícím magisterském studiu a prohloubit svůj výzkum zaměřený na vliv antických jazyků na ruštinu.

Межъязыковые трансформации в сакральном тексте

Кристина Андерс

Abstract:

This paper is devoted to the peculiarities of language transformations in Bible translation. The article proposes new data to the study of Russian Bible translations history. It introduces to the manuscript which is called “Опыт перевода точного вѣтховъсвѣдѣнныхъ книгъ изъ подлиннаго еврейскаго на русскаго, по еврейскому переводу какъ они самыя переводы, съ приложениемъ некоторыхъ ихъ изъясненій учиненъ наместникомъ иереемъ Михаиломъ Фотинскимъ 1806 года”. This translation is the earliest Old Testament translation from Hebrew into Russian and it hasn't been described, studied and published before. The article describes Mikhail Fotinskij's translation method.

Key words:

Bible translation, transformation, Biblical Hebrew, Russian Bible, Old Testament

Перевод книг Ветхого Завета (Быт 1–2, Пс, Песн, Ион, Мал) иерея Михаила Фотинского хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва) в фонде дополнительного собрания библиотеки Московской духовной академии (ф. 173. II, 12) и датируется 1806 г. К сожалению, этот яркий памятник еще не достаточно изучен, и потому не введен в научный оборот.

Исследуемый перевод возник еще до появления Российского библейского общества, существовавшего в 1812–1826 гг., с деятельностью которого обычно связывают начало перевода Библии на русский язык (Чистович, 1899, 323), (Алексеев, 2003, 153), (Алексеев, 2014, 20). Перевод М. Фотинского выполнен с древнееврейского оригинала и может считаться наиболее ранним русским переводом Ветхого Завета.

Начиная разговор о переводческих принципах М. Фотинского, необходимо обратиться к его собственным взглядам на перевод, изучить переводческие интенции. Сам автор сопроводил свой труд двумя очень важными для исследователя отделами рукописи: пространное заглавие к переводу, о котором речь пойдет ниже, и пространное Предупреждение.

Первая часть Предупреждений посвящена составу иудейского канона в сопоставлении его с христианским канонем Ветхого Завета: при этом можно проследить некоторые принципы Михаила Фотинского, используемые при переводе названий библейских книг.

1) книги, которые имеют одинаковую природу названия в обеих традициях (христианской и иудейской), транскрибированы: Иоель (יְאוֹלַיִם /yo'él/), міха (מִיכָאֵל /mīk'á/), малъахій (מַלְאָכִי /mal'āk'í/), даниель (דָּנִיֵּאל /dāniy'él/);

2) книги, названия которых разнятся в традициях, приведены переводчиком в двух вариантах:

2.1) по иудейской традиции книги названы первым словом, начинающим книгу: бытия — берешить (בְּרֵאשִׁית /b'rēšít/), исход — шемоть (שְׁמוֹת /š'mót/);

2.2) христианская традиция усвоила греческий перевод названия книги: кегилоть (קְהִלָּה /QHILT/) — эклесіасть (греч. Εκκλησιαστής).

Далее в Предуведомлениях Михаил Фотинский приводит сведения о множестве вариантов имени Бога в иудейской культуре и связанной с этим проблемой перевода. Он подробно описывает, каким образом переводил каждое из еврейских имен Бога:

«Первъѣйшее, собственнѣйше имя Божіе ЕГОВА» переводчик оставляет «безъ переводу и болшими буквами;

второе имя Божіе «ЯГЪ <...> поставилъ я болшими буквами такъ же безъ переводу;

третье имя Божіе: Адонай <...>, сложенное отъ Адонъ, Господь, господинъ, и вышенаписаннаго: ЯГЪ, по Его значенію перевелъ я: Господь Богъ.

четвертое имя Божіе: Шаддай, тожь по его значенію перевелъ я: всемогущій.

сіи же имена Божіи: Эль, Элоагъ, Элогимъ <...> перевелъ я: Богъ, для различія поставилъ я вездѣ ѿ имени Элогимъ БОГЪ болшими буквами, а ѿ Эль и Элоагъ поставилъ я вездѣ Богъ, только первую букву болшую.

саваоѿ, по еврейски: цеваоѿ, въ славенороссійскомъ священномъ переводѣ безъ перевода употребленное, не есть имя Божіе, но есть множественное ѿ еврейскаго цева, и значить: войска множества, силы; а Господь саваоѿ значить: Господь силъ, множества воевъ небесных, аггеловъ и прочих созданий небесных: солнца, луны, звѣздъ, и водъ наднебесных, и силъ земныхъ: челоѿковъ, и прочих созданий» (Опыт, 1806, л. 4).

Заметим, что таким образом сформулированные переводческие принципы демонстрируют ориентацию Фотинского на формальную сторону оригинала и его стремление к максимальной точности (соответствию) перевода древнееврейскому тексту.

Рукопись озаглавлена «Опытъ перевода точнаго ветхосвященныхъ книгъ изъ подлиннаго еврейскаго на руссійскій, по еврейскому переводу какъ они самы переводятъ, съ приложениемъ некоторыхъ ихъ изъясненій учиненъ наместникомъ іереемъ Михаиломъ Фотинскимъ» (Опыт, 1806, л. 1). Как указано в заглавии рукописи, переводчик намеревался выполнить перевод точный, в смысле передачи неискаженного содержания масоретского текста. При детальном текстовом анализе перевода становится очевидно, что для «вскрытия» первоначального смысла оригинала в качестве метода выбран перевод *de verbo*.

И действительно, перевод по смыслу (*de sensu*) не может распространяться на Священный текст Библии, поскольку такой способ подразумевает соавторство (Кулькова, 2007, 97), о чем не могло быть речи при выполнении точного перевода сакрального текста священнослужителем.

При пословном переводе переводчик стремится достигнуть тождественности оригиналу, что является важным фактором при переводе сакрального текста: «преклонение не только перед смыслом, но и перед буквой оригинала» (Комиссаров, 1990, 232). Дословный перевод предоставлял М. Фотинскому возможность отразить оригинальную структуру в переводном тексте, что имеет большое значение для формальной «точности» перевода. Соблюдение принципа пословности подразумевает, что одно слово оригинала передает одно слово в переводе. В действительности же такое количественное равенство слов выдержать крайне затруднительно из-за естественной разницы в лексическом объеме исходного и переводящего языков.

При анализе текста перевода выявлено несколько типов лексических трансформаций — переводческих приемов, которые использует Михаил Фотинский, стремясь сохранить выбранный метод.

В первую очередь стоит отметить использование переводчиком транскрипции. Например, при передачи имени собственного: Иона 1:3 бѣжать на Таршишь (תַּרְשִׁישׁ /taršísš/). Заметим, что Михаил Фотинский также оперирует и греко-славянской транскрипцией (как мы уже наблюдали в названии книг канона). В стихе переводчик передает иное лексическое значение полисеманта уже в греко-славянском чтении, а не еврейском: Песн. 5.14. насаженъ *Θарсисомъ* (תַּרְשִׁישׁ /taršísš/) [драгоценный камень]¹; ср. LXX² θαρσις; цсл³. Θарсѣсь.

Второй переводческий прием Фотинского — калькирование — перевод лексемы оригинала путем замены ее составных частей (морфем) их лексическими соответствиями в языке перевода.

В примере Песен 4:3 при описании красоты возлюбленной—лирической героини Песни Песней для лексемы מִדְּבָרַי /mīdbār/ переводчик предлагает перевод от глагола ‘говорить’ — *говорка*: «какъ нить крашенная губы твои, и *говорка* (מִדְּבָרַי /mīdbār/) твоя пригожа, какъ бокъ яблока гранатнаго високъ твой».

Другой пример кальки: (Пс 106:19) «и поклонились вылитку (מַסֶּטֶף /massəṭā/) [вылитой статуи, оному теленку]». По типичной для русского языка словообразовательной модели⁴ переводчик образует отглагольное существительное «вылиток». Однако, очевидно, что данное слово определенного рода -- неологизм и его значение может быть не в полной мере понятно читателю, в связи с чем переводчик находит нужным сопроводить кальку пояснительным комментарием — «вылитой статуи, оному теленку».

Кроме обозначенных выше лексических трансформаций, переводчик, добиваясь пословности перевода, прибегает к еще одному приему — использованию иноязычных лексем в ситуации отсутствия точного эквивалента в русском.

Например, в Пс 17:12 в оригинальном еврейском тексте употреблено слово כַּפִּיר /kəpīr/, представляющее собой специальное слово для обозначения молодого льва, которое отсутствует в русском языке. Фотинскому удастся найти точный аналог в ресурсах церковнославянского, используя лексему *скимень*: Пс 17:12 какъ скимень [молодой левъ] сидѣя въ скритностях.

Кроме церковнославянского языка, переводчик умело оперирует украинскими языковыми возможностями. В Пс 22:30 употреблено древнееврейское קָרָה /kāra/ – ‘пасть на колени’. В русском языке точный однословный аналог отсутствует, поэтому переводчик обращается к украинскому глаголу *клякнути* ‘падать на колени’: «предъ ны^М

¹ С точки зрения структуры, текст перевода состоит из двух частей: основной текст перевода и переводческих комментариев к каждой главе переведенного текста. В статье переводческие комментарии даны в квадратных скобках [].

² Классическое обозначение текста Септуагинты как Перевода семидесяти толковников (LXX).

³ Церковнославянский текст везде цитируется по Елизаветинской Библии.

⁴ Для XVIII века такая словообразовательная модель была типична, о чем свидетельствуют такие лексемы, зафиксированные в Словаре русского языка XVIII века, как: выплавок – кусок металла, выплавленный из руды; вырезок – то, что вырезано, вырезанная часть чего-л.; выскребок – то, что выскребено с чего-л. и т.д.

всклякнуть [на колѣна упадутъ] всѣ низшедшіи въ землю». Наличие переводческих комментариев-толкований иноязычных лексем «молодой лев», «на колѣна упадутъ» позволяет утверждать, что переводчик чувствовал инородность этих слов, осознавал, что они могут быть непонятны для потенциального читателя.

Метод пословного перевода требует сохранения структуры оригинала, чем и обусловлена нулевая грамматическая трансформация в переводе М. Фотинского. Так, значения, выражаемые в древнееврейском языке грамматически, а в русском — лексически, утрачиваются при переводе. Грамматический буквализм проявляется при переводе *pluralia tantum* в наречной функции. В древнееврейском языке абстрактные понятия (в русском языке с этой задачей справляются словообразовательные суффиксы типа –ость-, -ениј-) нередко передаются формами множественного числа. Кроме того, на синтаксическом уровне абстрактное значение таких существительных может стимулировать адвербиализацию этих слов, почему и употребление их в наречной функции является абсолютно нормальным явлением для древнееврейского языка.

Рассмотрим следующий пример из перевода М. Фотинского: Песн. 1.4. справедливии (מִישָׁרִים /mēšārīm/) возлюбили тебе.

В оригинальном еврейском тексте употреблена множественная форма מִישָׁרִים /mēšārīm/ от מִישָׁר /mēšār/, что по словарю Штейнберга с традиционной пометой «только pl» значит: «1) прямота, справедливость, истина; 2) мир, лад; 3) как adv. искренно» [Штейнберг, 1878, 256]. Таким образом, это слово *pluralis tantum* обозначает абстрактное понятие «справедливость» и может употребляться в качестве наречия. Но Фотинский передает грамматическую природу формы, употребленной в еврейском оригинале, сохраняя множественное число. Несмотря на это, переводчик осознает, что для верного и полного понимания рассматриваемых мест необходимо пояснение, что он и делает, комментируя стихи: Песн. 1:4. справедливии (מִישָׁרִים /mēšārīm/) возлюбили тебе [справедливою, нелестною любовію].

Как справедливо отмечают исследователи, при дословном типе перевода внимание переводчика сосредоточено в основном на сохранении эквивалентности на лексическом уровне, поэтому так часты нарушения синтаксиса (Кулькова, 2007, 98). Выполняя пословный перевод, т.е. выбирая в качестве единицы перевода лексему, невозможно сохранить целостность более высокого абстрактного синтаксического уровня.

Сам переводчик в Предупреждениях осознает данную проблему и предлагает решение: писать недостающие по смыслу слова, необходимые для понимания текста перевода, в скобках. Чаще всего таким образом переводчик заполняет эллипсис, связанный с опущением члена предложения в оригинале: (Пс 65:14) «одѣваются луги овцами, и долины покріются пашнею, воскликнуть (:люди:) и воспоють». В данном примере присутствует пропуск подлежащего.

Однако семантические лакуны, возникающие в результате пословного перевода, Фотинский также устраняет с помощью комментариев: дописывает недостающие слова, заполняя эллипсисы (противореча описанному выше формальному принципу).

Вообще, переводческие комментарии, которые, судя по Предупреждениям, были запланированы как толкования библейского текста, на деле представляют собой массив

сопутствующей переводу разнородной информации, в связи с чем они не поддаются классификации.

Интересным представляется вопрос толкования Михаилом Фотинским иудейской экзегезы. В переводческих комментариях можно найти указания на источник той или иной интерпретации. Обычно переводчик ссылается на иудеев общей фразой «тутъ еврее переводять» или «еврее толкуютъ», что при чтении воспринимается ‘согласно иудейской традиции’. Кроме того, один раз в тексте перевода встречается такая ссылка: «евреинъ перевель: и началникъ милости, но мнѣ не нравится» (Опыт, 1806, л. 14), что свидетельствует о возможной консультации переводчика с неким иудеем.

В Предуведомлениях иерей Михаил Фотинский так характеризует основные цели своего перевода и еврейских толкований:

«много что показалось хрїстіанству противное, и до переводу и смыслу ненужное, или за обыкновенные имь (*евреям* – К.А.) басни и забобоны, или и непристойное, хотя любопытное, и къ обличенію ихъ, а защищенію и лучшему изъясненію хрїстіанской истины служащее, но опасаясь нѣкоторымъ претиканія и соблазны, оставилъ я, а выбиралъ я съ возможною осторожностію, что показалось полезное, нужное и вѣроятія или примѣчанія достойное, ибо и изъ гною золото выбирается, и пчела изъ разнаго сорту беретъ, и составляетъ медь» (Опыт, 1806, л. 5).

В комментариях переводчика к еврейским толкованиям всегда содержится авторское субъективное отношение, причем часто негативное.

Так, противоречащие христианской традиции интерпретации оцениваются Михаилом Фотинским как ересь, не имеющая ничего общего со здравым смыслом:

Быт 1:21 и сотворилъ БОГЪ киты великія [тутъ еврее толкуютъ: левіаѳана самца и самицу, но увидѣлъ Богъ, что ежелибы стали плодятся, то свѣтъ не могъ бы устоять предъ ними, и убилъ Богъ самицу, и усолилъ ее для праведниковъ въ будущее пришествіе; таковыхъ то смѣшных ихъ басней впредь я оставилъ] (Опыт, 1806, л. 8).

Иногда переводчик более сдержан и приводит иудейскую интерпретацию для сведения читателя, в ознакомительно-информационных целях, сообщая свое собственное мнение, несогласие:

Иона 2:6 окружили мене воды до души, бездна обойшла мене, ситникъ связался головѣ моей [еврее переводять: море чермное связалось надъ головою моею, что Богъ ему сквозь рыбьихъ очей показал Красное море, и какъ ѳсраельтяне перейшли въ немъ, и онъ видѣлъ все что въ морѣ; но мнѣ то лышнее и странное показуется, и не сходно съ переводом] [Опыт, 1806, л. 13].

Иудейские интерпретации в переводе Михаила Фотинского носят, с одной стороны, ознакомительный характер. Автор готовит перевод, в котором старается отразить оригинал священного текста (как формально, так и содержательно) и объяснить возможность возникновения нескольких трактовок в силу текстовой многозначности масоретского оригинала. Но в то же время существующие иудейские толкования используются переводчиком в качестве обличительного средства против иудаизма. Михаил Фотинский демонстрирует несостоятельность иновѣрных трактовок и истину христианской догматики. Несмотря на то, что обличительные аргументы переводчика часто не могут претендовать на объективность, исследуемый перевод имеет полемическую межконфессиональную направленность.

В данный момент можно только предполагать, какие причины сподвигли иерея Михаила Фотинского переводить Ветхий Завет на русский с еврейского оригинала и толковать иудейскую экзегезу, так как мы не владеем персональной информацией о переводчике и фактическими сведениями об обстоятельствах возникновения перевода. Содержащийся в заглавии рукописи формальный официально-канцелярский оборот «учиненъ намѣстникомъ иереемъ Михаиломъ Фотинскимъ в 1806 году» и делопроизводственная запись «в настольномъ Реестрѣ подъ номеромъ 160» свидетельствуют о том, что рукопись в имеющемся виде предназначалась для официальной инстанции и внесена в определенный реестр. В перспективе исследование направлено на получение исторических данных, связанных с установлением исторической личности переводчика, возникновением перевода и исторической судьбой памятника.

Используемая литература

- АЛЕКСЕЕВ, Анатолий. Библейские исследования в России в XIX и XX вв. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2014. Серия III: Филология: №1. 9-24. ISSN 1991-6485.
- АЛЕКСЕЕВ, Анатолий. Переводы Священного Писания на русский язык. *Православная энциклопедия*. Москва, 2003. Т. 5. 153-161. ISSN 1818-6858.
- КОМИССАРОВ, Вилен. *Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых*. Москва: ЧеРо, 1999. ISBN 5-88983-013-9.
- КУЛЬКОВА, Наталья. Цитаты из Священного Писания в переводах Руфина Аквилейского. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2007. Серия III: Филология: №4. 94-113. ISSN 1991-6485.
- ЧИСТОВИЧ, Илларион. *История перевода Библии на русский язык*. Санкт-Петербург, 1899.
- ШТЕЙНБЕРГ, Осий. *Еврейский и Халдейский этимологический словарь к книгам Ветхаго Завета*. Вильна, 1878.
- *Словарь русского языка XVIII века*. Ленинград: Наука, 1984–1991. Вып. 1, 2. ISBN 978-5-02025-267-7.

Источники

- *Опытъ перевода точнаго ветхосвященныхъ книгъ из подлиннаго еврейскаго на российскій, по еврейскому переводу какъ они самы переводятъ, съ приложениемъ некоторыхъ ихъ изъяснений учиненъ намѣстникомъ иереемъ Михаиломъ Фотинскимъ 1806 года*. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, фонд 173/II, единица хранения 12.
- *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке*. Москва: Российское Библейское Общество, 2005.
- *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Stuttgart, 1967/77. Dostupné z: <http://www.bibelwissenschaft.de/online-bibeln/biblia-hebraica-stuttgartensia-bhs/lesen-im-bibeltext/>

Septuaginta. Stuttgart, 2006. Dostupné z: <http://www.bibelwissenschaft.de/online-bibeln/septuaginta-lxx/lesen-im-bibeltext/>

Кристина Андерс

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Гуманитарный факультет

Кафедра древних языков

ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

christinaanders@yandex.ru

Апеллятивированные имена собственные образованные путём морфологической деривации

Николе́та Петро́вичова

Abstract:

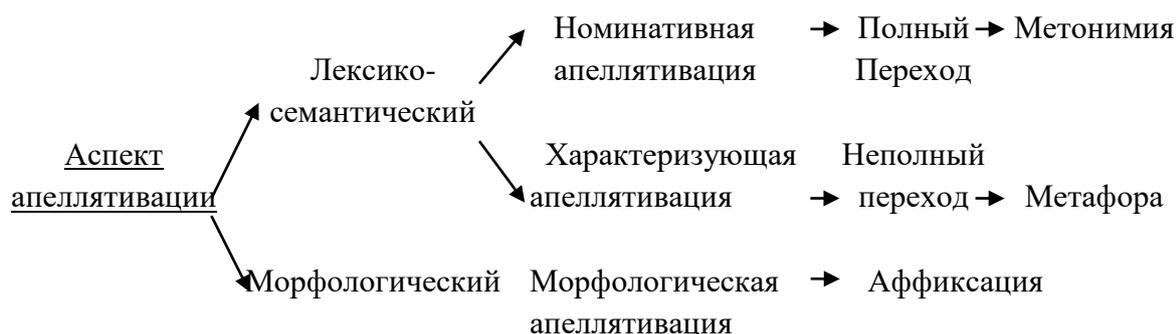
Appellativization of proper nouns – a process in which a proper lexems becomes common nouns, is one of the primary ways of formation of new lexical items. This article provides a comprehensive view of the appellatives of onymic origin, which were formed through morphological derivation. The aim work is to explain the essence this linguistic phenomenon and to describe individual derivative methods, which are important in the formation of new deonymical items. As the material basis we used appellativisational onyms taken from the monolingual and the etymological dictionaries of the Russian language.

Key words:

Appellativization. Morphological derivation. Proper nouns. Affixation.

Апеллятивные единицы онимического происхождения, которые употребляются в повседневной жизни русскоговорящим населением, образуют очень интересный и своеобразный мир слов, имеющий свои особенности и закономерности возникновения, свои тайны и загадки происхождения, свою историю. Апеллятивация, как лексико-семантический процесс перехода онимической лексики в сферу апеллятивных языковых единиц, представляет собой один из распространённых путей пополнения словарного запаса русского языка. По подсчётам лингвистов, в русском языке около 2,8% слов сформировалось на базе бывших личных имён. Механизм перехода имён собственных в класс нарицательных зависит от того, на каком уровне языка он происходит. В зависимости от них морфологического и лексико-семантического уровня выделяются морфологический и лексико-семантический аспекты апеллятивации. Ближе об отдельных апеллятивных отношениях можно узнать из нижеприведённого схематического изображения. В данной статье мы обратим своё внимание именно на апеллятивацию, связанную с морфологической деривацией. Цель работы заключается в том, чтобы выявить суть определённого словообразующего приёма и привести отдельные деривационные пути, которые являются базовыми при возникновении новых деонимизированных единиц. Подходящим материалом для исследования нам послужили словарные единицы с онимической основой, присутствующие в русской языковой среде изначально или заимствованные из других языков.

Рисунок 1 Аспекты апеллятивации

(источник: собственный чертёж)

Апеллятивация имён собственных находит своё выражение на разных языковых уровнях. Большая часть антропонимов, топонимов и прочих собственных имён, переходя в разряд нарицательных существительных, подвергается морфологическим преобразованиям, с помощью которых формируется новое слово с новым значением и с новой сферой употребления. Лексемы, образованные путём морфологических изменений являются результатом деонимизации, происшедшей на базе морфологической деривации (Королева, 2009, с. 25). Под данным лингвистическим термином подразумевается несколько типичных способов образования имён нарицательных от онимической лексики.

Основным строительным материалом, который послужил появлению в языке большого количества апеллятивированных имён существительных, является аффиксация. Аффиксальный способ образования, в свою очередь, распадается на такие конкретные приёмы как суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный и др.

В русском языке образование новой апеллятивной лексики посредством аффиксов осуществляется обычно по следующей модели: основа онима + суффикс существительного. Суффикс – это морфема, которая в составе основы следует за корнем слова и служит для образования слов. Данный аффикс присоединяется не к целому производящему слову, а к производящей основе. «Он тесно связан с окончанием, образуя вместе с ним словообразовательный формант, указывающий на его грамматические и часто на эмоционально-оценочные свойства» (Матвеева, 2010, с. 472).

Большая часть лексем, возникших приведённым путём даёт характеристику различным лицам. Наричательное значение онимической лексики развивается по линии имя лица → лицо. В качестве наглядного примера можно употребить общеизвестное имя всесильной фаворитки французского короля Людовика XV. – маркизы **де Помпадур**. По её прихоти и произволу решались разные государственные и политические дела. В русском языке данное имя собственное сатирически переосмыслил и развил известный писатель 19 века М. Е. Салтыков-Щедрин. При образовании новых лексем от имени Помпадур он взял за основу типичный признак, которым отличалась данная историческая личность (она использовала свою власть и влияние на короля во вред делу) и с добавлением суффикса **-ш-** сформировал название **помпадурша**. Таким образом, **помпадуры** и **помпадурши** стали фигуральным обозначением для администраторов-

самодуров и их жён или фавориток. Лексема помпадур фиксируется в толковых словарях русского языка и приобретает отрицательный оттенок. Данный вид апеллиативации базируется и на метафорическом переносе и ориентируется на выполнение характеризующей и оценочной функции. Р. А. Комарова, взяв за основу этот вид перехода имени собственнoго в класс имён нарицательных, ввела в лингвистику понятие характеризующая апеллиативация.

Суффиксальным способом и переносом типичного признака онима-основы на имя нарицательное сформировалась и лексема **камчатник**. Конкретно при образовании данного слова использован суффикс *-ник*. В прямом значении, Камчатка представляет собой название полуострова на Дальнем Востоке. Её отдалённое географическое положение от центра России – Москвы, переосмыслялось и стало шутливым названием задних парт в классе, за которые в дореволюционной школе сажали неуспевающих учеников – **камчатников**. В том же смысле, данное слово употребляется среди школьников и в настоящее время.

Таких суффиксов, которые присоединяются к собственным именам для образования нарицательных существительных довольно много. Каждый из них выражает вполне определённое и постоянное значение. Например, посредством суффикса *-ист* в процессе апеллиативации формируются слова, обозначающие названия лиц по их принадлежности к различного рода общественным течениям, партиям, склонностям и. т. д. В качестве наглядного примера можно привести следующие апеллиативные единицы, которые обозначают приверженцев разных историко-политических или литературных движений:

- **бонапартист** – сторонник восстановления во Франции династии Бонапартов после падения Первой империи (1814 г.).
- **дантонист** – в период Великой французской революции сторонник правого крыла якобинцев (по имени Ж. Ж. Дантона).
- **карамзинист** – последователь Н. М. Карамзина.
- **европеист** – приверженцы политического, экономического, военного и т. п. объединения стран Западной Европы.

Со времени Великой Октябрьской революции распространился в русском языке суффикс *-ец*. При его помощи также легко превращается та или другая фамилия в нарицательные субстантивы, означающие последователей, сторонников, участников или помощников человека: **суровец**, **муровец** (тип самолёта). Особенно много таких лексем появилось в дни Великой Отечественной войны:

- **панфиловец** – воин 316-той стрелковой дивизии, героически оборонявшей Москву от гитлеровцев. (По имени командира этой дивизии генерала И.В. Панфилова.)
- **тимуровец** – участник детского патриотического движения, которые оказывали помощь семьям воинов и бедным старым людям. (От антропонима героя Тимура из рассказа «Тимур и его команда»).

Вполне определённым и постоянным значением обладает и суффикс *-щин-*. Посредством него превращаются имена собственные в апеллиативы, означающие отрицательные общественные явления (Успенский, 2008, с. 68). Например, моральное

разложение правящей верхушки во время владения русского царя Николая II и его жены, царицы Александры Фёдоровны, называлось **распутинщиной**. Царская семья была в это время под сильным влиянием авантюриста **Г. Е. Распутина**, по рекомендации которого решались важные государственные дела и назывались министры.

Абстрактное значение придаёт именам нарицательным, образованным от онимической лексики суффикс *-ст-*. В качестве наглядного примера мы выбрали слово **толстовство**, под которым подразумевается религиозно-этическое учение связанное с именем **Л. Н. Толстого**.

От имён собственных формируются и нарицательные лексемы, обозначающие процессы или явления. Именем древнеримского бога огня, кузнечного ремесла **Вулкана** была названа огнедышащая гора – **вулкан**. От этого апеллятива русский язык образовал ряд производных научных и технических выражений. Например, слово **вулканизм**, под которым подразумевается «деятельность внутренних сил земного шара, сопровождающаяся извержениями вулканов и землетрясениями» (Ушаков, 2009, с. 91). Новым производным явилось существительное **вулканизация** – подвержение каучука действию жара для придания ему твёрдости. Человек, занимающийся вулканизацией, получил вполне мотивированные наименования **вулканизатор** или **вулканизаторщик**.

Причина переноса названия данного мифонима заключается в том, что при использовании мифологического имени Вулкан для обозначения предмета, явления или процесса принималась во внимание его характерная деятельность. В древности римляне приписывали извержение Везувия или Этны его работе. Вулкан плавил руду в своей огромной домне, и от того пар и пепел поднимались над огнедышащей горой и лава изливалась из кратера (Казанский, 2008, с. 97).

В области геологии развивается петрография – наука о горных породах, многие термины которой оканчиваются на суффикс *-ит*. Эта геологическая дисциплина использует правило, по которому вновь открываемые минералы очень часто называются при помощи проприатива и суффикса *-ит*. Например, **александрит** – драгоценный камень, которому в древности приписывали магические свойства. находка данного минерала совпала с днём рождения будущего царя **Александра II**, и так камень был назван в его честь (Вартаньян, 2000, с. 89).

Многозначный суффикс *-ит* используется и для образования имён существительных, называющих лицо.

Когда мы хотим одним словом назвать человека, живущего в исключительной роскоши и предающегося удовольствиям, бездельничеству, мы можем употребить несколько ироническое слово – **сибарит**. Данное выражение имеет своё происхождение в древнегреческой колонии **Сибарис**, которая отличалась от других греческих городов экстравагантностью и праздной жизнью её богатых обитателей. До наших дней сохранилась память о сибаритах, обих чрезмерной любви к покою и наслаждениям именно в приведённой лексеме. Этот пример представляет собой редкий случай, когда лексическое значение развивается по линии название места → лицо (А. Айзек, 2007, с. 244 – 245).

«Суффиксация – это мастерская слова» (Вартаньян, 1982, с. 3). Эту истинную мысль выразил в своей книге «Путешествие в слово» Эдуард Вартаньян – известный русский лингвист, которого интересует этимология и процессы образования слов. На

разных примерах, которые возникли путём апеллятивации, сопровождаемой суффиксальной деривацией, мы убедились, что суффиксы могут вложить в слово субъективную оценку и образовать наименования разных предметов или явлений. Также при ближайшем рассмотрении оказалось, что деонимизация, связанная с суффиксацией происходит в соединении с семантической деривацией.

К следующему способу производства имён нарицательных от онимической лексики относится префиксация. Префикс – это словообразовательная морфема с таким же назначением как суффикс, только она стоит перед корнем лексической единицы. Она присоединяется к целому слову, а не к основе. Определённым образом видоизменяет значение производящего слова (О. С. Ахманова, 1969).

В русском языке было всего несколько случаев, когда онимы, переходя в другую часть речи, приобретали определённые префиксы, с помощью которых появлялись новые слова. Например, существительное **объегоривание**, образованное от глагола **объегоривать** сформировалось посредством префикса *об-* и суффикса *-ива-* + *-ни(е)*. Корень у этих слов – собственное имя святого **Егора**, которого русский народ праздновал дважды в году – 23 апреля и 26 ноября. К приведённому выражению близок по способу образования и глагол **подкузьмить**, связанный с днём святого **Кузьмы**. Праздник, называемый **кузьминки**, отмечался 1 ноября (Вартаньян, 1963, с. 40).

Лексемы **объегорить** и **подкузьмить** связаны с сельскохозяйственным календарём, началом и концом полевых работ. В Егорьев день нанимали крестьян на работу, а в Кузьмин день было принято с ними рассчитываться. Каждая сторона пыталась защитить свои интересы. Бывали случаи, когда работник договорился с хозяином, а пошёл работать к другому, который предложил ему зарплату повыше. Значит, он первого хозяина **объегорил** – обманул. Или, в обратном случае, пообещал хозяин работнику восемь мешков зерна, а дал ему пять. Таким образом, он его **подкузьмил** – перехитрил. Хотя данные слова произошли от имен святых, в них вложен не очень «почтительный» смысл. Оба глагола несут значение: обмануть, ловко провести, поставить в неприятное положение (Суперанская, 2007, с. 45).

Выражения **объегорить** и **подкузьмить** образованы префиксально-суффиксальным путём. Но под морфологической деривацией, как уже было выше отмечено, подразумевается кроме аффиксации ещё один способ образования новой апеллятивной лексики. Конкретно, имеется в виду безаффиксальный путь, который осуществляется по словообразовательным моделям, свойственным тому или иному языку (Королева, 2009, с. 26). Это, например, нарицательные существительные **донкихот** и **шерлокхолмс**, которые образовались путём слияния двух собственных имён без изменения их формы и без использования других языковых форм. Такое явление в лингвистике принято обозначать термином **сращение**.

Новые сложные слова также сформировались путём объединения имени собственного с именем нарицательным, в результате чего, появились названия различных измерительных приборов (**амперметр**, **вольтметр**, **фарадометр**). Термины, означающие фотографические рентгеновские снимки – **рентгенограмма**, **лауэграмма** (немецкий физик М. Лауэ), наименование духового музыкального инструмента **саксафон** происходит от того, что его придумал бельгийский мастер **А. Сакс**. Вторая часть слова –фон– пришла из греческого языка и в переводе на русский означает звук.

Такая основа сложного слова называется аффиксоид. Этот элемент находится и в слове **патефон**. В названии данного музыкального аппарата звучит имя французского основателя фирмы по производству звукозаписывающей аппаратуры **Шарля Пате** (Блау, 2010, с. 24).

Тот или иной предмет могут означать и так называемые сокращённые до инициалов личные имена и фамилии конструкторов. Вспомним такие названия как **ТУ** – самолёт построен **Туполевым** или самолёт **МИГ**, построенный по проекту инженеров **Микояна** и **Гуревича**. И такие слова-фамилии представляют собой один из способов образования новых апеллятивов от проприативной лексики.

Как было показано на множестве приведённых в тексте примеров, онимическое пространство предоставляет богатый материал для образования новых нарицательных существительных или других частей речи, с новым значением и сферой употребления. Проведя анализ морфологического аспекта деонимизации онимов разных категорий, мы пришли к выводу, что большинство «имён-слов» исконно русского происхождения сформировалось взаимодействием лексико-семантической и морфологической дериваций. Значит, фундаментом для зарождения такой лексемы послужил метафорический перенос имени собственного (**помпадурша, сибарис, камчатник**), к апеллятивированной основе которого был присоединён определённый суффикс, указывающий на характер именуемого объекта реальной действительности. Аффиксальный способ производства апеллятивной лексики от имён собственных, в сравнении с безаффиксальным, является более распространённым и активным. Подытоживая представленный материал, можно увидеть, что русскому языку, как и всем славянским языкам, свойственно придавать названиям определённые суффиксы, которые указывают на их семантический характер, морфологическую, стилевую и эмоционально-экспрессивную принадлежность.

Используемая литература

- АЙЗЕК, А. *Слова в истории*. Москва : Центрполиграф, 2007. ISBN 978- 9524-2582-8.
- АХМАНОВА, О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва : Издательство Советская энциклопедия, 1969.
- БЛАУ, М. Г. *Судьба эпонимов*. Москва : Издательство НЦ ЭНАС, 2010. ISBN 978-5-93196-932-9.
- ВАРТАНЬЯН, Э. *Из жизни слов*. Москва : Государственное Издательство Детской Литературы, 1963.
- ВАРТАНЬЯН, Э. *Путешествие в слово*. Москва : Просвещение, 2011. ISBN 978-5-09-024017-8
- КАЗАНСКИЙ, В. М. *В мире слов..* Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. ISBN 978-5-352-02279-5.
- КОРОЛЕВА, И.Н. Апеллятивация имён собственных по характеру изменения денотативного и/или грамматического значения. *Известия Саратовского университета*. 2009, № 2. с. 24-27.

- МАТВЕЕВА, Т. В. *Полный словарь лингвистических терминов*. Ростов на Дону : Феникс, 2010. ISBN 975-5-222-17060-1.
- СУПЕРАНСКАЯ, А. В. *Теория и методика ономастических исследований*. Москва : Издательство ЛКИ, 2007. ISBN 978-5-382-00204-0.
- УСПЕНСКИЙ, Л. *Ты и твоё имя*. Москва : Астрель, Мир энциклопедий Аванта+, 2008. ISBN 978-5-98986-126-2.
- УШАКОВ, Д. Н. *Большой Толковый словарь русского языка*. Москва : ООО «Дом Славянской книги», 2009. ISBN 978-5-903036-99-8.

Mgr. Nikoleta Petraničová

Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove / Základná škola Žbince

NikoletaDolnicova@gmail.com

В настоящее время Николета Петраничова работает в качестве учительницы основной школы. Одновременно она является студенткой первого курса заочной формы докторандской степени, обучающаяся по программе Славистика. В своей диссертационной работе она начинает заниматься проблематикой практической стилистики современного русского языка. В 2014 году она получила магистерскую степень, защитив работу по теме Апеллятивация онимической лексики как способ вторичной номинации. К её научным интересам относятся кроме приведённых дисциплин и фразеология, паремиология а также ономастика русского языка.

О контаминации в современном русском молодежном сленге

Катажина Кубецка, Антони Маркунас

Abstract:

Portmanteau words/blends are lexical items formed by merging together two (or more) Russian words or loanwords. These creative word formations combine humour with word combinations, which are characteristic features of contemporary Russian slang.

Key words:

portmanteau words/blends, youth, humour, creativity, slang.

Характерной чертой молодежного сленга является его склонность к шутке и игре со словами. Выбор языковых средств подчиняется здесь экспрессивности и юмору. Одним из приемов создания юмористического эффекта в русском языке является контаминация. Это способ словообразования, который предоставляет самые широкие возможности для игрового речетворчества и образования новых слов. В. Салаяев пишет о подлинном расцвете этого способа словообразования и номинации именно в сленге:

Можно высказать предложение о том, что именно контаминация стала одним из самых ярких словообразовательных приемов, отличающим сленг от иных форм существования национального языка (Салаяев, 2003, 149).

Контаминация является очень интересным и часто применяемым словообразовательным приемом. Это «сплав» двух слов или частей слов в одно целое, в результате чего возникает новая единица, например: *алконавт* ← *алкоголик* + *космонавт*. Сленг использует контаминации для создания различных словообразований, которые являются средством языковой шутки. Они служат для обзывания и высмеивания ежедневных явлений. Неологизмы, которые возникли в результате контаминации, Д. Буттлер предлагает называть контаминантами (Buttler, 1989, 430). Именно этим термином мы будем пользоваться в настоящей работе. У всех анализированных нами словообразований можно легко найти черты, которые имеют решающее значение в создании интенсивного комического эффекта: они непредполагаемые, но одновременно абсолютно обоснованные. Нас поражает их форма, которая является отступлением от словообразовательной нормы языка. Тем не менее, в структурном отношении у этих неологизмов имеется свое значение.

В данной статье мы постараемся доказать, что контаминации, с которыми встречаемся в русском молодежном сленге, являются признаком языковой игры, которая оригинальным способом показывает отношение молодого человека к окружающему миру.

Базой для настоящего анализа является 120 контаминаций, которые были зафиксированы в словаре, озаглавленном: «Молодежный сленг: толковый словарь» Т. Г. Никитиной.

Наблюдения над ходом контаминирования в сленге позволяют В. З. Санникову выделить, вслед за А. Ф. Журавлевым, следующие структурные типы контаминаций:

1) агглютинация сегментов двух слов:

$A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(=ac)$, напр. *бестер* (из *бе* - луга - *стер* + лядь),
или $A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(=ad)$ напр. *мопед* (из *мо* - то - цикл + велоси - *пед*);

2) междусловное наложение:

$A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(=abc)$, напр. *стрекозел* (из *стрекоза* + *козел*);

3) включение (Санников, 2002, 164):

забемолеть (из *забеременеть* + *бемоль*).

Постараемся проанализировать собранную нами лексику, базируясь на выше-указанной классификации.

$A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(=ad)$

Самую многочисленную группу составляют определения, построенные по первой схеме, чаще по комбинации $C(=ad)$, чем $C(=ac)$. Среди примеров можем выделить контаминанты, называющие *сексуальных партнеров*: **активист** (активный гомосексуалист) ← *активный* + *гомосексуалист*. Деятельность активиста (деятели) какой-либо организации была сравнена с активностью гомосексуалиста во время гомосексуального акта; **гомосек** (гомосексуалист) ← *гомосексуалист* + *генсек* (генеральный секретарь). Ассоциация основана на сердечной встрече представителей коммунистических партий. Такая привычка (поцелуй в губы) была характерна для Леонида Брежнева и Едварда Герека; **марксист** (активный гомосексуалист) ← *марксист* + *гомосексуалист*. Базой для этого определения было сравнение увлечения марксиста с активной функцией, которую выполняет гомосексуалист во время полового акта; **мужиковед** (гомосексуалист) ← *мужик* + *музыковед* – гомосексуалист как знаток мужчин; **трактор** (ловелас, мужчина с большой половой потенцией) ← *трахать* (совокупляться) + *трактор*. Ассоциация была образована на основе совпадения «силы» обоих объектов: мужчины с большой потенцией и трактора; **лизавета** (лесбиянка) ← *лизать* + *Елизавета*, ассоциация основана на способе совершения лесбийского орального сексуального акта (Dembska, 2011, 39-49).

Интересным примером является название *женщины бэвущка* (девушка легкого поведения). Было оно построено путем соединения буквенной аббревиатуры *БВУ* (бывшая в употреблении) со словом *девушка*; другие определения лиц женского пола: **кадрица** (симпатичная девушка) ← *кадра* + *девица*, **кыдра** (девушка, подруга) ← *выдра* и *кадра*, **лохнезия** (некрасивая, неприятная девушка) ← *лох* (наивный) + *Индонезия*, **Дурцинея** (глупая девушка, женщина) ← *дура* + *Дульцинея* – ассоциация образована на сравнении любимой Дон Кихота с глупой женщиной, **вуменджера** (деловая женщина) ← *woman* (англ. woman – женщина) + *manager*¹.

Следующую подгруппу в категории названия людей составляют названия *детей*. Они построены путем соединения слова *ребенок* с его английским эквивалентом (англ. baby, child): **бэбиенок** (ребенок ← *бэби* + *ребенок*), **чайлденек**, **чилдренок** ← *чайлд* (англ. child) + *ребенок*, неологизм **кесаренок** (ребенок, для рождения которого матери была сделана операция кесарева сечения) был создан путем соединения первой части определения *кесарево сечение* и слова *ребенок*. Чтобы подчеркнуть молодой возраст коммерсанта – **ваучеренок** – была создана контаминация, соединяющая значение существительного *voucher*, как документа, подтверждающего заключение торговой

¹О заимствованиях читайте в дальнейшей части работы.

сделки, с названием детёныша животных (*львенок, тигренок, лисенок*) (← *ваучер* + *тигренок*).

2 лексемы называют *трудоголиков*. Значение обоих контаминантов было построено на восприятии работы как чего-то вроде привычки, например: **трудоголик** ← *труд* + *алкоголик*, **воркоголик** ← *ворк* (англ. *work* – работа) + *алкоголик*; 2 лексемы называют *работников просвещения*: **быкан** (декан) ← *бык* + *декан*, **дуректор** (директор) ← *дурак* + *директор*, 2 неологизма называют *милиционеров*: **ментавр** (конный милиционер) ← *мент* + *кентавр* – ассоциация построена на основе сходства силуэта конного милиционера и кентавра (кентавры – в античной мифологии раса полулюдей-полулошадей), **ментозавр** (милиционер) ← *мент* + *динозавр* – значение этого контаминанта было основано на старом, неизменном способе действия русской милиции (Dembska, 2011, 45). Другие лексемы: **мудератор** (плохо работающий хозяин эхо – конференции, модератор) ← *мудак* + *модератор*, **фидораест** (человек, работающий в сети FIDO) ← FIDO + *педераст*; **восьмидераст** (представитель поколения 80-х гг.) ← *восьми* + *педераст* – определение молодых людей поколения 80-х годов как слишком деликатных; **сороковист** (одна из групп ностальгистов, пытающаяся воссоздать эпоху 40-х гг.) ← *сороковые* (годы) + *ностальгист*; **дерьмократ** ← *дерьмо* + *демократ* (демократ в языке противников демократических перемен в России) – грубое определение демократа, основанное на ассоциации с «загрязнением» существующего до сих пор порядка и системы; **пейджераст** (человек с пейджером) ← *пейджер* + *педераст*; **бизнесмент** (милиционер, берущий взятки) ← *бизнесмен* + *мент* (угол. милиционер); **Путиночет** (президент РФ) ← *Путин* + *Пиночет* (Аугусто Пиночет – бывший чилийский государственный и военный деятель).

3 лексемы определяют *поведение* либо *характер человека*: **придираст** (придира) ← *придира* + *педераст*, **клизмоид** (вредный, нехороший человек) ← *клизма* + *гуманоид* (человекоподобное существо), **черепадла** (ничтожный, презираемый всеми человек) ← *череп* + *падла*; **йоганутый** (страстный приверженец учения агнийоги) ← *йога* + *чоканутый/чокнутый* (Dembska, 2011, 44). 2 лексемы определяют *внешний вид*: **шпалороид** (человек высокого роста) ← *шпала* + *полароид*, **крутылок** (о бритоголовом новом русском) ← *крутой* (Hryniewicz – Adamskich, 2005, 68) + *затылок*.

В собранном материале можно найти отдельные лексемы, называющие *артистов и музыкальные группы*: **Аллергиева** (Ирина Аллегрова) ← *аллергия* + *Аллегрова* – базой для этого переобразования могла послужить ассоциация фамилии этой артистки с аллергией, которую можно испытать в результате слушания музыки этой певицы; **Болванушки** (Иванушки International) ← *болван* + *Иванушки* – ассоциация основана на значении существительного *болван*, как определение глупого человека, и такого воспринимания членов этой популярной (особенно в 90 гг.) русской музыкальной группы.

Следующую семантическую категорию составляет *наука*. Это названия различных мест в школе: библиотека: **блевотека** ← *блевать* + *библиотека* – этот неологизм называет нелюбимое студентами помещение, которое вызывает рвоту, **блятека** ← *блядь* (вульг.) + *библиотека* – «вплетение» в название библиотеки вульгарного слова подчеркивает неохотное отношение молодежи к этому месту; деканат: **быканат** ← *бык* + *деканат*, **драконат** ← *дракон* + *деканат* – шутовское

сравнение деканата с очагом драконов – грозных существ; **говназия** (гимназия) ← *говно* + *гимназия* – говназия ассоциируется с неприятным местом; способы проверки знаний: **клоаквиум** ← *клоака* + *коллоквиум* – довольно далекая ассоциация основана на сравнении коллоквиума (зачета) с состоянием попадания в клоачную яму; *организация учебы в вузе*: **стипенсия** (стипендия) ← *стипендия* + *пенсия*. Значение этого контаминанта базируется на небольших суммах денег, с которыми ассоциируются обе лексемы: студенческая стипендия и пенсия; учебные предметы: **говнометрия** (геометрия), **русиш** ← *русский* + *инглиш* (англ. English –английский), и шутовое определение студента **Квиртанутый** ← *КВИРТУ* (Киевское высшее инженерное радиотехническое училище) + *чоканутый*.

В семантическом поле *алкоголь* можно найти 2 лексемы, называющие *процесс употребления алкоголя*, это: **бутыльбол** (пьянство) ← *бутылка* + *бол*, **литрбол** (пьянство) ← *литр* + *бол* – последняя часть этих контаминантов *-бол* указывает на ассоциацию, основанную на сравнении пьянства с видом спорта; названия алкоголиков: **алконавт** ← *алкоголик* + *космонавт* – ассоциация с состоянием невесомости, в котором находится космонавт или человек, который пьет много алкоголя; **пиянист** ← *пианица* + *пианист*. Значение контаминанта **стакановец** ← *стакан* + *стахановец* было построено на основе ассоциации стахановца– количеством выполненной им работы с количеством выпитых стаканов алкоголя (Dembska, 2011, 48); **шампун** (шампанское) ← *шампанское* + *шампунь* – значение этого контаминанта связано с пузырьками, которые характерны для обеих жидкостей.

Семантическое поле *музыка* сосавляют названия *инструменталистов*: **пиананист** (пианист) ← *пианист* + *онанист*, **гитараст** (плохой гитарист) ← *гитарист* + *педераст* – значение построено на сравнении слова *педераст* с гитаристом сомнительного музыкального таланта, **кларнетаст** (кларнетист) ← *кларнетист* + *педераст* – ассоциация способа игры на кларнете с совершением гомосексуального орального акта (Dembska, 2011, 44); *музыкальные инструменты*: **фагой** (фагот) ← *фагот* + *гобой* – значение контаминанта базируется на сходстве формы и способа игры на инструментах; *музыкальный термин*: **оглушиссимо** (фортиссимо) ← *оглушить* + *фортиссимо* (*fortissimo* – очень громко).

Небольшую группу составляют названия *интимных частей тела*: **мандатра** ← *манда* (женские гениталии) + *ондатра*, **сперматозавр** (мужской половой орган) ← *сперма* + *бронтозавр* (*апатозавр*) – значение контаминанта основано на ассоциации с большим размером и огромными возможностями.

Остальные семантические поля являются названиями *предметов и абстрактных понятий*: **жопсы** (джинсы) ← *жопа* (вульг.) + *джинсы* – неологизм построен в результате соединения названия типа брюк с названием части тела, на которой их носят, **сексодром** (широкая кровать) ← *секс* + *аэродром* – контаминант показывает сходство формы широкой кровати и аэродрома; **окноуз** (окна) ← *окно* + *уиндоуз* (англ. windows), **приднестрофик** (денежная единица) ← *Приднестровье* + *дистрофик*, **дерьмократия** ← *дерьмо* + *демократия*; **спущенка** (сперма) ← *спустить* + *сгущенка* – значение этого контаминанта основано на ассоциации цвета и консистенций сгущенки и спермы; **катастройка** (перестройка) ← *катастрофа* + *перестройка* – ироническое определение перестройки путем сравнения ее с катастрофой; **достаевщина** (навязывание собственной

рефлексии окружающим, назойливость) ← *доставать* (надоедать) + *достоевщина*, **никуха** (прозвище) ← *ник* (ang. nick – кличка, прозвище) + *кликуха* (прозвище); **жистянка** (жизнь оцениваемая негативно, снисходительно) ← *жизнь* + *жестянка*; **гриппер** (сомнительная, придуманная болезнь) ← *грипп* (грипп) + *триппер*; **простудифилис** (простуда, кашель) ← *простуда* + *сифилис* – контаминация различных названий болезней.

Названия *мест*: **гопотека** (дискотека) ← *гоп* + *дискотека* – дискотека как место, в котором подпрыгивают в ритм музыки, **таскотека** (дискотека) ← *таска* (состояние наркотической эйфории) + *дискотека* – ассоциация могла быть основана на свободном доступе к одурманивающим средствам на дискотеках; **бомжаторий** (приемник-распределитель для бомжей) ← *бомж* (бездомный) + *санаторий*; **кайфушка** (кафе, где собираются наркоманы) ← *кайф* (состояние эйфории) + *кафешка* (кафе); **кабактерий** (ресторан) ← *кабак* (кафе, ресторан) + *бактерия* + *кафетерий* – определение ресторана не пользующегося хорошей репутацией, и сравнение его с очагом бактерий, **хипподром** (особое место сбора хиппи в Москве) ← *хиппи* + *гипподром* (ипподром) – значение этого контаминанта основано на ассоциации с местом встреч, а также на звуковом сходстве этих лексем (Dembska, 2011, 49); **Амкасл** (футбольный клуб Амкал) ← *Амкал* + *Ньюкасл*, ассоциация названия русского футбольного клуба Амкал и английского Ньюкасл Юнайтед (Newcastle United Football Club); **румната** ← *рум* (англ. комната) + *комната*; **Поляндия** (Польша) ← *Полянд* (англ. Poland) + финальная часть названия страны типа *Финляндия*.

Остальные лексемы определяют деятельность или состояние, например: **врубинштейн** (понимать) ← *врубить* (объяснить кому-л. что-л., приобщить кого-л. К чему-л.) или *врубон* (о полном понимании чего-л.) + *ферштейн* (нем. понимать). Этот глагол выступает в выражении: **не врубинштейн** – не понимать чего-л.; **скоммуниздить** (украсть что-л.) ← *коммунизм* + *спиздить*. Значение этого контаминанта основано на ассоциации с эпохой коммунизма и раскрадыванием страны. Некоторые названия возникли путем соединения русских и английских глаголов в том же значении, названия действия, например: **кисоваться** ← *kiss* (англ. kiss – целовать) + *целоваться*, **слипать** ← *слип* (англ. sleep – спать) + *спать*; и состояния: **програзм** (состояние высшего удовлетворения от занятий программированием) ← *программирование* + *оргазм*. Оба процесс ассоциируются с приятностью, удовольствием;

Следующим способом является междусловное наложение $A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(abc)$. Можем здесь выделить отдельные имена существительные, которые называют людей: **шмудила** (обладатель дорогих модных вещей) ← *шмутка* + *мудила*, профессии: **утичер** ← *учитель* + *тичер* (англ. учитель), *школьные предметы*: **мучебник** (учебник) ← *мучить* + *учебник*, *автомобиля*: **жопорожец** ← *жоп* + «*Запорожец*», **пезопель** (автомашина иностранного производства) ← *пезо* (Peugeot) + *опель*, *предметы*: **шмудак** (престижная, модная, дорогая вещь, предмет роскоши) ← *шмутка* + *мудак*. К этой группе принадлежат также контаминанты, которые являются определениями *руководящих органов*: **д'эрекция** ← *дерекция* + *эрекция* и другие: **обломов** (состояние депрессии) ← *облом* (депрессия) + *Обломов*, **трублема** (проблема) ← *проблема* + *trouble* (ang. проблема), **факел** (мужской половой орган) ← *фак* (англ. fuck) + *факел*, **факир** (половой партнер) ← *фак* (англ. fuck) + *факир*. Одна лексема – **остонадоесть** (очень

сильно надоесть кому) – была построена по следующему образцу: **A (ab) + B (cd) C (acd)**
← *осточертеть + надоесть*.

Интересным контаминационным приемом является **включение** – в середину одного слова (основного, „базового”) вклиниваются элементы другого слова, имеющего, как правило, отрицательную окраску (Санников, 2002, 164). Проиллюстрируем сказанное: **барабаебанщик** (барабанщик) ← *барабанищик + ебать*, **коммуонанизм** (коммунизм) ← *коммунизм + онанизм*, **кошматерный** (ужасный, невероятный) ← *кошмар + матерный*; другая контаминационная комбинация это «включение с исключением» (полная форма исходного слова не сохраняется) – его элемент удаляют, а на его место появляется включение, например: **забемолеть** (забеременеть) ← *забеременеть + бемоль* (значение этого слова основано на ассоциации с формой символа в нотной записи), **внепапочный** ← *внебрачный ребенок внематочная беременность + папа*, **кайфе** (кафе) ← *кайф* (состояние наркотической эйфории, алкогольное опьянение, удовольствие, любимые приятные эмоции) + *кафе* (кафе), **наглюкаться** ← *напиться пьяным наглюкаться + глюк*, **проэректор** ← *проректор + эректор*, **эректорат** ← *эрекция + экторат*, **сексокосилка** ← *секс + сенокосилка*, **инженегр** ← *инженер + негр*².

Представленный выше материал позволяет сделать вывод, что самый популярный среди молодежи способ образования контаминации основан на образце **A(=ab) + B(=cd) → C(=ad)**, в котором неологизм образуется от начальной части первого слова и последней другого, например: *алконавт, оглушиссимо, валчеренок*.

Д. Буттлер подчеркивает, что очень важным условием создания комического эффекта контаминации является контраст его составных частей. Трудно найти в языке более яркий пример такой конструкции, чем именно контаминация. Ее составные части представляют часто несравнимые по содержанию или исключают друг друга явления. Различные возможности в подборе экспрессивных выражений позволяют говорить об огромной свободе в выборе словообразовательных основ и методов. Мы можем выделить контаминации, в которых во второй части заключается тот член, который ярко преуменьшает значение нейтрального слова и сталкивает его в группу оскорбительных (Buttler, 1974, 116). Это такие слова, как: **восьмидераст, гитараст, кларнетаст, пейджераст, придераст, простудифилис**. Есть также формации, в которых оскорбительное слово составляет первую часть слова, во второй появляется нейтральное слово, например: **блевотека, блятека, болванушки, говназия, дерьмократ, катастройка, клоаквиум, ментозавр**. Если в процессе принимает участие глагол – эмоциональный контекст заключается только в первой части контаминации: **замуч** (замучить + завуч), **наглюкаться** (наглюкаться + глюк), **опупея** (опупеть + эпопея).

Среди анализированных контаминаций можно выделить словообразования, которые возникли в результате соединения полных форм компонентов, а также форм разным образом сокращенных. Вот некоторые примеры контаминантов, в которых только *первый член* является *полным*: **блятека** (бля + библиотека), **быканан** (бык +

---

²Контаминация этих слов произошла на основе ассоциации сходного жизненного положения инженеров в России и афроамериканцев в США (см. Николаев Г., *Номинативные средства молодежного сленга в современном русском языке*, Studia Rossica Posnaniensia, 2003, nr XXXI, s. 140).

деканат), **ваучеренок** (ваучер + тигренок), **восьмидераст** (восьми + педераст), **драконат** (дракон + деканат), **кадрица** (кадр + девица), **литрбол** (литр + баскетбол, волейбол), **сексодром** (секс + аэродром), **сперматозавр** (сперма + бронтозавр), **воркоголик** (ворк + алкоголик), **вуменджер** (вумен + менеджер), **никуха** (ник + кликуха), **пейджераст** (пейджер + педераст), и компоненты, в которых только *второй член* является *полным*: **остонадоесть** (осточертеть + надоесть), **стипенсия** (стипендия + пенсия); формации, в которых оба компонента сокращенные: **активист** (*активный* + *гомосексуалист*), **алконавт** (*алкоголик* + *космонавт*), **блевотека** (*блевать* + *библиотека*), **жистянка** (*жизнь* + *жестянка*), **катастройка** (*катастрофа* + *перестройка*), **крутылок** (*крутой* + *затылок*), **простудифилис** (*простуда* + *сифилис*). Приведенные примеры доказывают, что самую многочисленную группу образуют контаминации, в которых первый член является полным, а второй сокращенным. Самую маленькую группу составляют формации, в которых только другой член остался полным.

В представленном материале есть также контаминанты, одной из составных частей которых является омоним целой контаминационной формации. Приведем примеры: **марксист** (активный гомосексуалист) ← *марксист* + *гомосексуалист*, **махаяна** (драка, потасовка) ← махаться + махаяна (махаяна – название одного из направлений в буддизме), **шампунь** (шампанское) ← *шампанское* + *шампунь*, **мандарин** (женские гениталии) ← мандарин + манда (вульгаризм), **факир** (половой партнер) ← *фак* (половой акт) + *факир*, **бухарест** ← *бухать* (пить алкогольный напиток) + *Бухарест*, **бухенвальд** ← *бухать* + *Бухенвальд*. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что некоторые контаминанты принимают значение слов, которые не являются их омонимами.

Среди собранных нами контаминаций можно заметить также образования, основанные на именах собственных, фамилиях или названиях *стран, городов* или *регионов*, например: **Аллергиева**(Аллергова), **Дурцинея**(Дульцинея), **Поляндия** (Польша), или вышеуказанные **Бухенвальд, Бухарест**.

Элементами контаминации бывают также *аббревиатуры*, а формации, построенные на их базе, напоминают обычные слова. Участие аббревиации в составлении контаминационных формаций связано с их характерной чертой – краткостью. В анализированном материале можно найти следующие примеры: **БЭВушка** ← *БВУ* (бывшая в употреблении) + *девушка*, **квартинугый** ← *КВИРТУ* (Киевское высшее инженерное радиотехническое училище) + *чоканутый*.

Среди контаминантов большую группу образуют также *заимствования из английского и немецкого языков*. Здесь происходит соединение иноязычного элемента с русским, что в результате создает юмористический эффект. В английских заимствованиях преобладают имена существительные. Дадим некоторые образцы: **бэбиенок** (ребенок) ← *бэби* (англ. baby) + *ребенок*, **окноуз** (окна) ← *окно* + *уиндоуз* (англ. windows), **румната** (комната) ← *рум* (англ. room) + *комната*, **русиш** (русский язык) ← *русский* + *инглиш* (англ. English), **чайлдренок, чилдренок** (ребенок) ← *чайлд* (англ. child) + *ребенок*, **вуменджера** (деловая женщина) ← *woman* (англ. woman) + *manager* (kierownik), **воркоголик** (трудоголик) ← *ворк* (англ. work) + *алкоголик*, **пейджераст** (человек с пейджером) ← *пейджер* (англ. pager) + *педераст*, глаголы: **кисоваться** (целоваться) ← *кисс* (англ. kiss) + *целоваться*, **слипать** (спать) ← *слип* (англ. sleep) +

слипать, и числительный: **ферстый** (первый) ← ферст (англ. first) + первый. Два примера являются неологизмами, построенными на основе заимствований из немецкого языка: **врубинштейн** ← *врубить* + *ферштейн* (нем. Fershtein), и определение **портвейгеноссе** (собутыльник), которое было образовано от слова *портвейн* (дешевый напиток) и определения *партайгеноссе* (товарищ по партии, нем. Parteigenosse).

В качестве составных частей контаминации выступают разные части речи. Самую большую группу составляют соединения типа: *имя существительное* + *имя существительное*, например: **алконавт, валчеренок, гитараст, говназия, дерьмократия, драконат, дуректор, дэрекция, кабактерий, катастройка, коммунизм, мужиковед, стипенсия**; *имя прилагательное* + *имя существительное*: **активист, кошматерный, крутылок, йоганутый**; *имя существительное* + *прилагательное*: **калимый** (кал + голимый), *существительное* + *глагол*: **барабаебанщик, блевотека, врубинштейн, глупизди, мучебник, скоммуниздить** (коммунизм + спиздить), *числительное* + *существительное*: **восьмидераст**; *прилагательное* + *прилагательное*: **гуморальный** (гумозный + аморальный), **загармоничный** (заграничный + гармоничный), **кошматерный** (кошмарный + матерный), *глагол* + *глагол*: **остонадоость** (осточертеть + надоость). Вышеуказанные примеры иллюстрируют разного рода контаминационные комбинации, построенные при помощи разных частей речи.

Итак, контаминация является важным элементом в языке современной молодежи. Она называет реалии жизни не только молодого человека. Здесь можно найти неологизмы, связанные с учебой, названиями болезней, определениями людей, в том числе сверстников, учителей, детей, алкоголиков, сексуальных партнеров, названия работников общественного порядка, названия разных мест и т.д. Части некоторых контаминаций бывают заимствованными из иностранных языков – английского (ворклоголик, бэбиенок, вуменджера, учтичер) и немецкого (врубинштейн, портвейгеноссе). Свобода в выборе языковых единиц (русских или иностранных), а также факт, что они могут концентрировать свою «эмоциональность» как в первой, так и во второй части слова, и легкость создания конструкции способствует тому, что эти образования очень популярны в молодежном сленге. Путем языковой игры и создания многочисленных контаминационных неологизмов молодые люди в частности тинейджеры показывают свое ироническое отношение к окружающей действительности.

Используемая литература

- BUTTLER, Danuta, *Polski dowcip językowy*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974, ISBN 83-011-3610-3.
- BUTTLER, Danuta, Neologizmy kontaminacyjne a norma dzisiejszej polszczyzny, *Poradnik Językowy*. 1989, (6):429-434, ISSN 0551-5343.
- DEMBSKA Katarzyna, Zjawisko kontaminacji jako jeden z aspektów badawczych języka reklamy (na przykładzie języka rosyjskiego), *Folia Linguistica Rossica*, 2011 (7): 20 -28. ISSN 1731-8025.
- DEMBSKA Katarzyna, *Słowa wykolejone, czyli o zjawisku kontaminacji we współczesnym języku rosyjskim*, Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2011. ISBN 978-83-60178-96-6.

- DZIADOSZ Dorota, *Socjolekt studentów uczelni szczecińskich i petersburskich. Charakterystyka leksykalno-słowotwórcza rzeczowników*, Szczecin 2008, ISBN 978-83-60903-69-8.
- GRABIAS Stanisław, *Język w zachowaniach społecznych*, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001, ISBN 83-227-1039-9.
- GRABIAS Stanisław, *O ekspresywności języka*, Lublin, Wydawnictwo Lubelskie, 1981. ISBN 83-222-0157-5.
- HRYNKIEWICZ-ADAMSKICH Bożena, *Rosyjsko-polski słownik innowacji leksykalnych*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2005. ISBN. 83-232-1579-0.
- НИКИТИНА Татьяна Геннадьевна, *Молодежный сленг: толковый словарь*, Москва Астрель 2009, ISBN 978-5-17-058711-7.
- НИКОЛАЕВ, Геннадий. Номинативные средства молодежного сленга в современном русском языке. *Studia Rossica Posnaniensia*. 2003, (31): 135-141. ISSN 0081-6884.
- САЛЯЕВ Владимир, Семантика сленговых неологизмов – контаминатов, [in:] M. Aleksiejenko, M. Kuczyńska, red., *Słowo. Tekst. Czas VII. Nowe środki nominacji językowej w nowej Europie*, Szczecin, 2003. ISBN 83-724-14246-9-7.
- САННИКОВ Владимир, *Русский язык в зеркале языковой игры*, Москва 2002. ISBN 5-94457-037-7.
- ХАБИБУЛЛИНА Елена., *Еще раз о контаминационном словообразовании в русском языке*. *Studia Rossica Posnaniensia*, 2006, (27):s. 65 -73, ISSN 0081-6884.

Катажина Кубецка (Katarzyna Kubecka)

выпускница русско-английской филологии а теперь преподавательница английского языка в языковой школе Университета им. Адама Мицкевича в Познани.

katkub@amu.edu.pl

Антони Маркунас (Antoni Markunas)

профессор-пенсионер, бывший Директор института русской филологии в познанском Университете им. Адама Мицкевича

Русскоязычная пресса в Эстонии: к проблеме языковой ситуации

Магдалена Буховска

Abstract:

Estonia is a small country at the eastern edge of the European Union, where 30% of the society considers Russian as their native language. The aim of this article is to present the specific language situation in the country as well as the language policy of the government after the Soviet union period. The analysis of the examples from Estonian written press printed in Russian language is also provided. The main focus of interest is on so called "signals of strangeness", which inform the reader that the newspapers are issued in Estonia, not in Russian Federation.

Key words:

Estonia, Russian language, language situation, language policy, written press, press analysis

Эстония – это страна на востоке Европейского Союза, в которой тридцать процентов населения считает русский язык родным. Некоторые из этих людей являются этническими русскими, другие эстонцами с российскими корнями, есть также лица без гражданства, которые до сих пор не решили, какой паспорт они хотят выбрать. Все они живут в стране, в которой существует только один официальный язык – это эстонский. Однако в обществе важную роль играет также русский язык. Им пользуются в бизнесе, рекламе и средствах массовой информации, печатаются специальные издания на русском языке. Сложной языковой ситуации в Эстонии – на примерах почеркнутых из СМИ – посвящена данная работа, которая содержит контент-анализ эстонской прессы, издаваемой на русском языке. В статье представлено содержание изданий, а особое внимание уделяется так называемым сигналам чуждости, благодаря которым можно узнать, что эти издания из Эстонии, а не из Российской Федерации. Среди таких сигналов появляются, например, рекламные тексты или имена собственные.

Независимая Эстония: ближе к Европейскому Союзу, дальше от России

Эстонии удалось восстановить независимость в ходе "поющей революции", которая началась в 1988 году. Однако не все жители страны были довольны, что время СССР кончилось и Эстония вступает на дорогу независимости. В противовес эстонскому национальному массовому движению в 1988 г. стали активизироваться силы, представляющие, в основном, русскоязычное население. Они протестовали против принятого в январе 1989 г. *Закона о языке*, который давал эстонскому языку статус государственного на территории ЭССР, а также против водружения сине-черно-белого флага на башне Длинный Германн (Переломные годы, 2000).

Решение "О государственной независимости Эстонии" было принято 20 августа 1991 года. В течение нескольких лет Эстония взяла политический курс на Запад и 29 марта 2004 года стала членом НАТО, а 1 мая 2004 года членом Европейского Союза.

По данным переписи 2000 года, русский был родным языком для примерно 30 % населения (35 % по данным за 1989 год). В столице страны, Таллине, русский язык является родным для почти 47 % жителей (данные за 2011 год). Русскоязычные жители Эстонии по своему статусу делятся на три большие категории: граждане Эстонии,

граждане иностранных государств (прежде всего России, по данным переписи 2000 года их было 86 тысяч), а также лица без гражданства, апатриды, обладающие так называемым "паспортом иностранца" (по данным департамента гражданства и миграции Эстонии, в 2006 году их было 136 тысяч, в 2000 году – 170 тысяч (МалOVERьян, 2007)).

После восстановления Эстонией независимости в 1991 году русский язык был лишен официального статуса и в настоящее время юридически считается иностранным языком, хотя продолжает до сих пор широко использоваться в быту, торговле, рекламе, обслуживании и услугах населению со стороны частных компаний, в СМИ, интернете, театральных постановках, частично в основном и среднем образовании, а также, в ограниченном объёме, в государственном секторе страны (например, многие госучреждения имеют русскоязычные версии интернет-сайтов, проводимые на бюджетные деньги социальные кампании и социальная реклама часто имеют перевод на русский и т. п.).

В настоящее время существует только один государственный язык – это эстонский. Официальные эстонские источники сообщают однако на своих сайтах, что „в повседневной жизни широко распространены русский, финский, английский и немецкий языки” (Посольство Эстонии в Москве, 2014). Русский язык используется в качестве родного языка, прежде всего, проживающими в республике этническими русскими. Традиционно все неэстонское население Эстонии называют русскоязычным (и так оно в основном и есть), но этнически оно не совсем однородно: этнические русские составляют основную часть (около 25 % всего населения), но есть и украинцы (более 2 %), белорусы (1,2 %), финны (меньше процента) и представители других национальностей (МалOVERьян, 2007). Для этнических эстонцев старшего поколения русский язык пока еще выступает в качестве наиболее хорошо понимаемого иностранного языка, опережая по этому показателю все другие языки. Среди более молодого поколения эстонцев степень владения русским языком является довольно низкой, значительно уступая знаниям английского языка (Меллик, 2010). Русский язык функционирует также в школьной системе образования. Государственная учебная программа обязывает эстонские школы обучать детей не менее чем двум иностранным языкам, но выбор языков остается за школами.¹ Организации и проведению мероприятий, посвященных изучению жителями Эстонии русского языка, содействует Посольство России.

В муниципалитетах, где какое-либо конкретное национальное меньшинство составляет не менее половины населения, государственные и местные учреждения должны предоставлять ответы и на языке данного меньшинства. Согласно *Закону о языке*, однако, к национальным меньшинствам относятся только граждане Эстонии, имеющие прочные и тесные связи с Эстонией. Неграждане (в том числе апатриды) и граждане России национальным меньшинством не считаются. *Закон о языке* Эстонии разрешает использование иностранных языков (в том числе, русского) в рекламе,

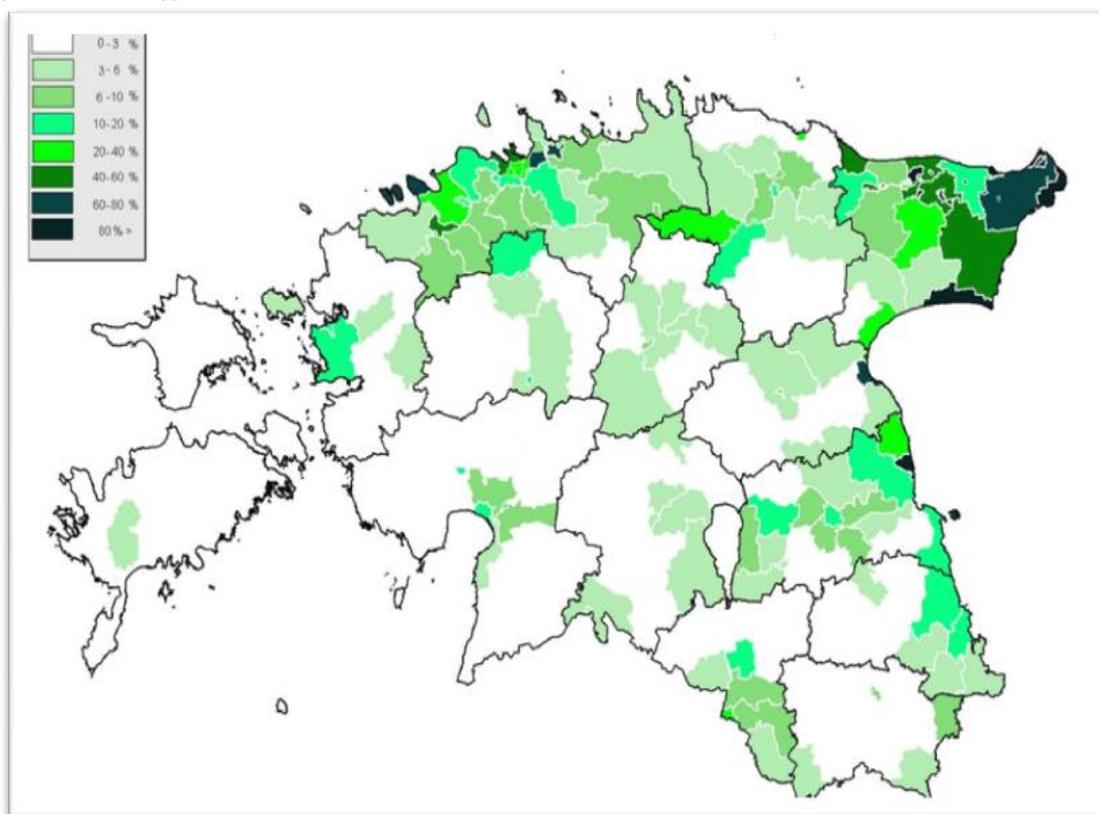
---

¹ В 2009–2010 учебном году русский в качестве первого иностранного изучали 646 учеников эстонских школ, второго иностранного – 51 861 и третьего иностранного языка – 1917, итого 54 424 ученика эстонских школ. Всего в общеобразовательных эстонских школах учились 110 749 детей. Из 10 000 абитуриентов эстонских школ госэкзамен по русскому языку сдавали 346 учеников (Меллик, 2010).

вывесках, указателях и объявлениях в общественных местах, маркировке товаров и инфолистках лекарств (по добровольному желанию фирм-производителей) однако иноязычный текст может использоваться только на втором месте в качестве дополнения к эстонскому и не может быть по размеру больше эстонского оригинала (Keeleseadus, 2011).

Отсутствие официального статуса русского языка критиковалось некоторыми лицами на международном уровне. Так, специальный докладчик ООН по расизму, расовой дискриминации и ксенофобии Дуду Дьен посоветовал в 2007 году Эстонии сделать русский язык вторым государственным (Delfi, 2007), а в 2010 году комитет ООН по борьбе с расовой дискриминацией призвал Эстонию взвесить возможность предоставления публичных услуг на двух языках — русском и эстонском. Данные рекомендации были Эстонией отвергнуты как «неадекватные».

Рисунок 1: Русскоязычное население Эстонии по данным переписи 2000 года [DVoit/WikipediaCommons (CCBY-SA 3.0)].

Рынок прессы в Эстонии. Русскоязычная пресса

На структуру рынка средств массовой информации в Эстонии влияет специфическая социальная ситуация – среди людей с эстонским гражданством существует русскоязычное меньшинство, которое читает газеты и смотрит программы на русском языке. Эти материалы готовят не только эстонские предприятия, ведущие в Эстонии, но и СМИ соседней Российской Федерации (Kamińska-Moczyło, 2014). Очень важную роль на рынке эстонских СМИ играет пресса. Эстония является одной из стран с самым высоким уровнем читателей в Европейском Союзе. В 2003 году 70% эстонцев

каждый день читали ежедневные газеты. В результате Эстония, как и Германия, Нидерланды и Скандинавия, стала одним из лидеров чтения опережая Бельгию или Францию. 91% читателей любит читать газеты в Интернете (Kamińska-Moczyło, 2014).

Для раскрытия данной проблематики целесообразно рассмотреть историю функционирования русскоязычной прессы в Эстонии. Первые газеты на территории Эстонии появились в XVII веке на немецком языке и были связаны с немецким балтийским сообществом (Kamińska-Moczyło, 2014). Первые русскоязычные издания появились в конце XIX века, раньше жители страны могли читать журналы, печатанные в Петербурге (Vihalemm, 2002, с. 208).

После Второй мировой войны все русскоязычные газеты контролировались государством и коммунистической партией. Ведущим журналом была „Правда”, которая выходила в каждой из 15 республик СССР. Вторым по значимости был журнал „Комсомольская правда” (Kamińska-Moczyło, 2014). Когда Эстония стала независимой в году, все ожидали быстрой демократизации прессы. Но, как пишет П. Вихалемм, удивительно, что появился новый спрос "лояльности", которая относилась к русскоязычной прессе. "Любая критика эстонских политиков или нового закона оценивалась эстонскими СМИ и политиками как нелояльность со стороны русских". Эта ситуация существовала до около 1996 года (Vihalemm, 2002, с. 214). В течение лет роль русскоязычной прессы уменьшалась. Две самые крупные газеты: „Эстония” и „Молодежь Эстонии” читались менее регулярно. В 1989 тираж „Молодежи Эстонии” – это 95 000, Эстонии – 68 000. В 1992 – 22–25 000 каждая из них, в 2001 – только 8000 Vihalemm, 2002, с. 220). В 2009 году эти две газеты закончили деятельность.

Сегодня на эстонском языке издаются газеты: „EestiPäevaleht” – общественно-политическая ежедневная газета, „Postimees” – общественно-политическая ежедневная газета, „Õhtuleht” – ежедневный таблоид, „EestiEkspress” – общественно-политический еженедельник, „Äripäev” – экономическая газета, „Maaleht” – еженедельник, „Kesknädal” – регулярная газета, связанная с Центристской партией Эстонии, „Pealinn” – бесплатная газета, издаваемая городом Таллин. На русском языке издаются: „Постимеэс” – русскоязычный выпуск одноимённой ежедневной газеты на эстонском языке, фактически – единственная общереспубликанская ежедневная газета на русском языке (помимо переводных статей, газета публикует авторские материалы журналистов русской редакции), „День за Днём” – общественно-политический еженедельник, статьи которого доступны также на новостном портале, „Деловые Ведомости” – экономический еженедельник, „Комсомольская правда-Балтия” – прибалтийский выпуск российской газеты, „МК Эстония” – эстонская версия „Московского комсомольца”, „Столица” – бесплатная газета, издаваемая городом Таллином. Существует также двуязычный бесплатный еженедельник „Linnaleht” („Линнаলেখт”) на русском и эстонском, освещающий новости эстонской столицы. На английском издаются: „TheBalticTimes”, „TheBalticWorldwide” и „BaltischeRundschau” – последний также на немецком.

Русскоязычная эстонская пресса (контент-анализ)

Материалом для анализа послужили 4 печатные издания на русском языке (за 2013 и 2014 гг.), получателями которых являются представители русскоязычной части жителей Эстонии: ежедневная газета „Постимеэс”, экономический еженедельник

„Деловые ведомости”, еженедельник коммерческой информации „REFINFO” и спортивный ежедневник „Спорт-Экспресс”.

„Постимеэс” (эст. *postimees* значит почтальон) – это эстонская общественно-политическая ежедневная газета. Современный выпуск издания осуществляется в виде двух ежедневных газет — на эстонском и русском языках (однако на русском газета выходит не ежедневно, а по вторникам, четвергам и субботам). „Постимеэс” имеет самый большой в Эстонии тираж — 57 700 (2012) (Kamińska-Moczyło, 2014). Основана в 1886 году, является первой ежедневной эстонской газетой. После присоединения Эстонии к СССР летом 1940 года выпуск газеты прекратился, но уже через год, 13 июля 1941 года, с началом немецкой оккупации, издание газеты возобновилось. С 1 мая 1948 до 1990 года газета издавалась под названием „Эдази” (эст. *edasi* значит вперёд) и была органом Тартуского городского комитета Компартии Эстонии. В 1990 году издание вновь стало называться „Постимеэс” и городская газета превратилась в общереспубликанскую.

Фот. 1: „Постимеэс” - первая страница [фот. автор].

7 ноября 2005 года тиражом 10 тыс. экземпляров начала издаваться на русском языке газета „Постимеэс”. Около половины ее содержания составляют переводы из одноимённой версии газеты на эстонском языке (в таллинском офисе газеты работают три переводчика), остальную часть составляют оригинальные материалы журналистов русской редакции. В апреле 2009 года прекратился выпуск последних эстонских ежедневных общереспубликанских газет на русском языке „Молодёжь Эстонии” и

„Вести дня”. Таким образом русскоязычный „Постимеэс” стал единственной ежедневной общереспубликанской газетой в стране, выходящей на русском языке.

Газета „Деловые ведомости” – это русская экономическая газета, экономический еженедельник для предпринимателей в Эстонии. Первое издание газеты появилось 27 ноября 1996 года. Газета освещает вопросы экономики, карьеры и обучения, строительства, недвижимости, информационных технологий, автомобилей и логистики, финансов, затрагивает проблемы политики, культуру, а также досуга (существует приложение „Вкус жизни”, которое занимается в основном культурой). „Деловые ведомости” печатает компания AS Äripäev, которая принадлежит шведской медиа-группе Bonnier (Äripäev – это также название газеты на эстонском языке, которая издается каждый день и также занимается прежде всего экономикой).

Фот. 2: „Деловые ведомости” - первая страница [фот. автор].

По данным Союза газет Эстонии, тираж „Деловых ведомостей” – это 3700 экземпляров (сентябрь 2013 года) (Михайлов, 2013).

„REFINFO” - это еженедельник коммерческой информации, который основан в 1993 году. Он содержит прежде всего объявления в разных категориях и рекламные тексты, а также новости, затрагивает вопросы экономики, обзор эстонской прессы, кроссворд и др. Газета имеет около 35 000 читателей в неделю (что обозначает тираж

около 8-9 тыс. экземпляров)², среди них – 90 процентов русско- и 10 процентов эстоноязычные жители Таллинна, Ида-Вирумаа, Тарту, Пярну и других регионов Эстонии.

Фот. 3: „REFINFO” - первая страница [фот. автор].

Как сообщает сайт газеты, „REFINFO” имеет 20-25 процентов новых читателей каждую неделю, за счет чего в течение 6 недель происходит полная ротация аудитории.

„Спорт-Экспресс” – это ежедневная газета, как показывает название, посвященная спортивной тематике, которую можно купить в Эстонии (единственная спортивная газета, доступная на русском языке), которая основана в августе 1991 года. В 2003 году по заявленному тиражу газета занимала третье место среди российских ежедневных газет – 650 тыс. экземпляров.

² В Эстонии тираж журналов в 4 раза меньше, чем круг читателей – согласно анализу Паула Вихалемма (Vihalemm, 2002, с. 285).

Фот. 4: „Спорт-Экспресс” - первая страница [фот. автор].

Распространяется в 309 городах мира (в том числе Таллин), печатается в городах: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Челябинск, Владивосток, Екатеринбург, Самара, Волгоград, Минеральные Воды, Воронеж, Краснодар, Красноярск, Саратов, Нижний Новгород, Калининград, Пермь, Казань, Уфа, Ростов-на-Дону, а также Рига, Киев, Запорожье, Симферополь, Астана. Газета является членом объединения European Sports Magazines (Европейские спортивные издания). В августе 2012 года убытки газеты привели к задержкам заработной платы, журналисты угрожали директору и владельцу (Ивану Рубину) забастовкой. В итоге Рубин продал ЗАО «Спорт-Экспресс». Новым владельцем стал генеральный директор петербургского филиала «Первого канала», владелец холдинга Ragraд Video и один из акционеров электронного завода «Авангард» Эдуард Райкин (Wikipedia, 2015).

В Эстонии нет специального, эстонского издания: газеты для Эстонии, Литвы и Латвии печатаются в Риге. Это одно издание, на котором имеются варианты цены в зависимости от страны (в Эстонии это 1 евро).

Сигналы чуждости

Если внимательно проанализировать материал, можно узнать, что представленные выше газеты печатаются в Эстонии (конечно, кроме „Спорт-Экспресс”а, который выходит во всех странах Балтии). Однако на первый взгляд, как

можно заметить, что они издаются не в России? В них содержатся и другие компоненты, указывающие (и предсказывающие) на страну их изготовления. К сигналам чуждости относятся: цена и валюта, реклама, имена собственные, ссылки (интернет-адреса) и электронная почта, номера телефонов, культура и традиция.

Цена и валюта

Первым сигналом, который бросается в глаза, является цена газеты. Информация о ней в каждой из них находится на обложке, рядом с названием газеты.

Фот. 5: Информация о цене в каждой из газет выражена не в рублях, а в евро [фот. автор].

Видно, что цена выражена не в рублях, а в сегодняшней эстонской валюте (а тем самым в валюте большинства стран Евросоюза) – в евро. „Постимеэс” стоит 1 евро, „Деловые ведомости” – 2 евро, „REFINFO” – 1 евро, а „Спорт-Экспресс” – тоже 1 евро (причем в этой газете цена для Эстонии помещена рядом с ценами для Латвии – 0,7 Ls/1 евро и Литвы – 3,3 Lt). Интересно, что в зависимости от газеты название валюты евро

записывается разными способами. И так, „Постимеэс” пишет "€", „Деловые ведомости” – "евро", „REFINFO” – 1 "EUR", а „Спорт-Экспресс” – "Euro".

Реклама - эстонский или английский язык

Важным компонентом каждой газеты является реклама, также содержащая показатели эстонского происхождения. Кроме русскоязычного содержания, там находятся слова на эстонском или (реже) английском языке. Например, на последней странице „Деловых ведомостей” находится реклама журнала для женщин „Sensa”, которая показывает один экземпляр этого журнала (все заглавия на первой странице по-эстонски) и информирует, что при покупке подписки можно получить хорошую косметику (рекламный слоган тоже по-эстонски). Другой пример – „Вкус жизни”, приложение „Деловых ведомостей” рекламирует (также на целой странице) алкоголь "OldCaptain", со слоганом на английском языке: "The sunny taste of the Carribbean". На этом языке рекламируются также эксклюзивные часы для мужчин. Как было отмечено, английский язык в Эстонии широко распространен и много людей может пользоваться им свободно.

Фот. 6: В рекламах находятся слова на эстонском или английском языке [фот. автор].

Знак „изготовлено в Эстонии“, эстонский флаг

Некоторые рекламы имеют специальный символ, который однозначно показывает, что газета печатается в Эстонии. Это маркировка „изготовлено в Эстонии” при рекламированных продуктах питания и других товарах. Например, такой маркировкой в газете „Постимеэс” отмечены конфеты „Jõulusaladus” известной эстонской фирмы Kalev, производящей шоколад. Рядом с письменной информацией „изготовлено в Эстонии” помещен также маленький эстонский флаг, чтобы не было никаких сомнений у читателя газеты. Другим интересным примером такой маркировки может быть реклама алкометра „Alcoscan”, фотография которого представлена на рядом с эстонским флагом со слоганом: „С гордостью сделано в Эстонии! Лучшее отечественное качество”.

Фот. 7: Символ или маркировка „изготовлено в Эстонии” показывает, что газета печатается в Эстонии [фот. автор].

Имена собственные

В рекламах и в статьях очень просто можно найти эстонскоязычные названия предприятий или имена и фамилии людей (рекламирующихся, журналистов или героев статьи), которые ясно показывают, что это не российские издания. Примером является название рекламирующегося магазина „SelverHeamõte” („*Постимеэс*”), финансовые услуги „Hüpoteklaen” или запчасти „AlvadiAutoosad” („*REFINFO*”). Новую министр культуры зовут Урве Тийдус, а об эстонских школьниках пишет журналист „*Постимеэс*” Аннелин Аммас. В „*REFINFO*” объявления и рекламные тексты, касающиеся города Таллин, поделены на категории в зависимости от района города. Итак, на русском языке выступает там название эстонскоязычных районов, например: Мустамяэ (эст. Mustamäe), Ыйсмяэ (эст. Õismäe), Ласнамяэ (эст. Lasnamäe). Как показывают приведенные примеры, здесь акцент сделан на фонетическое воспроизведение эстонских имен и фамилий – используется другой алфавит и другие языковые средства.

Фот. 8: Имена и фамилии людей являются сигналами чуждости [фот. автор].

Фот. 9: Названия предприятий являются сигналами чуждости [фот. автор].

Фот. 10: Названия районов города являются сигналами чуждости [фот. автор].

без справок о доходах сроком до 15 лет

Ознакомьтесь с условиями кредитования и при необходимости проконсультируйтесь со специалистом!
Пример – 10 000 € 10 лет, затратность кредита 18 % в год.

Estonia pst. 7 Tel: 6690 530
Tallinn 10143 Faks: 6690 531

ЛАСНАМЯЭ

ПРОДАЮ

1 комн., (ОТ СОБСТВЕННИКА!)
Таллинн, Ласнамяэ, Sinimäe 7, 15,1
м2. Продается полностью
отремонтированная квартира
новой сантехниккой и большим окном
Подготовлено все для установ
кухонной мебели (выведена вода
канализация). Стены, пол и потолок
выровнены. Поменаны провод
водяные счетчики и труб
Установлена новая металличе
дверь. В доме действующее сильн
квартирное товарищество и низк
коммунальные платежи. Фасад до
утеплен. Очень хорошее и удобн
месторасположение дома - ряд
расположены торговый центр, шко
садики, речка Пирита. Разв
инфраструктура. Быстр
соединение с центром горо
Прекрасный вид из окна! Цена 21
€, тел. 58874999, ID: 1-70968

ЫЙСМЯЭ

ПРОДАЮ

1 комн., Ярвеотса 17а, 9/14, большая
1-комн. кв. в Ыйсмяэ, жилая
площадь 39.3м2, с большой лоджией
10м2. Лоджия во всю ширину
квартиры. Открытая кухня, комна
студия, возможно отделить комнату
от кухни шторкой. Современная
мебель и техника, окна
пластиковые, ванная новая. Есть
все необходимое, продается с
обстановкой. Дом кирпичный,
полностью реновирован. Рядом
магазины, школа, дет. сад,
остановка автобуса, стадион дома

МУСТАМЯЭ

ПРОДАЮ

1 комн., 15 лет работы в сфере
недвижимости, опытный и честный
маклер поможет сдать Вашу квартиру
в аренду надежным клиентам. Услуги
и консультации для хозяина квартиры
бесплатно. Любое состояние и этаж,
с мебелью или без. Гарантия
безопасности и корректное
юридическое оформление
документов. Тел. 653 6796, 52 16 016,
parvi@hotmail.ee, тел. 653 6796, 52 16
016, ID: 1-69786

1 комн., Возьму в аренду 1-2-комн.
квартиру от владельца. Для семьи
без детей и животных на длительный
рок. Все варианты будут
рассмотрены. ПЕРЕЗВОНОЮ., тел.
3407320, ID: 1-71057

1 комн., Возьму в аренду 1-2-комн.
квартиру для молодой семьи без
детей и животных, на лит. срок, от
владельца. Срочно. Рассмотрю все
предложения, тел. 6352939, ID: 1-
71050

1 комн., 33,6м2. Linnamae 9. .
середина дома. Очень теплая
уютная 1-комн. кв-ра. ЕВРОРЕМО
В цене новая мебель и качествен
техника. Цена 49600 евро. Помо
получением кредита, консульта
бесплатно. Наталия Мелещ
STAR KVB OU, тел. 6355

Ссылки (интернет-адреса) и электронная почта, номера телефонов

Характерный признак и сигналы чуждости содержат контактные данные, в том числе ссылки (интернет-адреса) и электронная почта, а также номера телефонов, особенно код страны и зоны. Самым ярким примером являются адреса самих газет („*Postimees*” – www.rus.postimees.ee, „*REFINFO*” - www.ref.ee, „*Деловые ведомости*” - www.dv.ee) и узнать, что они пользуются эстонскими доменами. Исключением является „*Спорт-Экспресс*”, сайт которого находится на российском сервере: www.sport-express.ru. Однако, не только сайты газет информируют об их эстонском происхождении. Много реклам и текстов в изданиях содержат ссылки на сайты компаний, магазинов (ajtooted.ee, sekretar.ee, forklift.ee, hansabuss.ee), а в объявлениях люди указывают адреса электронной почты. Номера телефонов, которые тоже можно найти почти на каждой странице, отличаются от российских кодом страны: для Эстонии это +372.

Культура и традиция (Рождество, не Новый год)

Даже если русский язык, которым пользуются журналисты и редакторы эстонских газет, не отличается от того, который существует на территории Российской

Федерации, есть элементы традиции, благодаря которым мы можем узнать, что данный текст создан жителем другой страны. Некоторые анализированные издания были изданы в конце года, в связи с чем печатались тексты, касающиеся праздничной традиции. И здесь разница – в каждой российской газете мы нашли бы информацию о подарках, кухне или концертах на Новый год. В анализированных газетах прежде всего пишут о Рождестве. Примером могут быть такие лозунги: "Поздравляем с Рождеством всех наших нынешних и будущих клиентов!" („Деловые ведомости”, реклама бильярдного зала и бара), "Рождество – это самое лучшее время удивить дорогих вам людей красивым и полезным подарком" („Постимеэс”, реклама интернет – портала с подарками), "Предрождественская пора – самое лучшее время для благотворительности и добрых дел" („Постимеэс”, фрагмент статьи).

Фот. 11: В эстонских газетах пишут о Рождестве [фот. автор].

Обзора эстонской русскоязычной прессы показывает, что наименьшее количество эстонских сигналов чуждости наблюдается в газете „Спорт-Экспресс”, которую издают за границей Эстонии. По нашему мнению, наибольшее количество разных сигналов содержит газета „Постимеэс”, которая выходит чаще остальных газет. Однако в *REFINFO*” и „Деловых ведомостях” также содержатся многие сигналы, благодаря которым можно узнать, что эти издания приготовлены для эстонцев, а не для жителей Российской Федерации.

Выводы

Языковая ситуация в Эстонии является очень сложной. Как показывают наблюдения, русский язык, используемый в Эстонии, практически не отличается от русского из Российской Федерации. Этим чистым русским как родным языком пользуется третья часть населения государства, и поэтому можно сказать, что в Эстонии существует этническое двуязычие. Но этнической ситуации не соответствует языковая политика, поскольку в сегодняшней Эстонии русский лишен официального статуса, которым обладал в пределах СССР. Актуальная политика эстонского правительства направлена только на эстонский язык.

Однако, даже если текущая языковая политика правительства оправдана исторически, то тридцать процентов населения не имеет возможности коммуникации с государством на своем родном языке. Это необычная ситуация, тем более, что Эстония является членом Европейского Союза, который обращает особое внимание на проблему национальных меньшинств и их языков. На этот факт обращали внимание представители ООН, но без конкретных результатов.

Сейчас русскоязычные жители Эстонии могут пользоваться языком в не связанных напрямую с государством сферах жизни, таких как культура, бизнес, торговля и СМИ. Анализ четырех газет, которые можно купить в Эстонии доказал, что пресса, выходящая в Эстонии, приготовлена специально для русскоязычных жителей страны: несмотря на то, что в изданиях много сигналов чуждости, отличающих их от экземпляров, которые издаются на территории Российской Федерации, в них используется чистый русский язык. Среди сигналов чуждости можно назвать форму представления цены газеты и валюту, разные виды реклам, знак "изготовлено в Эстонии", имена собственные, форму представления ссылок и электронной почты, номеров телефонов, а также традицию (в текстах упоминается Рождество, не Новый год).

В данный момент – оценивая рынок СМИ в Эстонии – следует отметить, что некоторые издания были даже закрыты в последние годы. Русскоговорящая молодежь ищет информацию в интернете, часто на российских сайтах, и у них нет необходимости покупать газеты. Есть также люди, которые по-русски говорят, но писать уже не в состоянии, а читают с проблемами, потому что система образования включает русский язык очень поздно. Однако они считают русский язык родным и общаются с русскоязычными друзьями. Если эстонское государство не решит изменить языковую политику и не будет открываться на русский язык и русскоговорящих жителей, из этого могут появляться и другие проблемы.

Используемая литература

- KAMIŃSKA-MOCZYŁO. System mediów Estonii. Kraków, 2014.
- Keeleseadus (Закон о языке): Vastu võetud 23.02.2011. В: *Riigi Teataja: The state gazette* [online]. Tallinn: Riigikantselei, 2010- [cit. 2015-02-28]. Доступ: www.riigiteataja.ee.
- VIHALEMM. Baltic media in transition. Tartu, 2002.
- Эстония в ракурсе. В: *Посольство Эстонии в Москве* [online]. МИД Эстонии, 2014- [cit. 2015-02-28]. Доступ: www.estemb.ru.
- МАЛОВЕРЬЯН. Русские в Эстонии: другой взгляд на мир. В: *BBC Russian: Русская служба Би-би-си* [online]. 2007- [cit. 2015-02-28]. Доступ: www.news.bbc.co.uk.
- МЕЛЛИК. Молодые эстонцы плохо владеют русским. В: *Postimees* [online]. Tallinn, 2010- [cit. 2015-02-28]. Доступ: www.rus.postimees.ee.
- МИХАЙЛОВ. В сентябре "МК-Эстония" и "„Деловые ведомости"" увеличили тиражи. В: [online]. 2013 [cit. 2014-03-20]. Доступ: www.rus.err.ee.
- Переломные годы. В: *Estonica: Encyclopedia about Estonia* [online]. Tallinn: Eesti Instituut, 2000- [cit. 2015-02-27]. Доступ: www.estonica.org.

- Спецдокладчик ООН призвал Эстонию сделать русский язык государственным. В: Delfi [online]. Tallinn: AS DELFI, 2007 [cit. 2015-02-28]. Доступ: www.rus.delfi.ee.
- „Спорт-Экспресс”. В: *Wikipedia: the free encyclopedia* [online]. San Francisco (CA): Wikimedia Foundation, 2001- [cit. 2015-02-28]. Доступ: www.ru.wikipedia.org/wiki/
- „Спорт-Экспресс”.

Источники

- „*Деловые ведомости*”, издания с декабря 2013 по 2014.
- „*Постимеэс*”, издания с декабря 2013 по 2014.
- „*REFINFO*”, издания с ноября 2013 по декабря 2014.
- „*Спорт-Экспресс*”, издания с декабря 2013.

mgr Magdalena Buchowska

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
 ul. Wita Stwosza 55
 80-952 Gdańsk
magda.buchowska@gmail.com

Выпускница Гданьского университета (политология и русская филология). Аспирантка первого курса обучения Филологического факультета ГУ. Область интересов: языковая политика, СМИ, в том числе русскоязычная пресса в странах Балтии.

К вопросу о политических клише в СМИ – «демократические принципы» воздействия

Кирилл Дермановски –

Abstract:

The aim of this article is a political communication and discourse. Main objective is to describe the level of the load of informations and chosen collocations.

Key words:

political linguistic, manipulation, theory of crisis communication, democracy, speech Text

*«Европейский Союз основан на принципах свободы, демократии, уважения прав и основных свобод человека, а также на принципах правового государства; эти принципы разделяют все государства-члены»
Статья 6 Договора о Европейском Союзе*

Для рассмотрения проблемы, связанной с исследованием политической коммуникации, необходимо понимание того, что главной функцией политического дискурса является борьба, агитация, захват и удержание власти, стремление к ее стабилизации (Манаенко 2013: 66).

Как отмечает А. Чудинов, «данные свойства политической коммуникации создают необходимые условия для успешного манипулирования сознанием и деятельностью адресата» (Чудинов 2012: 71). Стоит также учесть, что главной целью высказывания становится создание необходимой картины мира в кругу общественности, эмоциональный всплеск сограждан, а также активизация аудитории, разделяющей определенную политическую позицию.

По наблюдениям Е. Шейгал следует вывод, что большое влияние на построение политического дискурса оказывает способ общения политиков между собой и с журналистами, осознание присутствия зрительской аудитории, вынуждающие произвольно лицедействовать, работать на публику, стараться произвести впечатление (Шейгал 2004: 63). На театрализацию политических процессов обращает также внимание А. Зверев. В данном случае крайне важным становится выявление компонентов, применение которых не несет с собой никакой информативной нагрузки, исполняя роль отвлекающего элемента. Подобный маневр может использоваться в случае, когда само сообщение не является идеальным по своей информативности или же в нем присутствует скрытый смысл, который доступен только подготовленной аудитории, а для большей части предназначены выражения, заполняющие пустоты. Как отмечают в своей статье И. Серегина и А. Чудинов, «для каждой кризисной ситуации характерен особый, только ей присущий арсенал метафорического представления действительности» (Серегина 2014: 90).

Отправной точкой в начале работы над данной проблемой стало увеличение частотности употребления словосочетаний *принципы демократии* и *демократические принципы* в современном русскоязычном политическом дискурсе. В условиях сложившейся политической ситуации, в условиях информационного противостояния – выражение *информационная война* не используется во избежание дополнительной милитаризации – данные выражения являются одними из наиболее распространенных.

Их используют практически все противоборствующие стороны: чиновники, политики, журналисты, эксперты. Массовая коммуникация предоставила возможность свободного высказывания многим участникам.

Задачей данной работы является определение степени информационной загруженности выделенных словосочетаний, а также уместность или неуместность употребления их в конкретной ситуации.

Несомненно, большое влияние на построение политического текста каждого типа оказывает выбранная стратегия и тактика (Чудинов 2012: 76). Особенно важным правильный подбор языковых единиц становится в конфликтной ситуации, когда дипломатические приемы дают возможность не только смягчить напряженность вокруг спорной ситуации, но и дать соответствующий отпор оппоненту в рамках дозволенности.

Уместным будет выделение одного из таких приемов, а именно: умение перефразировать слова оппонента так, чтобы его же ценности выступили против него. Указывая тем самым несовершенство высказываемых им же тезисов. Однако необходимо помнить о том, что дипломаты, политики постоянно контактируют друг с другом и большинство бесед не разглашается. Следовательно, официальные заявления высокопоставленных лиц или же целого ведомства, в первую очередь должны воздействовать на сограждан. Именно в их понимании должна созреть идея неправильного употребления понятий, на что также обращает внимание А. Зверев «ирония и высмеивание политических противников или событий являются популярной областью» воздействия на аудиторию (Зверев 2014: 150):

«Считаем действия Варшавы, в результате которых был лишен аккредитации внештатный корреспондент МИА «Россия сегодня» вызывающими. Такой ничем не мотивированный шаг польских властей нарушает один из базовых *принципов демократического общества*, поборником которого позиционирует себя Варшава, а именно - свободу слова» [МИД РФ].

Схожая ситуация проявляется в следующем примере, который также представляет позицию Министерства иностранных дел РФ:

«О какой приверженности *демократическим стандартам* и ценностям может идти речь, если прошедшие в Верховную Раду полевые командиры карательных батальонов готовы привнести в ее стены свои методы борьбы с теми, кто не согласен с ними и открыто заявляет об этом» [МИД РФ].

Как уже было сказано, данная ситуация характерна прежде всего во времена информационного противостояния. Однако, даже в период политического затишья внешнеполитические задачи остаются прежними, поэтому постоянное соперничество вынуждает сотрудников министерств иностранных дел искать все новые возможности для достижения превосходства над конкурентами.

Как отмечает А. Казаков «комплексный подход к анализу распространенных сегодня способов воздействия на аудиторию массмедиа важен не только в теоретическом плане, но и в сугубо практическом смысле» (Казаков 2013 :87). Одним из способов влияния на общество является официальное заявление высокопоставленных лиц данного государства.

Также необходимо помнить о том, что только полное осмысление происходящего в целом и на политической арене в частности, позволит простым согражданам быть более подготовленными и более защищенными в плане языковой манипуляции в ее политизированном виде – развитие «контрманипулятивных компетенций, базирующихся на знании основных технологий информационного воздействия, умение их распознавать, анализировать и интерпретировать» (Казаков 2013: 87). Для решения коммуникативной тактики, которую А. Казаков определяет как «решающий частную

задачу комплекс речевых актов, объединенный набором специфических характеристик» (Казаков 2013: 88), необходимы эффективные коммуникативные приемы.

Языковая манипуляция в политическом дискурсе может быть трудноразличима вследствие высокого уровня профессиональной подготовки составителей текстов политического типа. Особой оценки заслуживает тот факт, что «технологии объединяет то, что все они, за редким исключением, так или иначе реализуются в рамках одного или нескольких слов» (Казаков 2013: 89). По мнению автора, именно данная «точечность» механизмов микроуровня позволяет в необходимый способ скрыть элементы воздействия на потребителей информации. Анализируя данные примеры с учетом дискурсивных практик, необходимо прежде всего обратить внимание на контекстуальный подход «рассматривающий любое высказывание (текст) как продукт деятельности социальных агентов, всегда включенных в социальные взаимодействия и структуры, конкретную политическую и культурно-историческую ситуацию» (Чернышова 2014: 83). Так как каждый текст, в том числе политический, погружен в реальность и создается с учетом конкретных событий. Прежде всего это касается одного из типов рассматриваемых текстов, т.е. официальных заявлений министерств иностранных дел. Как правило, данные сообщения являются ответной реакцией на происходящие события или же на заявление другой стороны. Потому для тщательного изучения материала необходимо учитывать событийность происходящего.

В данном случае политические волнения вокруг смены власти в Украине, а также процесс подписания ассоциации с ЕС вынудили власти принимающей стороны указать на недочеты своему будущему партнеру:

«Мы обеспокоены постоянными и многочисленными сообщениями об ухудшении основополагающих свобод и демократических принципов в Украине. Особенно тревожат жалобы, связанные со свободой прессы, собраний и объединений, – заявил комиссар Евросоюза Ш.Фюле (...) По словам еврокомиссара, ЕС ожидает от Украины подтверждения ее преданности демократическим принципам и ее статусу как демократического государства на местных выборах 31 октября» [РБК Украина].

Неоднократное использование стандартизированных выражений, в том числе указывание на необходимость соответствия *демократическим принципам* дает возможность предположить, что все это является именно манипуляцией новой властью и, прежде всего, сознанием общественности, которая находилась в ожидании демократических перемен.

«Евросоюз готов оказать «значительную финансовую помощь» Украине после восстановления демократических процедур и формирования нового правительства. С таким заявлением выступил еврокомиссар по экономике Олли Рен (...) мы готовы оказать значительную финансовую помощь Украине после того, как будет найдено политическое решение, основанное на принципах демократии, и после того, как появится новое правительство, по-настоящему и всерьез проводящее институциональные и экономические реформы» [Радио РФИ].

В данном случае *принципы демократии* выступают именно в форме абстрактного, неразъясненного выражения, исполнение которого является одним из главных условий для дальнейшего сотрудничества.

«В соответствии со ст. 49 Договора о ЕС, Грузия, Молдова и Украина имеют европейскую перспективу и могут подавать заявки о приеме в ЕС при соблюдении принципов демократии, уважения основных свобод, прав человека и нацменьшинств и гарантирования верховенства права» [Сегодня Украина].

Очередным критерием, заслуживающим отдельного описания является индивидуальная характеристика автора текста или оратора, что в политической коммуникации часто не является тождественным. Специфика построения речи,

эрудированность, а также тематическое предпочтение, все это позволяет составить речевой портрет политика, на основе которого возможно выявление идиостиля, который в дальнейшем заметно облегчает работу с исследуемым материалом. Одним из примеров проявления инициативы высокопоставленным чиновником являются такие заявления министра иностранных дел Латвии Э. Ринкевичса, как:

«Очевидно, что Россия все больше удаляется от *демократических европейских ценностей и общепринятых международных правовых принципов*. Остаётся открытым лишь вопрос о том, какие именно ценности станут лейтмотивом внешней политики России в будущем» [МИД Латвийской Республики].

Особенно обращает на себя внимание абстрактность фразеологизма, поскольку *принципы демократии* в демократическом обществе являются чем-то настолько очевидным и не нуждающимся в объяснении, что у большинства аудитории не возникает необходимости дополнительной рефлексии на тему соответствия сказанного действительности. Для этого обязательно наличие полного списка основ демократии и ее принципов, соблюдение которых должно осуществляться беспрекословно, что-то вроде заповедей демократического обывателя. Политики, употребляющие такого рода словосочетания, как: *демократические принципы, принципы демократии, мировой опыт* и др., не всегда имеют ввиду соблюдение конкретного правила, а скорее соответствие определенным нормам поведения. Необходимо также понять, какие *принципы демократии* закреплены официальными документами. Существует большое количество вариантов, но чаще всего трактуется о восьми основных принципах, к примеру: признание источником власти народа или его определенной части; выборность представительных органов власти; постоянное воздействие общества на государственную власть, то есть народ постоянно воздействующий на власть путем инициативы; равноправие граждан с относительного участия в политической жизни; верховенство закона и равенство всех перед законом; покорение меньшинства большинству при принятии решений и признании интересов и защита прав меньшинства; политический плюрализм, т.е. наличие многопартийности, идей в политике, кандидатов; право граждан на независимую информацию.

В свою очередь Представительство ЕС следующим образом трактует данный вопрос:

«В Лиссабонском договоре, в котором определены правовая и организационная основы ЕС, чётко указывается, что Союз должен руководствоваться следующими *принципами*: демократия, правопорядок, всеобщность и нераздельность прав человека и основных свобод, уважение человеческого достоинства, принципов равенства и солидарности, а также соблюдение принципов Устава ООН и международного права. Эти принципы подкреплены Хартией ЕС по правам человека, объединяющей все эти положения в одном документе» [Дипломатическая служба ЕС].

Приведенные в данной статье примеры указывают на то, что использование таких выражений, как *принципы демократии, демократические принципы* возможно в разных ситуациях. Часто подобное словосочетание употребляется в качестве «наполнителя» пустого пространства в высказывании. Учитывая специфику политической коммуникации, ее стандартизованность и эзотеричность, возможно наличие в речи политика пустой фразы, которая, однако, добавляет его высказыванию солидности.

Также возможен обратный процесс, который был показан на примерах заявлений МИД РФ, когда в укор другой стране ставились провозглашаемые ценности. Данный прием особенно эффективен благодаря быстрому распространению информации в массмедиа. Дополнительно, во многих рассматриваемых вариантах преобладает ироничный тон высказывания при соучастии формулы «свой-чужой», поскольку

представленные ценности являются для русского общества заимствованными. По крайней мере, именно такой стереотип сложился в мировой политике.

Однако, не стоит минимизировать ценность такого типа фраз, поскольку, при использовании их в определенном контексте некая абстрактность способствует манипуляции аудиторией. Недосказанность позволяет, в зависимости от поставленных задач, применять двойные стандарты при интерпретации развивающихся политических событий.

Подобные словосочетания не являются единственными в политическом дискурсе. Количество такого рода фраз указывает именно на абстрактность и склонность к манипулированию обществом среди политиков. Исследование каждого примера неучтивости в высказываниях важно с точки зрения общественного сознания.

Используемая литература

- ЗВЕРЕВ, А. И., Сопоставительное исследование метафорического употребления лексем «скоморох» и «шут» в современном российском политическом дискурсе, *Политическая лингвистика*, 2014, н. 1(47), с. 149-156, ISSN 1999-2629, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=267&Itemid=239
- КАЗАКОВ, А. А., Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации, *Политическая лингвистика*, 2013, н. 3(45), с. 87-90, ISSN 1999-2629, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=178&Itemid=177
- МАНАЕНКО, Г. Н., МАНАЕНКО, С. А., Дискурсивные слова и интенциональность аналитического текста политического дискурса, *Политическая лингвистика*, 2013, н. 2(44), с. 65-71, 2013, ISSN 1999-2629, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=169&Itemid=177
- СЕРЕГИНА, И. А., ЧУДИНОВ, А. П., Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма, *Политическая лингвистика*, н. 2(48), с. 89-94, 2014, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=313&Itemid=239
- ЧЕРНЫШОВА, Т. В., Филологическое исследование медиакommunikации: теоретико-методологические предпосылки и методы анализа текста и дискурса (ретроспектива), *Медиалингвистика*, н. 1(4), с. 77-88, 2014, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1417035558_706.pdf
- ЧУДИНОВ, А. П. *Политическая лингвистика: учебное пособие*. Moskva: Izdat. Nauka [u.a.], 2012. ISBN 5893498976.
- ШЕЙГАЛ, Е. И. *Семиотика политического дискурса*. Moskva: Gnozis, 2004. ISBN 5733301449.

- KONRAD ADENAUER STIFTUNG [online], ШТРАТЕНШУЛЬТЕ, Е., *Европейский Союз – просто и понятно. Факты и связи*, Берлин, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: http://www.kas.de/wf/doc/kas_17802-1522-13-30.pdf?091012121025.

Цитируемые примеры (в соответствии с очередностью в тексте):

- Министерство иностранных дел РФ, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/742465/pop_up?_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_viewMode=tv&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_qrIndex=0
- Министерство иностранных дел РФ, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/742225/pop_up?_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_viewMode=tv&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_qrIndex=0
- РБК Україна, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: <http://www.rbc.ua/rus/analytics/sh-fyule-v-es-obespokoeny-sostoyaniem-demokratii-i-svobod-20102010213400>
- Радио RFI, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: <http://ru.rfi.fr/ukraina/20140223-es-gotov-na-znachitelnuyu-pomoshch-ukraine-rossiya-poka-podozhdet-s-vyplatoj-kredit>
- Сегодня Україна, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/vstuplenie-ukrainy-v-es-sroki-i-usloviya-514191.html>
- Министерство иностранных дел Латвийской Республики, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: <http://www.mfa.gov.lv/ru/novosti/novosti-ministerstva/43005-e-rinkevichs-diplomaticeskim-sluzhbam-es-sleduet-prinimat-bolee-aktivnoe-uchastie-v-razreshenii-situacii-v-ukraine>
- Делегация Европейского Союза в Республике Узбекистан, Дата обновления [cit. 2014.12.04], Dostupné z: http://eeas.europa.eu/delegations/uzbekistan/key_eu_policies/human_rights/index_ru.htm

Кирилл Дермановски, магистр (mgr Kirill Dermanowski)

Филологический факультет Гданьского университета

Институт восточнославянской филологии

Wita Stwosza 55

80-952 Gdańsk, Polska

cruesaux@gmail.com

Аспирант второго курса Филологического факультета Гданьского университета. В 2012 году окончил магистратуру в Институте восточнославянской филологии Гданьского университета. Тема магистерской работы: Роль социальных сетей в политической коммуникации – анализ официальных профилей Д. Медведева, М. Прохорова, а также А. Навального.

В 2013 году поступил в аспирантуру Филологического факультета Гданьского университета. Под руководством профессора Алиции Пстыги продолжил исследования электронной политической

коммуникации. С 2014 года член Кафедры исследований медиа-коммуникации при Институте восточнославянской филологии Гданьского университета.

Отношение российской власти к иконам на протяжении веков

Joanna Koziel

Abstract:

The aim of the present study is an analysis of the policy of Russian authorities towards the cult of the icon. For a very long time the orthodox tradition was a key element of East Slavic's social life; for that reason authorities tried to use it for their own purposes. The relationships between the Orthodox Church and the authorities are reflected in the approach of the latter to the cult of the icon

Key words:

East Slavic's culture, Tradition in the Orthodox Church, Icons,

Исследуя историю мира, можно сказать, что религия является ключевым вопросом в жизни всех народов. Каждый человек обязан определить свое вероисповедание. Кроме того, в большинстве государств устанавливаются национальные религии - параллельно образованию социальной системы правители выбирали конфессию, которая становилась ведущей в их стране. В Европе такой процесс происходил во время средневековья, например, Русь приняла христианство от Церкви в Константинополе в 988 г. во время правления князя Владимира Святославовича. С того времени очередные правители всегда определяли свое отношение к вере. На протяжении веков оно приобретало всевозможные формы: начиная с глубокой религиозности, напоминающей иногда фанатизм, потом равнодушие и заканчивая ненавистью ко всему, что связано с религией. Их отношение к вере отражалось, между прочим, в обращении к иконам, так как они считаются неотъемлемым элементом православия. Именно этот вопрос является темой настоящей работы, и он будет рассматриваться на основе избранных примеров.

В начале исследований необходимо обратить внимание на значение икон в православной культуре, потому что человек, воспитанный вне этой веры, часто не понимает их значения. Как пишет богослов и иконописец Леонид Успенский:

Значение иконы для православного благочестия и богословское ее обоснование открывает путь к самым важным пунктам православной догматики (Успенский, 1997, интернет ресурсы).

Иконы играют намного более важную роль, чем религиозные картины в католичестве. Их рассматривают не только в эстетическом смысле, как живописное произведение, но прежде всего обращается внимание на их литургический аспект (Яковлева, 2010, с.12). Надо подчеркнуть, что в Церкви они исполняют такую же функцию как Священное Писание и Крест - являются средством познания Бога, Его учения и без них невозможно представить себе жизнь православного человека (Лосский, Успенский, 2012, с.43). Поэтому они находятся в каждой церкви, часовне, а также сопровождают людей в их частной молитве. Благодаря священным картинам, человек может соединиться с Господом и прямо обратиться к святым. Согласно догматам Церкви, сравнение почитания икон с идолопоклонством становится необоснованным,

потому что иконы выражают тайну теофании. Воплощаясь в человека, Христос соединяет в себе две природы - божественную и человеческую, поэтому можно его изображать с помощью краски и кисти. Кроме того, молящийся поклоняется не картине, предмету, а изображаемому первообразу, так как с момента освящения они являются местом присутствия первообраза (Bulgakov, 2002, с.23). Это подтверждают все чудотворения, происходящие от священных изображений.

Благодаря исполняемой функции, иконы присутствовали на территории Руси уже с первых лет после крещения, а главным фактором, влияющим на отношение правителей к образам была их религиозность. По мнению Гражины Кобженецкой-Сикорской, русское искусство, в том числе иконы, всегда были подчинены власти (Kobzieniecka-Sikorska, 2000, с.12). Правители очень часто окружали изображения почтением, так как верили в их покровительство. Подтверждает это поведение Дмитрия Донского или Андрея Боголюбского. Другие правители считали священные изображения лишь художественной ценностью. Это касается прежде всего царей эпохи просвещения - Петра I или Екатерины II. В настоящей работе исследуется период XX века, который совершенно отличается от предыдущей эпохи.

Вместе с началом XX века и захватом власти большевиками наступил решительный переворот во взаимоотношениях власти и Церкви. Большевики олицетворяли ее с концепцией старой николаевской России, а любые элементы, связанные с царской эпохой, разрушали их «новую религию» - «религию» коммунизма, поэтому большевики хотели уничтожить все признаки старого времени, в том числе православную веру. Последней акцией связанной со старым миром, были похороны патриарха Тихона в 1925 году. Потом коммунистические власти приступили к жестоким преследованиям православных, пытаясь совсем искоренить «опиум для народа» (Duda, 2004, с.204). Начались антирелигиозные действия, например, закрывали монастыри, разрушали храмы, а тысячи верующих погибли за веру. Стремилась к уничтожению всех признаков религии, коммунисты также отрицательно относились к иконам.

Чтобы прекратить культ священных изображений, сжигали их и выбрасывали в мусор. Самые ценные сокровища иконописи нередко переносили в музеи, что подтверждает пример иконы Владимирской Божьей Матери, которая с тех пор помещается в Третьяковской галерее (Лосский, Успенский, 2012, с.151). Перечисленные действия были обусловлены коммунистической политикой, согласно которой священные образы могли существовать лишь как живописное произведение. Было запрещено их почитать и обращать внимание на их сущность, значит - духовный смысл. Лишь в течение войны Сталин, считая, что вера поддерживает дух людей и побуждает к борьбе за Родину, допустил почитание икон. Однако сразу после Победы правители вернулись к прежней практике, и коммунисты поддерживали новую веру - культ личности, который помогал укреплять авторитет руководства. Он начался уже в 30-ых годах, а после Победы набрал еще большую силу. Потом, негативное отношение к вере было усилено в связи с развитием науки и покорением космоса, так как верующие люди воспринимались как отсталые.

Вместе с ослаблением позиции властей, менялось их отношение к вере. Это было обусловлено не угрызениями совести политиков, а стремлением усилить свое влияние. Кроме того, после долгих лет преследований внутренняя структура Церкви была так

разрушена, что она больше не угрожала правителям - новый коммунистический мир был укреплен. Процесс улучшения позиции православия в России начинается с 1965 г., а переломным оказалась политика гласности и перестройки. Вновь начали строить храмы, открывали монастыри, больше не преследовали священников. В церкви возвращали чудотворные иконы, которые долгие годы прятались.

Вместе с распадом СССР Церковь получила полную независимость. Современные власти вновь стремятся к хорошим отношениям с духовенством. Правители любят демонстрировать свою религиозность, например, участвуют в богослужениях во время важнейших православных праздников. Их вера относится также к почитанию икон, что подтверждает паломничество политиков в места культа чудотворных изображений. Доказательством может послужить событие 2012 г, когда тогдашний премьер-министр Российской Федерации Владимир Путин поклонился Тихвинской Богородице (<http://www.newsru.com/religy/31jan2012/tikhvinskaya.html>).

Для иллюстрации вышесказанного необходимо привести несколько примеров из истории чудотворных икон на территории России. Особенным почетом среди православных в России пользуются богородичные иконы. Это обусловлено тем, что с самого начала христианства на Руси чрезвычайно важное место занимает культ Богородицы (Kobrzyniecka-Sikorska, 2000, с.7). Об этом свидетельствует факт, что именно иконы Божией Матери были одними из первых, какие привезли на Русь (Chomik, 2003, с.42) Верующие подчеркивали покровительство Богородицы над их страной, называли их святынями и окружали величайшим почетом. Такое отношение характерно также для правителей.

Среди чудотворных изображений Марии ключевую роль играет «сердце России» – Владимирская икона (Яковлева, 2010, с.1). Она присутствовала в общественно-политической и личной жизни русского народа: помогала в войнах, избавляла от стихийных бедствий или исцеляла от болезней. Уже с момента ее появления на русской территории в XII в. люди оказывали ей глубокое уважение и почитали как народную святыню, а *летописи (...) каждое крупное событие в истории государства объясняют ее влиянием* (Лосский, Успенский, 2012, с.151).

Икону привезли при Андрее Боголюбском, а князь с самого начала искренне почитал ее. Согласно преданиям, правитель лично увидел ее чудотворную силу. В течение переезда в Москву один из княжеских всадников начал тонуть. Тогда князь решил молиться перед Владимирской иконой, и неожиданно его спутник оказался цел и здоров на другом берегу (Орехов, 2006, с.14).

Особое почтение изображения началось со времени монгольского нашествия. Тогда икона прославилась своей чудотворностью. В конце XIV в. азиатские войска под руководством великого эмира Тамерлана напали на Русь. Увидев свое сложное положение, князь попросил перенести Владимирскую Богородицу из Владимира в Москву. Русские воссылали молитвы перед иконой, умоляя о спасении. Согласно преданию, Богородица заступилась за них и помогла выиграть войну. Самым важным событием считается спасение в XV в. от войск Большой Орды Ахмата (Тарасов, 1995, с.60). Как рассказывают летописи, Мария явилась хану, когда он пребывал у реки Угра, и велела ему покинуть Россию. По невыясненным до сих пор причинам завоеватель

повернул свои войска обратно. Москва была спасена, а в память происшествия место чудесного явления на Угре люди назвали «Поясом Богородицы» (Jazykova, 2006, с.106). Владимирская Богородица оказала свое покровительство России также в следующие века, а затем XVI в. спасла от нашествия войск Крымского хана Мухаммед- Гирея. Потом прославилась также во время великой смуты (Лосский, Успенский, 2012, с.151). Поэтому не удивляет факт, что также и правители окружают ее глубоким почтением.

С уважением правители относились также к иконе Донской Божией Матери. История ее культа связана с князем Дмитрием Донским, во время правления которого икона впервые проявила свою чудотворную силу. Во время войны с татарами хана Мамай в 1380 г. донские казаки подарили священное изображение своему правителю. Князь верил, что только Божия Мать способна ему помочь выйти из сложного положения. Он усердно молился перед ее изображением, а затем решил взять его с собой на Куликово поле. Там использовали икону в качестве хоругви. Хотя русские войска были намного слабее, Богоматерь оказала свое покровительство и армия Дмитрия Донского одержала великую победу над татарскими врагами. В честь чудотворного покровительства, по указу князя, построили монастырь, в котором до XX в. помещался образ. Кроме того, в ее честь установлен даже праздник, а глубокое почтение окружает икону по сей день.

Очередная очень важная в русской культуре икона - это Казанская Богоматерь. Правители оказывали ей почитание сразу после ее обретения. Уже Иван Грозный поручил создать ее список и поместить его в своем дворце. Особой культ начинается с XVII в., когда в Смутное время она помогла освободить Москву от польских войска (Лосский, Успенский, 2012, с.141). После этих событий по указу царя Михаила Романова совершается крестный ход в день празднования образа, а икона становится народной святыней. Перед чудотворным ликом Казанской Богородицы неоднократно молились правители накануне важных сражений, например, Петр I перед Полтавской битвой или Александр I в течение войны с Наполеоном. Надо обратить внимание также на факт, что икону почитала императрица Екатерина II. Хотя она не была глубоко религиозным человеком, но в знак уважения царица подарила Казанской Богоматери свою бриллиантовую корону. Свое покровительство икона оказала и во время Великой Отечественной войны (Орехов, 2006, с.24). Перед Сталинградским сражением перед иконой молились тысячи людей. Это совершалось по разрешению Сталина - после одержания победы он даже вознаграждал митрополита смоленского, который совершал крестный ход с иконой (Орехов, 2006, с.24).

Следующий пример взаимоотношений власти и иконы - это Смоленская Божья Матерь. Начало ее культа связано с XIII в., когда она спасла Смоленск от нашествия монгольского хана. Однако она прославилась в XIX в.(Орехов, 2006, с.16). Во время Отечественной войны в 1812 г. по повелению царя изображение перевезли в Москву и вместе с богородичными иконами Иверской¹ и Владимирской носили в молитвенном

---

¹ Иверская икона Пресвятой Богородицы- это один из чудотворных образов Божией матери, особо почитаемый в Церкви- она прославились мироточением (Орехов, 2006, с.6). Ее списки находятся в России и они тоже окружены уважением верующих. Подтверждает это копия Иверской одигитрии, которая была помещена на воротах главной улицы Москвы-Тверской (Ярославцева, 2007, интернет ресурсы).

походе. Затем Смоленскую святыню взяли с собой на войну, и она постоянно находилась при армии Кутузова. Накануне Бородинской битвы фельдмаршал усердно молился перед изображением и считается, что Богородица оказала русскому народу свое покровительство, помогла одержать победу.

Рассматривая вопрос отношения власти к иконам, стоит также вспомнить о Тихвинской Божией Матери. Тихвинская Мария долгое время находилась в Константинополе в церкви Влахернской. Затем, в 1383 г., чудесным образом она переместилась на русскую землю: согласно легенде, в окружении ангелов она прилетела по воздуху на берег озера Ладога. Это считалось символическим знаком перехода благословения из Константинополя на Русь, избрания ее Богом. Потом тот факт русские использовали в обоснование теории Москвы Третьего Рима.

Тихвинская икона прославилась также самозащитной силой. Кроме того, во время шведского нашествия она проявила свои чудесные способности трижды сохраняя жителей Тихвина от врагов. Потом она помогла завершить эту войну – шведский король согласился заключить мир. Впоследствии икону перенесли в Москву, в Успенский собор, а спустя несколько времени ее перенесли в Новгород. С этого периода начинается общенациональная культ.

Однако почитением русские правители окружали также другие иконы, например, лики святых. Среди них наиболее популярным является культ Николая Чудотворца, так как *в его лице Церковь видит как бы идеальный образ пастыря, своего поборника и представителя* (Лосский, Успенский, 2012, с.181).

Этот святой считается покровителем России, создано много его изображений. К ним обращаются не только простые люди, но также правители. Примером может послужить один из списков - Великорецкий образ. Икона прославилась уже в момент своего чудотворного явления, и с самого начала люди были свидетелями многочисленных исцелений, совершаемых ею. Сведения о силе священного образа становились известными во всей стране, поэтому также правители обращались к иконе с мольбами. Первый случай зафиксирован при царе Иване Грозном, который велел перенести крестным ходом икону в Москву (Кондратьева, интернет ресурсы). Царь молились перед изображением, а затем патриарх освятил иконой начало строительства Храма Василия Блаженного. В знак благодарности за все чудотворения Иван IV поручил построить для иконы церковь в Вологде. Потом в XVII в. Великорецкую икону вновь перевезли в столицу. Царь Михаил Романов верил, что она даст утешение и поддержит жителей столицы после сложного периода Смутного времени. С веками не менялось почитание изображения Николая Чудотворца, а люди совершали паломничества в место нахождения образа - в город Вятку, куда была возвращена икона. В советский период коммунистам не нравилось почитание иконы. Они считали, что это угрожает их идеологии и начали преследовать паломников. Официально запретили паломничества к святителю Николаю. Однако ни репрессии, ни милиционеры, контролирующие город, не прекратили культа - паломники пробирались сквозь леса (Дудин, интернет ресурсы).

Результаты вышеуказанных исследований показывают, что между властью и иконами существовала непосредственная связь. С одной стороны, правители поклонялись иконам, украшали ими свои дворцы- такое поведение типично прежде всего для эпохи средневековья. Одновременно, они использовали веру для достижения

политических целей- укрепления своей власти, обоснования своей политики. С другой стороны, в истории русской Церкви встречается также отрицательное отношение к иконам. Это характерно прежде всего для правителей XX в. и периода коммунизма, во время которого отвергали любые проявления веры. Однако, даже тогда власти понимали влияние веры на дух народа. Поэтому в трудные моменты они обращались к иконам, например, в Сталинградской битве. В XXI в. проблема отношения политиков к иконам постоянно существует, так как публичный культ святых изображений является демонстрацией сближения с народом, поможет привлечь электорат. Этот факт указывает, что не только в прошлом, но и сегодня иконы постоянно считаются одним из ключевых элементов жизни русского народа не только в культурном, духовном, но и политическом планах.

Используемая литература

- BULGAKOV, Sergei, *Ikona i kult ikon*, Bydgoszcz: Nomini, 2002. ISBN 838793366
- СНОМИК, Piotr, *Kult Ikon Matki Bożej w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI-XVIII wieku*, Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, 2003. ISBN 978-83-902928-4-7.
- DUDA, Katarzyna. *Kultura radziecka i postradziecka*, [в:] SUCHANEK, Lucjan. *Rosjoznawstwo: wprowadzenie do studiów nad Rosją : podręcznik akademicki*. Kraków: Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004. ISBN 8323318352.
- КОБРЗЕНIECKA- SIKORSKA, Grażyna. *Ikona, kult, polityka. Rosyjskie ikony maryjne od drugiej połowy XVII w.* Olsztyn: Ośrodek Badań Nauk. im W. Kętrzyńskiego, 2000. ISBN: 83-87643-96-3
- ДУДИН, Андрей. *История обретения Великоорецкого образа святителя Николая Чудотворца*. [cit. 2015-04-02] Dostępne z: <http://velikoretsky-hod.ru/istoriya-krestnogo-hoda.html>
- КОНДРАТЬЕВА, К. *Святой Николай Чудотворец*, [cit. 2015-03-30] Dostępne z: <http://iconkuznetsov.ru/index.php?sid=358&did=11>
- ЛОССКИЙ, Владимир Николаевич, УСПЕНСКИЙ, Леонид Александрович. *Смысл иконы*. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. ISBN 978-5-699-61939-9.
- ОРЕХОВ, Дмитрий. *Святые иконы России*. Санкт- Петербург: Амфора, 2006. ISBN: 978-5-367-00952-1
- УСПЕНСКИЙ, Л.А. *Богословие иконы православной церкви*, Нижний Новгород: Изд. братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. [cit. 2015-04-12] Dostępne z: http://lib100.com/book/christianity/bogoslovie_ikoni/bogoslovie_ikony.htm
- ТАРАСОВ, Олег Юрьевич. *Икона и благочестие. Очерки иконного дела в Императорской России*. Москва: Прогресс, Традиция, 1995. ISBN 5-01-004459-5.
- ЯКОВЛЕВА, Нонна Александровна. *Русское иконописание. Благодатный образ на Руси и в России*. Москва: Белый Город, 2010. ISBN 978-5-7793-1914-0.
- ЯРОСЛАВЦЕВА, Марина Ярославцева. *Иверская*. [cit. 2015-04-06] Dostępne z: <http://www.pravmir.ru/iverskaya/>

MA Joanna Koziel

John Paul II Catholic University of Lublin

ul. Wokulskiego 3, 20-716 Lublin, Poland

j.koziel@o2.pl

Я родилась 1 марта 1989 года в Люблине. В 2013 году я получила звание магистра и с октября 2013 года я продолжаю учёбу в аспирантуре в кафедре славянской филологии Люблинского католического университета Иоанна Павла II. Мои научные интересы в основном связаны с русской духовной культурой. С 2013 года работаю преподавателем и провожу занятия по страноведению России и Украины, а также Географию туризма России и Украины.

«Приют спокойствия, трудов и вдохновения» (формирование образа дачи в русской литературе)

Ирина Грибло

Abstract:

It is necessary to follow up an evolution of dachnyi locus in russian literature, a history of dacha origin as a cultural and everyday reality, a reflection of this phenomena in russian literature in different eras, a geographical influence and a cultural factors on the formation of a text corpus about dacha in order to form an image of dacha as well as formation of a specific dacha space and consideration of so-called phenomena as dachnichestvo.

Key words:

dacha. dachniki, dachnoe space, russian literature.

Появления первых дач в России можно связать с реформами, происходящими в эпоху Петра I и основанием «северной столицы» России. Появление дворцово-парковых комплексов европейского типа было частью общей реформы петровской эпохи. Это был период освоения и приспособления к российским условиям универсальной программы дворцового комплекса европейского типа. Соединение публичного и частного, прагматичного и эстетического отличало подход к тем городским сооружениям, которые появляются в строящемся городе в 10-20-е годы XVIII века. К числу их относится и Летний двор или Летний дом, как первоначально называлось место отдыха на левом берегу Невы.

То, что Петр I сам раздумывал об обустройстве места для летнего проживания его самого и его семьи, подтверждает его личная заинтересованность в создании комплекса на Адмиралтейском острове. Вдохновением для государя послужили царские родовые гнезда – усадьбы Преображенское, Измайлово, Коломенское, воспринимавшиеся как некий «идеальный мир»¹. К русским традициям Петр I добавляет то, что оказалось ему близким в Голландии.

Проект, созданный архитектором Д. Трезини, представлял собой не очень большой двухэтажный дом, находящийся в глубине сада². Образ дворца в художественной культуре барокко был связан с ореолом исключительности, его возведение было значимо. Дворец был местом персонифицированной власти, связан со сферой сакрального или политического. Пространство, на котором возводился дворец, мыслилось как пустое, неосвоенное и внезапно преображенное. Однако эти признаки

---

¹ Вокруг царских палат, завершая визуальный образ райского места, устраивались «красные» или «потешные» сады с прудами и фонтанами, лабиринтами, тронами-скамьями, клетками с диковинными птицами.

² Вопрос и об авторе проекта остается спорным: одни исследователи считают автором дворца Трезини, другие убеждены, что Трезини «исправлял» А. Шлютер.

трудно применить к Летнему дворцу Петра I³. Принято объяснять возведения малых, скромных, «простых» дворцов функциональными причинами или личными пристрастиями правителя. Безусловно, известна нелюбовь русского царя к большим и пышным дворцам, огромным залам, однако возведение Большого дворца в Петергофе подтверждает и общую пространственную схему строительства, которая не зависела от личных вкусов правителя.

Дворец предназначался только для летнего жительства, в нем тонкие стены, одинарные рамы и двери. Если сам строящийся город царь в письмах называет «парадизом», то Летний сад мыслится подобием Эдема. Важнейшим отличием дворца от Зимнего было именно наличие сада, разбивавшегося одновременно с возведением дворца. В отличие от европейских дворцов знати здесь не были упразднены хозяйственные функции в пользу репрезентативных. По-видимому, государь уже тогда мыслил о предоставлении приближенным участков в окрестностях Петербурга и возведении домов, окруженных садом и хозяйственными постройками, для летнего пребывания. Дачами эти усадебные дома не именовались но, по сути, стали ими.

Исторические источники - *Походные журналы*, принадлежащие императору, свидетельствуют о том, что монаршее семейство перебиралось из Зимнего дворца в Летний в апреле или мае и возвращались на «зимние квартиры» с наступлением холодов. Благодаря этим свидетельствам, можно выделить одну из основных функциональных ролей загородного дома: перемена места обитания жителей городов была неразрывно связана с сезонными изменениями.

В эпоху Петра I разбивка садов и парков в Петербурге началась практически одновременно с началом возведения самого города. Скульптурное убранство Летнего сада решало не только вопросы эстетического характера, но выполняло и определенный идеологический замысел. Свидетельство этому можно найти в романе *Евгений Онегин*, когда Monsieur l'Abbé, с целью внести в мировоззрение своего воспитанника элементы европейского, светского отношения к миру и природе «в Летний сад гулять водил». (Пушкин 2003: 15).

Русская литература конца XVIII - начала XIX столетия, может предоставить, нам только косвенное свидетельство о внешнем облике загородных домов и возникающую вместе с этим национальную традицию. Недостающую информацию мы можем почерпнуть из исторических документов, которые в данный литературный период несли основную образовательную, эстетическую нагрузку и служили просветительским целям.

Особая дачная культура неразрывно связана с сельской дворянской усадьбой, преобразенной в эпоху сентиментализма в скромный «сельский дом», где можно было размышлять о прелестях деревенской жизни. Одному из самых известных загородных домов того времени «Красная мыза», который современниками считался еще и одним из самых привлекательных, И. Богданович посвятил *Стихи на дачу Александра Александровича Нарышкина*. Текст стихотворения не позволяет нам воссоздать сам

---

³ «Не соразмеримый со всем остальным», «тесный» для «зажиточного дворянина» и «жалкий дом», согласно мнению прусского чиновника И. Фоккеродта, менее всего походил на резиденцию «всесильного» монарха.

облик дачи, однако, содержит в себе черты сельской идиллии и меланхоличной созерцательности:

Болота превратить в прекрасные луга
Извлечь из недр земли ключи потоков чистых,
Повсюду взор привлечь на тропики, на берега,
Явить во всей красе приятность рощ тенистых. (Богданович 1974: 98)

Еще один загородный дом графа А. Строганова неоднократно привлекал внимание поэтов и художников. В. Капнист стремится передать впечатление от красот садового павильона Грот на даче Строганова в стихотворении *Утро в гроте графа Александра Сергеевича Строганова*, впервые опубликованном в «Аонидах» в 1797 году.

В идиллии *Рыбаки* Н. Гнедича, которую позднее процитировал А. Пушкин в примечании к первой главе *Евгения Онегина* («Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича»), поэт воспел не только графа Строганова, характеризуя его следующим образом: «добрый боярин», который «приветно взглянул (...) и ласково молвил» (Гнедич 2009: 7), но его дачу и сад:

Вступил я в хоромы; но страшно
Мне стало опять, как я начал идти по хоромам.
Со стен их лики глядят на тебя как живые!
Из мрамора девы, прелестные, только не дышат! (Гнедич 2009: 7)

Строки идиллии подтверждают тот факт, что оформление «аристократического» жилого пространства, будь то дача или усадьба, решало, прежде всего, репрезентативные задачи. Внешний облик загородных строений, возникших в 1710-1720-х годах в окрестностях Петербурга, во многом был заимствован у французской и голландской архитектурных школ. Ф. Вигель, очарованный окрестностями Петербургской дороги, в своих *Записках* свидетельствует: «Двадцать шесть верст почти непрерывно тянулась передо мной двойная цепь красивых дач (...), дворцы, барские палаты, киоски и пагоды, монументы, местами каскады и фонтаны (...)» (Вигель 1989: 151). Строения, возводимые за чертой города, имеют принципиально общие черты, касающиеся произведений архитектуры, живописи, пластики и декоративно-прикладного искусства.

Перемены в дачной жизни отразились на развитии самого понятия «дача». Уже со второй половины XVIII века дачами начали называть и небольшие сельские имения с усадьбами, которые стояли пустыми зимой и служили хозяевам местом летнего отдыха. Располагались такие имения недалеко от уездных городов, вблизи Москвы. Таким образом, словом «дача» обозначали и собственные дома, и снимаемые на лето помещения.

В стихотворении П. Вяземского *Наши дачи хороши* акцентируется дачный локус как пространство временное, «без души» и «жизни теплого дыханья».

Возникнув в Москве, понятие «дача» позднее было перенесено на петербургскую почву. Первым казенным «дачным поселком» в России можно назвать Китайскую деревню в Царском Селе. В числе первых, кто получил право жить здесь, был Г.

Державин. Один из поэтов вспоминал: «(...) я скажу несколько слов о сих китайских домиках. Они поставлены были еще при императрице Екатерине Второй, вдоль сада, разделяемого с ними каналов. Это было пристанище ее секретарей и очередных на службе царедворцев» (Дмитриев 1989: 6).

Со второй половины XIX века дачная культура продолжала уходящую в прошлое уникальную, пронизанную атмосферой духовности и творчества, усадебную культуру помещичьей России. А. Бенуа заметил, что «возникнув как форма организации жизнедеятельности, усадебная, а в последствии дачная традиция формирует особый тип личности. К этому типу принадлежали все виднейшие деятели русской культуры XVIII и XIX столетий, создавшие прелесть характерного русского быта, тихого, спокойного, достойного, добротного, казавшегося утвержденным навсегда» (Бенуа 1980: 504-505).

Постепенно складывается устойчивое противопоставление усадьбы и дачи: дача возникает в русской литературе как дробление усадебного пространства и появление внутри него дачного - совершенно иного, инородного по отношению к усадебному миру локуса (Семеновская 2010: 222). При этом сама соотносительность усадебного и дачного локуса сохраняется.

В 1828 году Пушкин начинает работать над повестью из жизни светского общества, которая на французском языке получила заголовок *L'homme du monde*. В одном из разделов плана повести намечалась сцена «на даче у гр. L.». Он лег в основу известного наброска «Гости съезжались на дачу...». Действие разворачивалось белой ночью под Петербургом на даче, прообразом которой послужила, по-видимому, дача Лавалей, которая при жизни хозяев была не менее известным в столице местом, чем их особняк на Английской набережной.

Расцвет дачной культуры приходится на время правления Николая I в 1825-1855 годы. Ежегодно летние месяцы императоры проводили вместе со «своим августейшим семейством» в Петергофе, что способствовало процветанию резиденции.

Будучи еще великим князем, будущий монарх Николай I, «ходатайствовал об отводе участка земли под Санкт-Петербургом для постройки загородной для себя дачи»⁴. Место летнего пребывания Николая I, небольшое по размеру здание, но богато и изящно украшенное – дворец Александрия, построенный на возвышенности с отличным видом на побережье: «Маленький, двухэтажный, розовый с белыми пилястрами дворец (...), на всех его узеньких высоких окнах были спущены салатного цвета складчатые, волнообразные шторы (...)» (Пантелеев 1983: 12).

Еще одно важное событие способствовало стремительному развитию и распространению дачной культуры – это появление железной дороги, благодаря чему уже огромный слой населения в период летних месяцев мог перебраться из становящихся дымными городов на лоно природы.

Дачная жизнь становилась все более демократичной и доступной людям разного достатка, объединяя тем самым представителей разных чинов и званий. Их уклад жизни независимо от «дачной географии» был похож.

Дачный дом – это в идеале дом, полный света и воздуха, из окон открытых или остекленных террас и веранд которого открывалась прекрасная «декорация для глаз».

---

⁴ Ф. Булхарин. *Дачи*. «Северная пчела», Санкт – Петербург. 9 августа, 1837.

В своей работе под титулом *Воспомяная* супруга Н. Некрасова с восторгом описывает условия дачного отдыха недалеко от Ораниенбаума, подчеркивая, что «трудно было найти более удобный летний приют»: «Построенная в виде красивого швейцарского домика, дача находилась на берегу взморья, вдали от всякого жилья, посреди громадного парка с тенистой липовой аллеей, тянувшейся почти три четверти версты, так что дачники Петергофа и Ораниенбаума приезжали гулять в наш парк и любовались швейцарским домиком, стены которого были красиво декорированы гортензиями и другими растениями, а перед домом была разбита огромная клумба разнообразных цветов, расставлены скамейки, стулья и столики, на которых мы всегда обедали и завтракали» (Панаева 1972: 37).

М. Достоевский в своем романе *Идиот* подтверждает: «Дача Епанчиных была роскошная дача, во вкусе швейцарской хижины, изящно убранная со всех сторон цветами и листьями. Со всех сторон ее окружал небольшой, но прекрасный цветочный сад. Сидели все на террасе, как и у князя; только терраса была несколько обширнее и устроена щеголеватее»⁵.

Для многих жителей экономически выгодно стало арендовать дачу не только на летние месяцы, но проводить там целую зиму, в связи с чем, эта категория дачников получили прозвище «зимороды» или «зимники». О том, что проживание зимой на даче доставляло дискомфорт, можно убедиться благодаря очерку В. Брусянина *Вешний снег*:

Разделяя участь немногих неудачников, Разумовы вынуждены были жить в Шувалове на даче, несмотря на суровую зиму.

Нижний этаж дачного флигеля, где они жили, выходил террасой в крошечный садик, отгороженный от улицы дощатою изгородью; от узкой калитки к крыльцу вела неширокая тропинка, проложенная в сугробах снега⁶.

Именно в этот период в дачной картине мира возникает совершенно особое явление – летне-зимние дачные поселки, особенно в большом количестве появившиеся под Петербургом.

Дачники XIX века не производили, каких-либо работ на огороде и лишь иногда занимались посадкой и разведением цветов. «Из цветников доносилось благоухание резеды и левкоев; в благовоспитанном газоне трещали неблаговоспитанные кузнечики, а в большой английской клумбе, около искусственной беседки, заплетённой диким виноградом, даже защёлкал соловей, не соображая, как это было неуместно»⁷, - пишет Е. Краснова в рассказе *Шарманщик*.

Несмотря на наличие городских парков и садов, природа для горожанина в ее натуральном проявлении оставалась очень важна. Дачники старались использовать время за городом с максимальной пользой для себя, чтобы наслаждаться природой, обретать душевную гармонию, освобождаться от «влияния ложных ценностей». «В уединении зеленых лесов светская жизнь и погоня за наживой представляются (...) в

---

⁵ М. Достоевский. *Идиот*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] <http://rvb.ru/dostoevski/01text/vol6/28.htm>

⁶ В. Брусянин. *Вешний снег*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] <http://www.rulit.me/books/veshnij-sneg-read-308552-1.html>

⁷ Е. Краснова. *Шарманщик*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] <http://mreadz.com/new/index.php?id=285822>

другом свете; (...) пробуждается сознание тихого счастья (...) и вызывается потребность того мира и спокойствия (...)» (Канн 1898: 14). Дачный отдых на лоне природы в этот период времени представлял собой прогулки по окрестностям, катание на лошадях, на лодках, купание, охоту, рыбалку, пикники и передвижные игры.

О беззаботном состоянии дачников глазами персонажа одного из своих произведений свидетельствует И. Тургенев, который и сам, как известно, был поклонником дачной жизни:

Я гулял — то в саду нашей дачи, то по Нескучному, то за заставой; брал с собою какую-нибудь книгу — курс Кайданова, например, — но редко ее развертывал, а больше вслух читал стихи, которых знал очень много на память (...).

У меня была верховая лошадка, я сам ее седлал и уезжал один куда-нибудь подальше, пускался вскачь и воображал себя рыцарем на турнире — как весело дул мне в уши ветер! — или, обратив лицо к небу, принимал его сияющий свет и лазурь в разверстую душу⁸.

Во второй половине XIX столетия к основной функции дачи — летнего загородного отдыха, добавляется еще одна — оздоровительная. Достоевский в вышеназванном романе *Идиот* упоминает, что именно на дачу в Павловске после припадка приезжает «расслабленный, тоскующий и разбитый телом» князь Мышкин укрепить свое здоровье, так как «внутренно чувствовал себя все еще не оправившимся»⁹. Потребность в улучшении своего здоровья вызвана отчасти стремительной модернизацией городов, ростом промышленности и, как следствие, быстрым загрязнением городского пространства и возникновением атмосферы городской суевы. Горожанин вынужден приспосабливаться к окружающей его ненатуральности и фальши, жертвуя лучшими частями своей души: «В городе человек может прожить сто лет и не хватиться того, что он давно умер и сгнил», — подчеркивает Л. Толстой в *Крейцеровой сонате*¹⁰.

Дача становится спасением от растущего темпа жизни, умственного, физического и душевного перенапряжения, способом возвратиться к природе и набраться естественной энергии и справиться с возникшей усталостью самым здоровым и безопасным способом. Всего несколько дней пребывания на даче, «богатство и сила впечатлений», смявшие «маленькую душонку» главного персонажа рассказа Л. Андреева Петьки, оказали позитивное влияние на детское самочувствие: «Смотри-ка, растолстел как! Чистый купец!». Исходя из того, что автор текста проводил много времени на собственной даче в «русской Финляндии», то можно предположить, что в своем произведении он противопоставляет «большой жадный город» с живой, чувствующей и «имеющей волю» природой в окрестностях Петербурга: «Теперь Петька

---

⁸ И. Тургенев. *Первая любовь*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0120.shtml

⁹ М. Достоевский. *Идиот*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] <http://rvb.ru/dostoevski/01text/vol6/28.htm>

¹⁰ Л. Толстой. *Крейцера соната*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0240.shtml

бегал босой, и это в тысячу раз приятнее, чем в сапогах с толстыми подошвами: шершавая земля так ласково то жжет, то холодит ногу»¹¹.

В XIX веке произошло формирование неоднозначного двойственного образа дачи. Эпоха романтизма вместе с ее возвышенными идеями, созданием новых форм, устремленностью к идеалу и поэтизацией всего духовно прекрасного формирует идиллическую картину деревенского дома, стремления человека к единению с природой и абстрагированию от городского пространства: «(...) *про город он забыл, а другое место, куда ему всегда хотелось уйти, - уже найдено*»¹², - подчеркивает Андреев.

С другой стороны, благодаря поэтам и прозаикам XIX века, происходит «реальное» воспроизведение действительности и миф идиллического восприятия дачного локуса разрушается под воздействием типичных нечистот обычной деревенской жизнедеятельности: домашний скот и продукты их жизнедеятельности, находящиеся под открытым небом и «накапливаемые многими поколениями благоденствующих обитателей» (Миневич 1879: 322), портили воздух миазмами. Полная гармония с природой становится чистой иллюзией, когда даже комнаты в «домиках», насквозь «пропитываются смрадом», «кишат миллиардами насекомых», а все «что было так роскошно» регулярно «киснет в слякоти». Н. Некрасов в сатирическом фельетоне *Петербург и Петербургские дачи* подчеркивает всю несовместимость, несуразность и непрактичность летних дач: «в стенах щели», «дует в спину, дует в плечи», «не защита, трын - трава», с погодой, традиционной для северной столицы: «благодатный дождик льет», «на дорожках грязь и слякоть», где даже в солнечные дни насладиться «солнечным закатом» и «полежать на лужайке»¹³ становится невозможным из-за полчища комаров.

В конце XIX - начале XX столетия «дома приобретают все более живописный вид, обрастая полуоткрытыми помещениями – балконами, лоджиями, эркерами, верандами – в целях большей открытости внутреннего пространства наружу». (Гаврилова 2013: 10) Писатели в свою очередь дают нам возможность «ознакомиться» с внутренним пространством дачи: «Большая комната, одновременно столовая и гостиная. В задней стене налево открытая дверь в кабинет Басова, направо дверь в комнату его жены. Эти комнаты разделены коридором, вход в него завешен темной портьерой. В правой стене окно и широкая дверь на террасу; в левой два окна. Посреди комнаты большой обеденный стол, против двери в кабинет рояль. Мебель плетеная, дачная, только около входа в коридор широкий диван, покрытый серым чехлом»¹⁴.

Первоначально дачные поселки росли хаотично. Дачи разбрасывались по местности в беспорядке: то шли сплошной массой, то разделялись полянами и рощами, между ними образовывались проезды и проходы, либо слишком узкие, либо слишком

---

¹¹ Л. Андреев. *Петька на даче*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] http://az.lib.ru/a/andreew_1_n/text_0030.shtml

¹² Л. Андреев. Там же.

¹³ Н. Некрасов. *Петербург и Петербургские дачи*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/text_0031.shtml

¹⁴ М. Горький. *Дачники*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] http://royallib.com/book/gorkiy_maksim/dachniki.html

широкие. Перемены коснулись обустройства «дачных поселений», в первую очередь это было связано с появлением Обществ содействия (улучшения) дачной местности (жизни). Проживание на даче стало более комфортным, безопасным, пригодным и отвечало эстетическим потребностям.

Чехов в своем творчестве часто обращался к теме дачной жизни и в деталях «нарисовал картину» загородного отдыха совершенно разных людей. Дача становится не только фрагментом городского образа жизни, но своего рода ритуалом, а для многих дачников постоянным местом проживания, в чем мы можем убедиться благодаря целой серии произведений А. Чехова. «*Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десятине он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным...*»¹⁵, - предрекал писатель в своей знаменитой драме, и оказался прав.

Центром дачных поселков был парк, который являлся местом отдыха и прогулок всех дачников. В своем рассказе *На даче* И. Бунин воссоздает образ дачного парка: «На обширной поляне парка стояли одни темно-зеленые широковетвистые дубы. Тут обычно собирались дачники... Приходили дамы и барышни с работой и книгами, няньки и важные кормилицы в сарафанах и кокошниках. Изредка, но все-таки без надобности щелкая, прокатывались велосипедисты в своих детских костюмах»¹⁶.

«Там дамы щеголяют модами, там всякий лицеист остер», - язвительно замечал А. Блок, из чего можно сделать вывод, что сетования дачников на летнюю скуку всегда несправедливы. Дачная инфраструктура стремительно развивалась, строились зрелищные сооружения, особенно вблизи железнодорожных станций, функционировали буфеты и рестораны, играл оркестр – все это делало отдых дачников насыщенным и разнообразным.

На даче очень трудно было найти покой и скрыться от «чувственных соблазнов». Вокруг шумело лето, дачницы подолгу жили без мужей, а девушки и их матери искали женихов. В художественной литературе дача предстает «женским царством» (Lovell S., 2003, p. 99) и становится локусом адюльтера. В Петергофе происходит решительный разговор между Анной и Вронским о том, что ей следует оставить мужа (Л. Толстой *Анна Каренина*). В творчестве Чехова дачное пространство словно «способствует» дамским изменам как легкомысленным, так и серьезным (*Неприятная история*), а городское – мужским (*Ненастье*). «Если ты влюблен, то возьми: ½ фунта александрийского листа, штоф водки, ложку скипидару, ¼ фунта семибратней крови и ½ фунта жженных «Петербургских ведомостей», смешай всё это и употреби в один прием, – советует Чехов отдыхающим. - Причиненная этим средством болезнь заставит тебя выехать из дачи в город за врачебною помощью и тебе будет не до любви»¹⁷.

---

¹⁵ А. Чехов. *Вишневый сад*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0150.shtml

¹⁶ И. Бунин. *На даче*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] <http://bunin.niv.ru/bunin/rasskaz/na-dache.htm>

¹⁷ А. Чехов. *Дачники*. [online]. [доступно 27 апреля 2015] http://royallib.com/book/chehov_anton/dachniki.html

Во многих дачных поселках работали театры, в которых гастролировали лучшие московские и петербургские труппы. В театре дачного поселка Куоккала (русская Финляндия), по словам Д. Лихачева: «выступал иногда В. Маяковский (...) Ставились фарсы, шутили над всеми известными дачниками (...)». Дачи становятся своего рода «культурными адресами», с которыми были связаны сюжеты и судьбы многих литературных персонажей. В дачных театрах начинают свой путь десятки известных художников, музыкантов, певцов.

В конце XIX и в начале XX веков дачник стал особой социальной категорией, соединив в себе черты всех сословий, он становится прообразом современного россиянина, пытающегося всеми силами и способами сохранить связь с близким для него миром – миром родной природы.

Летний сезон на дачах проводили многие известные художники, артисты и ученые: К. Чуковский, И. Репин, М. Горький, Л. Андреев, Д. Лихачев, В. Маяковский и др. Многие из них со временем становились зимородами. Свидетельства о проведенном времени в пределах дачного пространства можно найти в их творчестве. «Почти все (кроме новичков) были знакомы друг с другом, ходили друг к другу в гости», - вспоминал Д. Лихачев.

В литературе XIX и до начала XX века образ дачи подвергается очевидным изменениям. Из деревенского дома с патриархальными устоями, окруженного первозданной природой, дача постепенно становится организованным пространством с вкраплениями городского быта, где жизнь становится «хороша именно своей бесцеремонностью». Дачный образ не только не утратил своей актуальности и популярности с момента его возникновения, но и активно использовался авторами практически во всех литературных жанрах. Если в конце XVIII - начале XIX поэтический образ дачи создали поэты, то уже в конце столетия к ним добавились прозаики, драматурги и публицисты. Таким образом, дачу и дачный отдых можно отнести к специфическому русскому явлению:

Дача – совершенно особый феномен российской жизни, «второе жилище» и духовное пристанище горожанина (Цивьян: 2006).

Используемая литература

- BASCHMAKOFF, Natalia. *Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki: Aleksanteri Series, 2006.
- LOVELL, Stephen. *Summerfolk: A history of a dacha (1710-2000)*. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
- АНДРЕЕВ, Леонид. *Петька на даче*. Москва: Омега, 2012.
- БЕНУА, Александр. *Мои воспоминания. Собрание сочинений*. Москва: Наука, 1980.
- БОГДАНОВИЧ, Ипполит. *Собрание сочинений и переводов Ипполита Федоровича Богдановича*. Москва, 1974.
- БРУСЯНИН, Василий. *Вешний снег*. Санкт – Петербург: Нева, 2011.

- БУЛХАРИН, Фаддей. Дачи. *Северная пчела*. 1837.
- БУНИН, Иван. *На даче*. Москва: Дарь, 2010.
- ВИГЕЛЬ, Ф. *Записки*. Москва, 1989.
- ГАВРИЛОВА, Евгения. *Основные направления развития предметно-пространственной среды загородного дома в России 1980-х-начала 2000 гг. (исторические традиции и новаторские приемы)*. Москва: Издательство Московского государственного университета им. С. Г. Строгонова, 2013.
- ГНЕДИЧ, Николай. Рыбак. Москва: Звезда, 2009.
- ГОРЬКИЙ, Максим. *Дачники*. Москва: Ликтон, 2010.
- ДМИТРИЕВ, Иван. *Взгляд на мою жизнь*. Москва: АСТ, 1989.
- ДОСТОЕВСКИЙ, Федор. *Идиот*. Москва: Время, 2012.
- КАНН, А. *Нервозность и великолепная езда*. Санкт – Петербург: Логос, 1999.
- КРАСНОВА, Екатерина. *Шарманщик*. Санкт – Петербург: Питер, 2013.
- МАЛИНОВА – ТЗИАФЕТА, Ольга. *Из города на дачу*. Санкт – Петербург: Просвещение, 2013.
- МИНЕВИЧ, Ленка. *Мы, вы, они, оне*. Санкт – Петербург, 1879.
- НЕКРАСОВ, Николай. *Петербург и Петербургские дачи*. Санкт – Петербург: Славия, 2010.
- ПАНАЕВА, Авдотья. *Воспоминания*. Москва: Художественная литература, 1972.
- ПАНТЕЛЕЕВ, Алексей. *Собрание сочинений*. Ленинград: Детская литература, 1983.
- ПУШКИН, Александр. *Евгений Онегин*. Москва: Омега, 2003.
- СЕМЕНИЦКАЯ, Ольга. *Путешествие» на дачу: «дачный текст» в современной литературе*. Самара: Асгард, 2010.
- ТОЛСТОЙ, Лев. *Крейцеров соната*. Москва: Омега, 2010.
- ТУРГЕНЕВ, Иван. *Первая любовь*. Ленинград: Нева, 1989.
- ЧЕХОВ, Антон. *Дачники*. Санкт – Петербург: Аврора, 2010.
- ЧЕХОВ, Антон. *Вишневый сад*. Санкт – Петербург: Аврора, 2010.
- ЦИВЬЯН, Татьяна. Дача и дачники в русском представлении. In: *Дача и дачники*. Москва: Издательство МГУ, 2006, с. 98-101.

Ирина Ромуальдовна Грибло

улица Калины 23/2, Щецин, Польша 71-118.

irinagriblo@gmail.com

С 2013 - года магистр Русской филологии; с 2005 - магистр экономики. С 2014 года – студентка факультета общей педагогики.

На сегодняшний день являюсь соискателем ученой степени кандидата филологических наук при Щецинском Университете, провожу самостоятельную работу над диссертационным исследованием в области истории русской литературы. Мои интересы касаются так же области философии, лингвистики, нейролингвистики, психологии и педагогики.

Экранизация классических произведений: за и против

Lucie Matějková

Abstract:

This article deals with an artistic interaction between film and literature. The focus is on translation of a classic piece of literature into the language of film and TV. Different views of researchers' on adaptation are presented and various factors influencing viewers' perception of the theatrical films and TV films are discussed.

Key words:

film adaptation, TV, interpretation, translation

Художественному взаимодействию литературы и кино уделяли и продолжают уделять внимание искусствоведы, литературоведы, режиссеры, философы (С. М. Эйзенштейн, В. И. Пудовкин, Ю. М. Лотман и др.). Литературу считают «Матерью всех искусств», фильм представляет «Десятую музу». И литература, и кино вступают во взаимодействие уже со времени появления кинематографа. Ранними экранизациями были съемки инсценировок пьес и романов и, хотя первые из-за острой конкуренции киностудий возникали почти без сценариев (Вартанов, 1961), именно сценарий, как литературное произведение, созданное по книге, ложился в основу любого кино- и телепроизведения.

Появление кинематографа иногда вызывало резкое неприятие. Литераторы говорили о снижении уровня культуры, о «конце» книги, некоторые даже считали фильм «пустым зрелищем, аттракционом, занятым балаганом» (Вартанов, 1961, с. 13), сомневались в целесообразности экранизаций книг, рассматривали их как оскробление вдохновенного труда писателя (Вартанов, 1961). Читателей, отказывающихся от просмотра экранизации литературного произведения, можно найти и сегодня.

Неоспорим факт, что в настоящее время больше зрителей фильмов, снятых по книгам, чем самих читателей этих книг. Кинематограф превратил читателя в зрителя. Но необходимо заметить, что нередко встречаются ситуации, когда после просмотра зритель трансформируется опять в читателя.

О связи кинематографа с литературой можно говорить и потому, что в немых фильмах вынужденно использовались титры, являющиеся вербальным (письменным) текстом. Позже, с появлением звукового кино, в фильмах стали использоваться и играть весьма важную роль диалоги персонажей. Все это очевидным образом усиливает связь литературы и кино (Арутюнян, 2003).

С появлением кино, телевидения и фотографии изменилась существовавшая система искусств. Традиционные виды искусства смешивались с новыми, испытывали взаимовлияние и даже соперничали друг с другом.

Киноведы считают кино синтетическим видом искусства, оно комбинирует разные виды искусства, его можно считать и литературой, и театром, и живописью, и музыкой и одновременно, как подчеркивает А. С. Вартанов в книге *Образы литературы в графике и кино*, кино не является ни литературой, ни театром, ни живописью, ни

музыкой (Вартанов, 1961). Кинотеатр существует как самостоятельный вид искусства, у него собственная эстетика и система знаков, он разговаривает на своем индивидуальном языке.

Единственное выразительное средство литературы – слово (Х цифровая литература). Фильм, наоборот, по сравнению с литературой, пользуется минимумом слов. У него другой способ выражения, например, монтаж, изображение и выше упомянутый синтез искусств.

Итак, перед сценаристом, создающим сценарий на основе литературного произведения, стоит нелегкая задача перевести книгу с языка литературы на кинематографический язык. При этом, напоминает С. М. Арутюнян, еще нужно учесть целый ряд вопросов: «Поскольку кинофильм снимается по сценарию, то как сценарий соотносится с литературным «оригиналом»? Можно ли сам такой сценарий считать литературным произведением? Можно считать литературным произведением сценарий тогда, когда он написан самостоятельно, без литературного источника?» (Арутюнян, 2003, с. 125).

Проблема перевода литературного произведения на киноязык решается неоднозначно. Точное перенесение книги на экран невозможно, утверждает Евгений Анатольевич Сергеев в *Перевод с оригинала*, кино при всем богатейшем художественном арсенале не может адекватно воспроизвести литературный текст (Сергеев, 1980). Более того, перевод всегда связан с неизбежными потерями.

Существуют два основных взгляда на экранизацию. Сторонники первого (В. В. Егоров, В. В. Решетникова, Е. А. Сергеев и др.) определяют экранизацию как перевод, другие (В. Б. Шкловский, С. М. Арутюнян) отказываются даже от употребления этого термина.

Терминологический словарь телевидения В. В. Егорова толкует термин «экранизация» как «перевод произведения на язык телевидения...» (Егоров, 1997 [online]). И с точки зрения В. В. Решетниковой, экранизация – «художественная интерпретация литературного произведения, заключающаяся в переводе его на экранный язык...» (Решетникова, 2009, с. 17). По мнению Е. А. Сергеева, только «перевод на экран классического либо широко известного произведения может считаться экранизацией в самом полном смысле» (Сергеев, 1980, с. 16).

Другой точки зрения придерживались В. Б. Шкловский и С. М. Арутюнян и др. В. Б. Шкловский выступал против перевода, в *Кино-справочнике* на 1927 год он следующим образом сформулировал свою позицию: «Художественно-литературное произведение создано из слов и никаким другим способом передано быть не может». «Литературный пейзаж, – продолжал Шкловский, – и литературное описание человека не может быть заменено ни фотографией, ни картиной, ни портретом» (Шкловский, 1965, с. 33). Решетникова замечает, что Шкловский видит экранизированное произведение как совершенно иное, новое, произведение (Решетникова 2009). И С. М. Арутюнян не соглашается с определением экранизации как перевода, рассматривая экранизацию литературных произведений как создание нового произведения искусства, «которое рождается в результате диалога искусств, но «написано» на своем собственном языке» (Арутюнян, 2003, с. 130).

Вопрос, связанный с переводом литературного языка на язык визуальных образов, подробно представляет О. В. Аронсон в своей статье *Столкновение экранизаций*. Он отмечает, что о языке фильма говорят как о «втором» – и этот факт уже указывает на неизбежный мотив «перевода», присутствующий в каждой экранизации. Аронсон утверждает, что «первый язык – это собственно язык литературного произведения, по которому сделан фильм, второй – язык визуальных образов...» (Аронсон, 2003 [online]). Он приходит к выводу, что говорить об экранизации «в терминах перевода можно и даже необходимо, но только тогда, когда акцентируется момент непереводаемости, то есть то, для чего не может быть найдено соответствия» (Аронсон, 2002 [online]).

Выше мы говорили о проблематике, связанной прежде всего с переводом художественного произведения на язык кино. Но необходимо акцентировать внимание и на другом толковании экранизации.

И. М. Маневич, говоря об экранизации, уделяет внимание ее автору, который, «не выходя из рамок литературного оригинала, воссоздает его на экране специфическими средствами киноискусства, стремясь как можно глубже и поэтичнее передать пафос оригинала, его художественную сущность» (Маневич, 1966, с. 53).

А. С. Вартанов приводит слова С. И. Фрейлиха «Экранизация начинается созданием литературного сценария и завершается на монтажном столе» (Фрейлих, 1954, с. 1952). Сам А. С. Вартанов понимает экранизацию как «процесс преобразования литературного произведения в произведение киноискусства» (Вартанов, 1961, с. 136). Он подчеркивает, что поскольку литература и кинематограф являются совершенно разными видами искусства, имеющими каждый свою специфику и свои средства выразительности, авторское вмешательство при экранизации необходимо. Основную ошибку создателей экранизаций видит в полном отсутствии авторского замысла (Вартанов, 1961). А. С. Вартанов (как В. В. Решетникова, Е. А. Сергеев и С. М. Арутюнян) замечает, что буквальная экранизация литературного произведения не приводит к успеху (Вартанов, 1961).

Экранизация дополняет первоисточник, дает книге возможность продолжать свою жизнь – утверждается в других исследованиях. «И когда мы находим в экранизации знаки литературного первоисточника, выстраивая по ним ситуацию чтения фильма, то это значит, что мы уже лишаем фильм возможности продолжить жизнь произведения, восприятие которого всегда угасает вместе с его же собственной славой» (Аронсон, 2002).

Но рассказать литературное произведение кинематографическим языком довольно сложно, к тексту первоисточника должно относиться бережно. Режиссеру и всему авторскому коллективу приходится искать аналогичный кинематографический образ.

Статус экранизации, по мнению О. В. Аронсона (и Сергеева), получают фильмы, снятые по известным произведениям или по произведениям известных авторов (Аронсон, 2003 [online]). И это, считают сторонники экранизации, связано с некоторыми потерями. У зрителей часто существуют определенные представления о героях известного произведения (их внешности, характере), и отклонение от воображаемого стереотипа может вызвать их протест. Режиссеры нередко ориентируются на сложившийся стереотип восприятия художественного произведения у зрителей. Такое

«представление, образ прочитанного текста до определенной степени является общим в сознании большинства людей данной культуры» (Решетникова, 2009, с. 78).

Восприятие кино- и телепроизведения зрителем индивидуально, и на него влияет целый ряд факторов (возраст, образование, социальный статус, жизненный опыт, настроение, степень внимания, отношение к другой экранизации произведения и т.д.).

В. В. Решетникова разделяет зрителей не только на читателей – нечитателей, но и на подготовленных (малоподготовленных, подготовленных, хорошо подготовленных) – неподготовленных. Неподготовленные читатели совсем незнакомы с автором экранизируемого произведения.

Малоподготовленный зритель не знаком с экранизируемым произведением, но читал другие произведения экранизируемого автора; подготовленный зритель знаком с экранизируемым произведением; хорошо подготовленный зритель знаком с экранизируемым и с другими произведениями данного автора, у него четкие представления о культурном контексте (об историческом периоде, эпохе, в которую происходит действие, читал других авторов о данной исторической эпохе, параллельных и пересекающихся с действием исторических событий и т.д.) (Решетникова, 2009).

Учет такого количества факторов неизбежно иногда ограничивает режиссера и художественный коллектив.

Поскольку «каждая экранизация всегда есть определенная интерпретация литературного произведения» (Арутюнян, 2003, с. 71), ее успех зависит от таланта и изобретательности создателей.

С. М. Арутюнян делит интерпретацию на авторскую и зрительскую (Арутюнян, 2003, с. 71). Автор (или создатель текста) вкладывает в произведение некий смысл или художественный образ, и зритель (или, например, слушатель, читатель) воспринимает этот смысл, пытается его понять и формирует свое собственное понимание.

Оба, автор и зритель, принадлежат к определенной историко-культурной среде, национальной культуре фиксированного исторического периода (Решетникова, 2009), и из этого вытекают конкретные эстетические приоритеты, их система ценностей, которые данная культура детерминирует.

Работа над фильмом имеет коллективный характер, фильм создается большой группой людей. В ней важен и актер, и оператор, и композитор, и художник, и прежде всего, режиссер. У каждого члена творческого коллектива свои мысли, и режиссер должен учитывать все эти обстоятельства, воплощая в экранизации свой творческий замысел.

Фильм, снятый на основе литературного произведения, как правило, вызывает вопрос, с какой целью он был создан. По мнению А. С. Варганова, самый распространенный и одновременно простой ответ на этот вопрос – стремление расширить «круг читателей хорошего литературного произведения» (Варганов, 1961, с. 181) и таким образом поддержать популяризацию классики. Некоторые авторы обращаются к экранизации классических произведений, потому что они, например, не согласны с уже существующей экранизацией или хотят акцентировать злободневность первоисточника.

В тезаурусе по литературоведению Русовой содержится общая информация о классике: это «выдающиеся, общепризнанные произведения литературы и искусства,

имеющие непреходящую ценность для национальной и мировой культуры» (Русова, 2004 [online]). Нам кажется, что такая основная формулировка требует конкретизации, и подтверждение этому мы находим в высказываниях О. В. Аронсона – «постоянство новизны» и динамически открытая ценность произведения – это те атрибуты классики, которые сегодня определяют ее иначе, чем прежде. Классично не то, что когда-то было признано, а то, что способно продолжать быть значимым сегодня, когда многие прежние ценности уже пересмотрены» (Аронсон, 2003 [online]).

Границы между видами искусств неясные, не непроницаемые, но фильм, снятый на основе литературного произведения, всегда остается фильмом – произведением киноискусства, а не литературы, театра или какого-то другого вида искусства.

Используемая литература

- АРОНСОН, Олег Владимирович. Столкновение экранизаций. *Киноведческие записки*. 2003, № 61. Dostupné z: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/241/>
- АРОНСОН, Олег Владимирович. Экранизация: перевод и опыт. *Синий Диван*. 2002, № 3.
- АРУТЮНЯН, Славик Мравович. *Экранизация литературных произведений как специфический тип взаимодействия искусств*. Москва, 2003. 155 с. Диссертация. Московский государственный университет культуры и искусств. Научный руководитель Р. И. Ибрагимов.
- ВАРТАНОВ, Анри Суренович. *Образы литературы в графике и кино*. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1961, 310 с. ISBN 5-0593602-А.
- ЕГОРОВ, В. В. *Терминологический словарь телевидения: Основные понятия и комментарии* [online]. Третье. Москва: Изд-во Ин-та повыш. квалиф. работн. телевидения и радиовещания ФСТР, 1997 [cit. 2015-03-16]. Dostupné z: http://theatre-teorema.ucoz.com/kinoiskusstvo/egorov_v-terminologicheskij_slovar_televidenija-19.pdf
- МАНЕВИЧ, Иосиф Михайлович. *Кино и литература*. Москва: Искусство, 1966, 240 с.
- РЕШЕТНИКОВА, Валерия Вячеславовна. *Телеэкранизация : ключевые аспекты интерпретации литературных произведений*. Москва, 2009. 164 с. Диссертация. Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания. Научный руководитель Надежда Львовна Горюнова.
- РУСОВА, Н. Ю. *От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению*. Москва: Изд-во Наука, 2004, 301, [3] р. ISBN 50-203-2598-8. Dostupné z: <http://literaturologiya.academic.ru/>
- СЕРГЕЕВ, Евгений Анатольевич. *Перевод с оригинала. Телеэкранизации русской литературной классики*. Москва: Искусство, 1980, 200 с.
- ФРЕЙЛИХ, Семен Израилевич. *Искусство кинорежиссера*. Москва: Искусство, 1954, 272 с.
- ШКЛОВСКИЙ, Виктор. *За сорок лет: Статьи о кино. Основные законы кинокадра*. Москва: Искусство, 1965, 455 с.

Mgr. Lucie Matějková

Hradec Králové

Pelclovo nábř. 1602

516 01 Rychnov nad Kněžnou

lucie.matejkovacz@gmail.com

Autorka článku je absolventkou navazujícího magisterského oboru Učitelství pro střední školy – ruský jazyk a literatura a Učitelství pro 2. stupeň základní školy – anglický jazyk a literatura na Pedagogické fakultě Univerzity Hradec Králové.

Личность Евгений Шварца в эго-документах (Мы знали Евгения Шварца)

Магдалена Оршевска

Abstract:

Ego-documents has recently become popular among European researchers. The first topic of the article is the mentioned term in Russian historiography. Main aim of the article is to show personality of the writer Evgeny Shvarts presented by his friends and colleagues in Мы знали Евгения Шварца.

Key words:

Ego-document, Evgeny Shvarts, memories

В последние годы отмечаем заметное оживление интереса к документам личного характера. Воспоминания, письма, дневники всегда интересовали литературоведов, поскольку личность писателя является важным фактором для анализа творчества. Однако для рассмотрения этих документов нужен другой, не литературоведческий подход. Поэтому необходимым считаем приблизить новый термин «эго-документ» и его восприятие в российской историографии.

Отличительной чертой сегодняшнего внимания к «свидетельствам о себе» является стремление исследователей обновить термины, которыми они определяют этот род документов. Как утверждает Ю. Зарецкий, раньше словами-маркерами были литературоведческие обозначения жанров: «автобиография», «мемуары», «дневники» и др. Это продолжалось, по крайней мере, до конца 1970-х гг., пока не появилась потребность в новых маркерах, которые более точно отражают специфический исторический подход к изучаемым текстам и яснее обозначают определенный тип документов как некое смысловое целое. Одним из новейших понятий является «эго-документ» (egodocument). Автором термина стал профессор Амстердамского университета Жак Прессер. Согласно его подходу, *egodocument* должен включать в себя различные типы свидетельств: автобиографии, мемуары, дневники, письма личного содержания и др. В самом широком смысле эго-документы – это «те исторические источники, в которых исследователь сталкивается с “я” – или иногда “он” – как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания». (Зарецкий 2007:329-340)

Многие исследователи относятся к данному термину скептически. Уже в 1980-м г. в российской историографии окончательно удержался термин «источники личного происхождения», которые были вписаны в видовую типологизацию исторических источников. По мнению Суржиковой, они всегда несколько выбивались из ряда остальных источников по критериям своей идентификации. Самое название фокусирует внимание на происхождении документа. Характерным является также комплекс неполноценности, поскольку в иерархии свидетельств прошлого занимали «последнее или близкое последнему место», рассматриваясь как дополнительные, вспомогательные, вторичные.

Н.В. Суржикова подчеркивает, что термин «эго-документ» – изобретение западных специалистов. Появление неологизма было обусловлено несколькими фактами. Во-первых, очевидный дрейф исследовательского интереса историка от изучения событий к изучению состояний, а затем актуализация проблем, как этничность, религиозность, идентичность, гендер, имагологические исследования, история эмоции, исследования памяти и другие маркирующие проявления индивидуальности и коллективности. Смену подхода повлекло снижение авторитета официальных документов, а с ними и государственных архивов, сосредоточенных на сохранении официальной истории.

Н.Н. Алеврас считает несомненной смысловую и типологическую связь между понятиями эго-документ и видовым комплексом источников, которые в российской историографической традиции обозначены как «источники личного происхождения». Однако эго-документ является понятием более широким, нарушает границы видовой идентификации источников, укрепленной в российской традиции. «Устоявшаяся в отечественной науке теория и практика понимания природы источника может вызвать определенное противоречие и даже конфликт подходов при безоговорочной попытке применить термин "эго-документ" к группе источников личного происхождения, если бы мы желали сохранить верность принципам видовой классификации источников». Согласно Н.Н. Алеврас есть выход из этой ситуации. Две традиции могут существовать параллельно, сосуществовать, обогащая друг друга теоретическими идеями, историографическими и историоведческими практиками, ведь каждый из этих источников является носителем «свидетельства о себе». (Алеврас 2014:41-54)

Как упоминает М.Ф Румянцева, эго-история формировалась в контексте постмодернистического проекта деконструкции. Однако, в актуальной ситуации постмодерна XXI в., для которой характерно, напротив, конструирование коммеморации, эго-историю можно понимать как практику социокультурной идентичности, способствующую преодолению постмодернистской разобщенности. «Эго-история – это, с одной стороны, социокультурная практика формирования индивидуальной исторической памяти в условиях выхода из кризиса идентичности, связанного с ситуацией постмодерна, базовой характеристикой которой является кризис доверия к историческому метарассказу, а адекватным направлением исторического знания – микроистория. С другой стороны, изучение этой социокультурной практики в ее исторической ретроспективе и составляет предмет эго-истории как предметного поля исторического знания». (Румянцева 2014:33-40)

Впервые в России новый термин был введен в учебник *Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика*, благодаря коллективу авторов под руководством А.К. Соколовой. (Суржикова 2014:7-11) Авторы считали необходимым привлечение новых источников, поскольку длительное время в центре внимания оставались преимущественно такие источники как мемуары, дневники, письма, хотя, очевидно, круг материалов личного происхождения является более широким. Необходимым считают также иное прочтение основополагающих документов. (Соколова 2004:288)

По мнению Суржиковой, «эго-источники – это заметное решение проблемы фокусной точки гуманитарных исследований, поскольку они экспонируют и мир

отдельной личности (Я), и ее социально обусловленные "параметры" (МЫ), позволяя тем самым изучать типы кристаллизации самых разных социальных "породов" – от уникальных до статических». (Суржикова 2014:7-11)

Общей чертой этих текстов является то, что они представляют фрагмент действительности, дают образ ее восприятия не только собой, но и другими, показывают свое отношение к системе ценностей и их эволюцию на протяжении веков. Выявляют состояние знаний и жизненного опыта. Могут также оправдывать, объяснять, обосновывать какое-либо поведение данной личности.

Конечно, с исследованием эго-документов связан ряд проблем. Первой из них является проблема подлинности, правдивости представляемых фактов. Главным упреком является рационализация фактов, а затем, субъективность в представлении изображений или образов прошлого. Второй проблемой является намерение, интенция составителя, ограничивавшая автора. Следующая – Не-описанное/Над-писанное – автор может затаивать некоторые факты или придавать большую значимость малозначимым событиям. Исследователи обращают внимание также на ряд других важных ограничений, как ненадежность памяти, явление преимущества необычных воспоминаний, случайность памяти, косвенность, симпатии и антипатии, которым может подвергаться автор. (W. Szulakiewicz 2013:69-72)

Сборник *Мы знали Евгения Шварца* был опубликован в 1966 году. Обстоятельства и время появления воспоминаний являются очень значимыми. Творчество Шварца много лет оставалось в тени. В. Головчинер утверждает, что сдерживался рост его популярности. Первая большая книга, включающая запрещенные при жизни автора произведения, вышла тиражом 4000 экземпляров. Переизданная через десять лет книга (тираж 30 000 экземпляров) моментально исчезала с прилавков магазинов. Его пьесы издавались в Италии, Франции, Англии, США, Германии. В журнале «ГДР» в номере 9 за 1960 год сообщалось, что по числу поставленных и сыгранных спектаклей по пьесам советских писателей имя Шварца стоит на первом месте. Появляется и критическая литература, рассматривающая творчество драматурга. Пик изучения текстов Евгения Львовича Шварца в СССР наступил в 60-е гг. (В. Е. Головчинер, с. 3-7)

Итак, в 1966 году к семидесятилетию со дня рождения писателя появляется сборник. По мнению Е. Биневича, «он делался второпях, издательство "Искусство" хотело успеть к дате. Сужу об этом, во-первых, по тому, что большинство мемуаров о нем появилось в повременных изданиях в тот же год; а во-вторых, потом (или – одновременно), включенные в авторские сборники, они помечены 1965 или даже 1966 годами. Кое-какие воспоминания или просто не поместились в издательский объем, или не показались интересными составителям – З. Никитиной и Л. Рахманову, или не были включены по их личным соображениям». (Е. Биневич, с. 18)

Целью издания является несомненно собрание воспоминаний, но и фактов или свидетельств о фактах из жизни писателя. Материал, собранный в упомянутом томе, привел нас к вопросам: можно ли создать достоверный образ Евгения Шварца на основании воспоминаний? каким он является согласно воспоминаниям? какие факторы могут повлиять на достоверность образа?

Во-первых, выделены темы, которые непосредственно связаны с писателем: биография писателя (факты из жизни, события, семья), характер Шварца как человека

(черты характера, чувства), описание Шварца как писателя (подход к работе, указание мастеров, которые повлияли на его творчество источников, событий которые повлияли на творчество), описание его творчества (время и обстоятельства публикаций и оценка произведений).

Каждый из авторов стремился зафиксировать свое воспоминание. В воспоминаниях можем найти точные данные и составить их хронологически. Писатель родился в Казани 9(21).10.1896, умер 15.01.1958 в Ленинграде. В 1921 году вместе с труппой Театральной мастерской переезжает в Петербург. С 1924 года работал редактором в Детском отделе Госиздата в Ленинграде. Первая пьеса *Ундербуд* появилась в 1929.

В других свидетельствах даты точно не отмечались или автор сам признавался, что информация может быть неточной:

Однажды, а было это, если не ошибаюсь, осенью 1949 года. Это было прекрасное начало его лирического дневника. (Л. Пантелеев*¹)

Если не ошибаюсь, еще не существовало Детского отдела Госиздата. (И. Рахтанов*)

Из воспоминаний можем также выделить значимые места: Ленинград появляется 141, Комарово – 42, Москва – 34, Донбас – 17.

Некоторые авторы стараются передать информацию о событиях, важных для истории страны. Хорошим примером является фрагмент воспоминаний В. Кетлинской, в которых находим много интересных фактов о Шварце, его поведении и действиях во время блокады Ленинграда. Само слово блокада появляется 24 раза:

Возле двери партбюро стояла очередь — записывались в народное ополчение. В этой очереди я сразу заметила Евгения Львовича. (...) Записывать его не хотели — все знали, что он далеко не здоров, что он плохо владеет пальцами. Его стали убеждать, что он не сможет держать винтовку, не сможет стрелять.

Он выступал на призывных пунктах, написал вместе с Михаилом Михайловичем Зоценко пьесу, много писал для радио. Кроме того, он продолжал работать с Театром комедии (...).

И он, и его жена Екатерина Ивановна дежурили в группе самозащиты нашего дома на канале Грибоедова, 9 (...).

Шварц тоже был в списке на первоочередную эвакуацию и тоже решительно отказывался:

— Я еще продержусь.

(В. Кетлинская*)

В. Кетлинская вспоминает не только Шварца, но также Ахматову, Зоценко, Лозинского, пытается передать атмосферу того тяжелого времени.

---

¹ Ссылки обозначены знаком *, помещены в книге: Цимбал С. Л. Мы знали Евгения Шварца. -- М., 1966.

Информации на тему его родных относительно мало. Из воспоминаний можем узнать, что отец Лев Борисович Шварц учился в конце прошлого века на медицинском факультете Казанского университета, и, будучи студентом, женился на Марии Федоровне Шелковой.

О первой жене актрисе Гаянэ Халаджиевой пишется: *маленькая женщина, шумная, экспансивная, очень славная*. Приводится также интересная история о их помолвке:

Она долго противилась ухаживаниям Шварца, долго не соглашалась выйти за него. Однажды, в конце ноября, поздно вечером, шли они в Ростове по берегу Дона, и он уверял ее, что по первому слову выполнит любое ее желание. — А если я скажу: прыгни в Дон? — спросила она.

Он немедленно перескочил через парапет и прыгнул с набережной в Дон, как был — в пальто, в шапке, в калошах. Она подняла крик, и его вытащили. Этот прыжок убедил ее — она вышла за него замуж.

(Н. Чуковский*)

Значительно чаще в воспоминаниях появляется вторая жена Екатерина Ивановна. Пантелеев дает такую ее характеристику:

(...) Екатерина Ивановна, человек сложный, нелегкий, даже трудный, но честный, прямолинейный. Я много лет знал эту женщину и не переставал удивляться, как сложно и даже причудливо сочетались в ней черты русские, московские, черкизовские с чем-то туманным, английским, диккенсовским...

(Л. Пантелеев*)

Стоит обратить внимание на фрагмент, в котором упоминается о первой и второй жене Шварца, когда автор старается смягчить негативную оценку поступка Шварца.

Да, он был тогда очень влюблен в Катю, Екатерину Ивановну, которая стала его женой и спутницей всей его жизни. Но для того, чтобы соединиться, обоим пришлось сломать то, что у них сложилось до встречи. Евгению Львовичу это было особенно трудно и тяжело, так как он оставил жену и только что родившуюся, нежно любимую дочку. Человек глубоко порядочный, честный, добрый, он мучительно страдал из-за того, что должен поступить так, и не мог поступить иначе, потому что любое другое решение привело бы к фальши, а никакой фальши он не выносил. И любовь его была такая, какая приходит раз в жизни ...

(В. Кетлинская*)

Много места в повествовании занимает также состояние здоровья писателя (слово болезнь появляется 29 раз). Однако информация на этот счет является фрагментарной, а иногда даже противоречивой:

В молодости Шварц никогда не хворал. И вообще всю жизнь был очень здоровым человеком. В конце сороковых годов в Комарове он купался в заливе до поздней осени, едва ли не до заморозков. Никогда не кутался, и зимой, и летом ходил нараспашку, в сильный мороз выходил провожать гостей без пальто и без шапки и при этом понятия не имел, что такое кашель или насморк.

(Л. Пантелеев*)

Однако в воспоминаниях четырех авторов вспоминается, что у Шварца дрожали руки (Чуковский, Пантелеев, Кетлинская, Дымшиц):

Собственно говоря, одна болезнь мучила его всю жизнь — во всяком случае с тех пор, как я его помню. Кажется, это называется тремор. У него дрожали руки. Болезнь, конечно, не такая уж опасная, но она доставляла ему очень много маленьких огорчений. (...) Почерк у него был совершенно невообразимый,— через две недели он сам не понимал того, что написал. (...) Рюмку брал со стола, как медведь, двумя руками, и все-таки рюмка прыгала и вино расплескивалось.

(Л. Пантелеев*)

Каждый автор пытается дать свою характеристику Шварца как человека:

В жизненном поведении Шварца сатирик окрашивал некоторым оттенком иронии серьезность, доброту, лиризм, а умный и добрый человек смягчал уколы сатиры, когда обращал ее к друзьям. (...) Шварц был упрямым, терпеливым и неуступчивым.

(М. Слонимский*)

Шварц был веселым человеком, и тот, кто встретился с ним впервые, получив наслаждение от общения с тонким и изящным умом, мог подумать, что живет с таким человеку, избалованному успехом, легко и приятно.

(Л. Малюгин*)

Евгений Шварц был человеком большого и скромного мужества (...).

(А. Дымшиц*)

Почти все определяют его как настоящего шутника; слово юмор появляется 34 раза, шутка – 41, шутить – 23. По словам его друзей, он не терял чувства юмора даже в тяжелых обстоятельствах:

[Во время блокады Ленинграда] Начался голод. Шварц страшно похудел и почернел, лицо стало одутловатым, походка неверной, но он и тут пошучивал.

— *Вы подумайте, как просто похудеть! А в мирное время чего я не предпринимал!*

(В. Кетлинская*)

[Когда был уже серьезно больным] *вряд ли и водка доставит человеку удовольствие, если пить ее по предписанию врача и покупать в аптеке по рецепту.*

(Л. Пантелеев*)

Меня огорчает, (...) что я легко бросил курить. Значит, организм струсил, стал беречь себя. Предпочитает жить на коленях, некурящим, чем умереть стоя, с папиросой во рту!

(Л. Рахманов*)

По отношению Шварца к работе все согласно говорят, что писатель был трудолюбивым, «постоянно, каждый час и каждую минуту поглощен работой, даже на прогулке, за едой, даже когда шутил или говорил о вещах посторонних...». С другой стороны: «был легко раним (...) критику, даже самую деликатную, воспринимал болезненно, сердился, огорчался, терял чувство юмора». Даже в последние годы жизни, когда пришло признание и деньги, оставался «человеком исключительно скромным».

(...) он никогда не употреблял по отношению к себе слова писатель.

— *Ты знаешь,— говорил он,— сказать о себе «я драматург» я могу. Это — профессия. А сказать: «я писатель» — стыдно, все равно что сказать: «я красавец».* (Л. Пантелеев*)

Воспоминания, помещенные в сборнике *Мы знали Евгения Шварца*, являются интересным материалом. Авторы передают точные данные, пытаются удостоверить свой рассказ, описывая конкретные события, в которых участвовали вместе со Шварцем. Точно определены места и объекты, где бывал Шварц.

Фигура писателя подвергается очевидной идеализации. Как смысловое целое представляют Шварца только положительно. Как человек – он добрый, как писатель – трудолюбивый. Даже в самых тяжелых обстоятельствах не теряет чувство юмора. Всегда ведет себя так, как человек должен себя вести. Если было по-другому – это результат внутренних моральных обязательств. Яркая идеализация влияет на восприятие и достоверность свидетельств. Такой образ не должен удивлять читателей. Во-первых, сборник содержит 18 рассказов, авторами которых являются знакомые и друзья писателя, все – достаточно известные люди. Из этого вытекают некие ограничения; не все аспекты жизни могут быть здесь обсуждены. Рассказы сосредоточены на области творческой деятельности авторов и Шварца. Подтверждает это присутствие слов: пьеса (275), театр (252). Во-вторых, публикация появилась через 8 лет после смерти Шварца, когда жили еще его близкие, родные, например, единственная дочь писателя. Это несомненно оказало влияние на содержание рассказов.

Наконец, следует подчеркнуть, что воспоминания являются очень интересным свидетельством о личности писателя и его времени. Частично можем узнать, кем являлся как человек и как писатель. Воспоминания дают также возможность увидеть участие личности в истории страны, в литературном процессе, а также влияние на жизнь других более или менее известных людей. Однако надо помнить о характере эго-документов и осторожно использовать их в качестве достоверного источника. Авторы воспоминаний могут забывать, преувеличивать или преуменьшать что-то, ошибаться и даже врать.

Используемая литература

- АЛЕВРАС, Н. Н. Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода. In: *История в эго-документах*. Екатеринбург: АсПУр, 2014, с. 41-54. ISBN 978-5-904900-22-8.
- ЗАРЕЦКИЙ, Ю. П. *Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков*, Учебно-научный центр визуальной антропологии и эгоистории. Online. [cit. 16.03.2015]. Dostępne z: <http://visantrop.rsuh.ru/article.html?id=1167089>,
- РУМЯНЦЕВА, М. Ф. Эго-истории и эго-источники: соотношение понятий. In: *История в эго-документах*. Екатеринбург: АсПУр, 2014, с. 33-40. ISBN 978-5-904900-22-8.
- СОКОЛОВ, А. *Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика*. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004. ISBN 5-8243-0577-3
- СУРЖИКОВА, Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость?. In: *История в эго-документах*. Екатеринбург: АсПУр, 2014, с. 7-11. ISBN 978-5-904900-22-8.
- SZULAKIEWICZ, W. Ego-dokumenty i ich znaczenie w badaniach naukowych. In: *Przegląd badań edukacyjnych*. Online. [cit. 16.03.2015]. ISSN 2392-1544. Dostępne z: <http://dx.doi.org/10.12775/PBE.2013.006>
- ЦИМБАЛ, С. Л. *Мы знали Евгения Шварца*. Москва: Искусство, 1966.

Mgr Magdalena Orszewska

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
ul. Kurta Orbitza 1
10-725 Olsztyn
magdalena.orszewska@gmail.com

Магдалена Оршевска – магистр, аспирантка II курса по специальности литературоведение Варминско-Мазурского Университета в Ольштыне (Польша).

Сфера научных интересов: русская литература XX века, теория интертекстуальности, история старообрядчества, аудиовизуальный перевод.

Ум или сердце? «После театра» А. П. Чехова

Артур Садэцки

Abstract:

This article aims to provide an analysis of Chekhov's short story titled *After the Theatre* from the point of view of the conceptual integration theory. In effect, one may observe the way the author examines the notion of hero's freedom, which is expressed as a liberation from old schemes of thinking – “frames” – manifested both in literature and everyday life.

Key words:

conceptual integration, Chekhov, frame, freedom, love;

Рассказ Антона Чехова *После театра* принадлежит к числу наименее изучаемых произведений второго периода творческого пути автора (1887-1898)¹, причем имеется в виду не столько количество голосов, сколько разнообразие мнений. Не вызывающий больших сомнений смысл рассказа выражен первоначальным заглавием в «Петербургской газете» (1892, № 94) – *Радость*. Как пишет Ю. Айхенвальд: «Певец трех сестер знал всю неуловимую отраду жизни, все обаяние молодости, всю негу страсти и любви, неотразимой и непобедимой, и прелесть утра, и наивную красоту (...), и восторженную душу шестнадцатилетней Нади Зелениной, которая вернулась из театра после *Евгения Онегина* и вся дышит искрометным счастьем, вся полна молодого смеха» (Айхенвальд, 2002, с. 750). Рассказчик, внимание которого сосредоточено на состоянии души героини, решает «очистить» художественный мир, отказываясь от каких-либо действий и второстепенных эпизодов. Перед читателем одна Надя. Девушка пытается перенести впечатления от спектакля в свою жизнь и даже начинает писать «такое письмо, как Татьяна» (Чехов, 1974-1982, т. 8, с. 32²), но мысли рвутся, ментальные объекты меняются с большой скоростью. Поражение терпят также попытки самоанализа, душевное состояние не поддается логике размышлений, что в конце рассказа выражено одним эмоциональным восклицанием Нади: «Господи! Господи! Господи!» (Чехов, т. 8, с. 34).

Несмотря на небольшой объем (три страницы в главном собрании сочинений), рассказ содержит огромный смысловой потенциал. Среди объектов внимания героини выделяются, хотя бы, размышления о нравах («В обществе, где холодное высокомерие и равнодушие считаются признаком хорошего воспитания [...], следует прятать свою страсть» (Чехов, т. 8, с. 33)), женский взгляд на мужской мир («Боже мой, как интересны, как обаятельны мужчины!» (Чехов, т. 8, с. 33)) или восприятие искусства, в том числе и приемов повествования («Быть нелюбимой и несчастной – как это интересно! [...] если бы они [Евгений и Татьяна – прим. А. С.] одинаково любили друг друга и были счастливы, то, пожалуй, показались бы скучными» (Чехов, т. 8, с. 32)). Последнее

¹ О такой периодизации см. напр.: Кройчик, 1993, с. 13.

² В дальнейшем цитаты из художественных текстов будут приводиться по тому же изданию с указанием номера тома и страницы.

замечание, как и тот факт, что причиной волнения Нади является произведение искусства – опера, позволяют предполагать, что Чехов предлагает читателю метатематический уровень чтения, размышления о природе самого искусства³. Более того, неслучайно в тексте появляется именно заглавие *Евгений Онегин* – Чехов не ограничивается одним видом искусства и дает возможность обратиться как к литературе, так и к музыке. Последнее позволяет увидеть в рассказе *После театра* слова признания Петру Чайковскому, которого Антон Павлович уважал без никаких оговорок⁴.

В этом «шумном» и «радостном» рассказе доминантой все-таки является персонаж. Несмотря на суть размышлений Нади, важнейшей и интереснейшей частью повествования становятся сами ментальные процессы в уме девушки, направленные на развивающееся чувство; иначе говоря – попытка управлять эмоциями. Оттуда и название статьи – ум или сердце – определяющее столкновение чувств и мыслей. Анализ будет проводиться с учетом когнитивной методологии, в центре внимания которой находятся познавательные процессы.

Интересно, что героиня, поддаваясь впечатлениям, предпочитает действие – сразу же принимается за письмо. Здесь почти незаметная, но все-таки разница между Надей и сотнями других чеховских героев, которые обычно только «сидят и мудрствуют». Возникающая перед глазами девушки новая картина мира позволяет ей сравнить свою жизнь с судьбою Татьяны Лариной. Однако такое сравнение – это не простая концептуальная метафора, в которой судьба пушкинской героини смогла бы найти прямое отражение в жизни Нади Зелениной. В уме героини происходит концептуальная интеграция, возникает новое значение.

Чтобы объяснить термин концептуальная интеграция (по-другому: когнитивный бленд), надо сначала обратиться к теории ментальных пространств Жилия Фоконье⁵. «Для Фоконье связь между языком и миром всегда опосредована человеческим мышлением, ибо то, что мы привычно именуем «действительностью», на самом деле является мысленным представлением говорящего о действительности» (Скребцова, 2011, с. 169). Ментальные пространства – это термин, употребляемый для названия именно мыслительных процессов и представлений, которые находятся «за словами», описывающими действительность. Фоконье добавляет: «ментальные пространства – это модели дискурсивного понимания, которые создаются, уточняются и претерпевают постоянные изменения по ходу коммуникации с присущей им высокой гибкостью» (Скребцова, 2011, с. 169). Присущие им свойства: динамическая структура, конструирование на когнитивном уровне, являются залогом всякого восприятия окружающего мира, общения (коммуникации), т. е., в общем, мышления. Постоянные изменения ментальных пространств делают возможным процесс возникновения в дискурсе нового значения – это тот же процесс концептуальной интеграции.

---

³ Такой потенциал все-таки остается в рассказе, хотя сам автор перед включением текста в издание Маркса вычеркивал некоторые размышления Нади об искусстве. См. *Примечания* в: Чехов, т. 8, с. 437.

⁴ Из письма А. Суворину 15 октября 1889 г.: «Вчера был у меня П. Чайковский, что мне очень польстило: во-первых, большой человек, во-вторых, я ужасно люблю его музыку, особенно *Онегина*», (Чехов, 1974-1983, т. 3, с. 264).

⁵ Впервые в: Fauconnier, 1985.

На основании собственной теории Фоконье, вместе с Марком Тернером, создал теорию когнитивного бленда. По мнению ученых, новое понятие возникает в процессе концептуальной интеграции: «Ее суть заключается в том, что структуры исходных (*input*) ментальных пространств отображаются на новое, конструируемое, ментальное пространство – так называемый бленд. Бленд не тождествен ни одному из исходных пространств и не является простой суммой элементов, а представляет собой новое ментальное пространство со своим значением» (Скребцова, 2011, с. 176). Существуют разные правила отображения элементов в исходных пространствах, напр. «при построении бленда некоторые общие элементы исходных пространств и аналоги ‘сплавляются вместе’ (*fused*), другие – нет» или «проекция из исходных пространств является выборочной» (Скребцова, 2011, с. 179). Остановимся здесь на общих чертах теории⁶ и постараемся представить ее практическое применение в литературном анализе.

Надя Зеленина знает, что в нее влюблены два человека – офицер Горный и студент Груздев. Девушка решает написать первому письмо, подобное признанию в любви Татьяны Лариной. Здесь можно тщательно проследить механизм концептуальной интеграции. Первое исходное пространство – это судьба Татьяны, второе – жизнь Нади. Наступает выборочная проекция, сплавляются такие элементы ментальных пространств, как девичество, письмо, нужда высказаться на тему чувств. Концептуальная интеграция отличается от метафоры тем, что, как мы могли уже заметить, не все элементы исходных пространств находят свои аналоги и поэтому не появляются в возникающем бленде. Здесь примером такого элемента будет, с одной стороны, нравственный обычай эпохи. Первая половина XIX века отличалась тем, что женщине необходимо было как можно скорее выйти замуж. Татьяна пишет письмо по любви, но решает на такой шаг уже в очень юном возрасте (13 лет⁷), что соответствует правилам «света». Надя – героиня почти другой эпохи, в которой прежние отношения между людьми теряют значение. В эмансипированном мире конца XIX века мысль о ранней любви – это скорее романтический мотив, чем общественная норма. Но это не все – новое положение Нади, т.е. возникающий бленд, характеризуется отсутствием ясно и точно определенного чувства, т.е. любви к мужчине, которая доминирует в жизни Татьяны.

Как это происходит – сначала надо обратить внимание на адресата письма. Онегин не любил Татьяну, зато Горный и Груздев влюблены в Надю⁸. Здесь опять появляется новое качество – хотя повторяется история с письмом, оно содержит контрастную тему: у Татьяны – признание, у Нади – отказ от любви. Надя смело употребляет штамп («в вашей жизни я буду только помехой» (Чехов, т. 8, с. 32) и т.п.) обращаясь к Горному, чтобы почувствовать то, чего участником была Татьяна («Быть нелюбимой и несчастной – как это интересно!» (Чехов, т. 8, с. 32)). Она даже пытается подружить Горного и Груздева (наверное, имеется здесь в виду дружба Онегина и

---

⁶ Подробную информацию на тему концептуальной интеграции можно найти в книге: Libura, A.: *Teoria przestrzeni mentalnych i integracji pojęciowej. Struktura modelu i jego funkcjonalność*, Wrocław: WUW, 2010. Здесь помещены компактные сведения, соединяющие разные заключения из последующих этапов развития теории бленда, внимание уделяется также противникам теории Фоконье и Тернера.

⁷ Один из вариантов возраста Татьяны.

⁸ Читатель уверен в любви Горного, т.к. в памяти Нади возникает сцена признания в любви в симфоническом собрании. О любви Груздева можно узнать только из «ощущения» Нади.

Ленского). Но при мысли о Груздеве Надя внезапно решает поменять адресата письма (ведь – «Груздев тоже любит ее [...] он имеет такое же право на ее письмо, как и Горный» (Чехов, т. 8, с. 33)). Новая идея Нади на самом деле становится шуткой по отношению к судьбе Татьяны, смысл жизни которой опирался именно на постоянство взглядов и чувств.

Отношение Нади к Горному (прямо не определенное) заменяется «чувством» к Груздеву, но к нему героине не хочется уже писать, так как порыв радости волнами заливают ее душу и она уже не в состоянии сосредоточить постоянное внимание на одной мысли. Здесь и падают ключевые слова: «Нет, буду лучше любить Груздева – решила Надя и разорвала письмо» (Чехов, т. 8, с. 34). О правах любви («сердца» – того, которое воспевают все поэты мира) героиня пытается решать посредством умственного заключения, что противно традиционному, естественному восприятию читателя. Таким образом, **возникающий бленд показывает молодую женщину, которая играет чувствами, пытаясь подражать трагедии литературного персонажа.** В произведении перед читателем возникает новое значение – это уже не прежняя Надя, которая, подразумевается, знала о чувствах мужчин, но не приняла никакого решения, но также не копия персонажа из *Евгения Онегина*. Именно теперь можно увидеть пользу, которую несет использование в литературоведении концептуальной интеграции, которая в состоянии выяснить больше, чем хотя бы обычная метафора.

Все-таки остаются еще существенные вопросы. Как оценить поведение персонажа? О чем на самом деле говорит Чехов? Рассказ *После театра* несомненно принадлежит к зрелому этапу в творчестве писателя, который характеризуется специфическим отношением к читателю. «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам» (Чехов, 1974-1983, т. 4, с. 54) – писал Чехов, определяя свой особенный творческий замысел. Х. Шталь уточняет: «В конце 1880-ых годов Чехов разработал особенную технику повествования, отличающуюся недосказанностью, эллиптичностью и контингентностью (...). Уменьшение аукториальных признаков и усиление персонального повествования почти не дают точек опоры для оценки и объяснения действий персонажей кроме тех, которые всплывают в данный момент в их собственном сознании. Таким образом, рассказы Чехова приобретают качество открытости смысла, делающей возможным множество их интерпретаций» (Шталь, 2010, с. 118). На самом деле, *После театра* служит образцом авторской техники повествования. С одной стороны, рассказ дает основания для критической оценки поведения персонажа: здесь же кокетство, некая ложь, странное признание для несчастья литературного героя. Однако Чехов вводит одно коротенькое выражение, которое меняет точку зрения и придает произведению тот же отпечаток многозначности: «Ей было только шестнадцать лет» (Чехов, т. 8, с. 32). Определение возраста, которое в похожем виде повторится в известном *Студенте*⁹, позволяет говорить как о «детских капризах» Нади, так и о психологии созревающей души. Мы хотим сосредоточить внимание именно на том, что находится с другой стороны – на поисках положительной интерпретации.

---

⁹ См.: «ему было только 22 года» (Чехов, т. 8, с. 309).

Несомненно, Чехов нашел свою «общую идею», которая отразилась на его творческой деятельности в целом – это свобода. Сам автор писал: «Я хотел бы быть свободным художником и — только (...). Мое святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались» (Чехов, 1974-1983, т. 3, с. 11). Принципы повествования автора *Черного монаха*, приведенные нами выше, являются также признаком уважения свободы читателя – перед ним предстает возможность выбора, он решает о самом близком для себя смысле рассказа. Ведь интерпретация, навязываемая автором – это проявление лжи, о которой Чехов говорил в своем письме. Свобода – это и главный вопрос, который ставит писатель перед своим героем.

Радость Нади – это чистое, настоящее чувство. Самая популярная интерпретация рассматривает образ героини и ее состояние в феноменологическом ракурсе. Однако Надя еще не способна к такому самоанализу – она ищет рационального оправдания для своей радости, поэтому прибегает к концептуальной интеграции; нужда понять сначала оказывается для нее сильнее, чем просто почувствовать, быть. Возникающий бленд, как мы уже заметили, отличается от строя жизни героини и не совсем похож на судьбу Татьяны. Чувствуется в этом ложь, эта же ложь, с которой Чехов боролся в литературе и жизни. Надя, подсознательно ощущая тупик, к которому ведет ее ментальный процесс, плачет и употребляет в письме Горному очередной штамп: «Мне тяжело оставить маму и брата, а то бы я надела монашескую рясу и ушла, куда глаза глядят. А вы бы стали свободны и полюбили другую. Ах, если бы я умерла!» (Чехов, т. 8, с. 32-33). Это заключение явно не соответствует настроению девушки, поэтому она не в состоянии продолжать письмо. Вспыхивающие эмоции мешают Наде в последовательном, логическом мышлении. Она предпринимает еще одну попытку писать письмо Груздеву, но эмоциональное состояние уже полностью одолевает ее. «Письмо остается ненаписанным»¹⁰ и это, на самом деле, победа персонажа. Высокопарно говоря: правда сердца оказывается сильнее умственной лжи, Надя Зеленина является (в некой степени забытым исследователями) потенциалом развития положительного героя в творчестве Чехова. Сам автор дает похожие намеки, наделяя персонажа именем Надежда и говорящей фамилией – «зеленый цвет становится у Чехова символом надежды во всевозможных контекстах, причем смысл символа приобретает (...) даже фамилия *Зеленина*» (Фрайзе, 2012, с. 341).

Победа над ложью происходит путем вторжения всепоглощающего чувства в обыденную жизнь. Если считать, что эмоции героини – это каприз, рассказ превратился бы в ироническую шутку. Однако тот факт, что, хотя бы, история Нади очень похожа на представление судьбы Ивана Великопольского в загадочном и ключевом произведении Чехова – *Студент*¹¹ – позволяет предпочитать иную трактовку рассказа, т. е. внимание и уважение Чехова к тому, что находится вне рационального восприятия.

---

¹⁰ Катаев, 2011, с. 279. Интересно, что этот факт рассматривается в данной книге в контексте провала коммуникации.

¹¹ См.: Шталь, 2010; В глаза бросается м. проч. возраст героев, вдохновение чужой историей (в *Студенте* – святого Петра) и необычное у зрелого Чехова чувство радости.

Автор *Смерти чиновника* сказал: «Пишущим людям, особенно художникам, пора уже сознаться, что на этом свете ничего не разберешь, как когда-то сознался Сократ и как сознавался Вольтер. Толпа думает, что она все знает и все понимает; и чем она глупее, тем кажется шире ее кругозор. Если же художник, которому толпа верит, решится заявить, что он ничего не понимает из того, что видит, то уж это одно составит большое знание в области мысли и большой шаг вперед» (Чехов, 1974-1983, т. 2, с. 280-281). Эти весомые, полные истины слова являются настоящей проблемой, «испытанием» для, в первую очередь, исследователей литературы. Кажется, Чехов ставит под сомнение принципы логического, рационального мышления, главное орудие не только литературоведения, но всей науки вместе. Конечно, надо помнить о *stricte* художественном контексте, в котором эти слова были употреблены. Автор в этом же письме говорил: «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем» (Чехов, 1974-1983, т. 2, с. 280). Это и есть выражение одного из главных литературных принципов Чехова: лишь «*правильная постановка вопроса*» (Чехов, 1974-1983, т. 3, с. 46). Писатель ставит вопрос о человеке, но знает, что чистый ум не в состоянии выяснить его природу. Чехов не сомневается в мышлении, но пытается показать, что кроме логики в процессе восприятия мира участвуют эмоции, ощущения, генетические склонности, подсознательные ментальные процессы и проч. В. Линков замечает: «Писатель хочет сказать, что нельзя, будучи сторонним наблюдателем, постичь истину. Необходима самостоятельная упорная духовная деятельность, неустанная работа мысли, вытекающая из сознания, что никто не обладает готовой истиной, которую можно получить в виде подарка» (Линков, 1995, с. 22). Опять возвращаемся к свободе, которая теперь оказывается и призывом, единственным путем постижения истины. На этом пути человеку служит не только логический склад ума, но и «духовная деятельность». Начало такого пути показано на примере Нади.

В когнитивистике существует понятие «фрейм» (*frame*). Это «ментальная репрезентация обстоятельств, в которых содержится актуальный контекст» (Stockwell, 2006, с. 219. Перевод – А. С.). Термин «фрейм» намного шире ментального пространства, этим понятием обозначены не только текущее состояние дискурса, но и ментальная сфера знаний, нечто похожее на «когнитивную область» Р. Лангакера¹². На уровне литературного текста теория фрейма позволяет лучше понять соревнование Надиных ума и сердца. Для девушки ее состояние представляется совсем новым, она впервые ощущает такой подъем чувств. Не знает точно, что ей делать, поэтому предпринимает попытку рационализации. Девушка сначала употребляет ментальное пространство, в котором показана жизнь Татьяны. Это же фрейм (если он хорошо закреплен в памяти), или часть фрейма, касающегося либо произведения (*Евгений Онегин*), либо, еще шире, литературного героя. Надя пока не сдается, продолжает писать письмо, но «мысли ее путались, а радость все росла и росла» (Чехов, т. 8, с. 33). Чувство начинает выражаться физически: «Плечи ее задрожали от тихого смеха» (Чехов, т. 8, с. 34). В этот момент Надя опять пытается найти рациональное обоснование, употребляя фрейм шутки: «Она была

---

¹² «Когнитивная область (*cognitive domain*) – сфера знаний, представлений или ощущений, к которой отсылает соответствующее слово» (Скребцова, 2011, с. 135).

не в силах остановить этого смеха и, чтобы показать самой себе, что она смеется не без причины, она спешила вспомнить что-нибудь смешное» (Чехов, т. 8, с. 34). Читателю легко понять девушку, ведь смех без причины является даже симптомом болезни. Но все ментальные попытки Нади кончаются неудачей, одолевает ее волна эмоций:

«Она стала думать о студенте, об его любви, о своей любви, но выходило так, что мысли в голове расплывались и она думала обо всем: о маме, об улице, о карандаше, о рояле... Думала она с радостью и находила, что все хорошо, великолепно, а радость говорила ей, что это еще не все, что немного погода будет еще лучше. Скоро весна, лето, ехать с мамой в Горбики, приедет в отпуск Горный, будет гулять с ней по саду и ухаживать. Приедет Груздев. Он будет играть с нею в крокет и в кегли, рассказывать ей смешные или удивительные вещи. Ей страстно захотелось сада, темноты, чистого неба, звезд. Опять ее плечи задрожали от смеха и показалось ей, что в комнате запахло полынью и будто в окно ударила ветка» (Чехов, т. 8, с. 34).

Наиболее подходящее определение для данного описания – это «жизнерадостный». Вот что значит радоваться жизни – это соединение душевно-эмоциональных реакций и когнитивного процесса. Здесь уже нет категорического диктата одного фрейма, который должен объяснить природу чувства – здесь целый калейдоскоп быстро меняющихся картин мира, ментальных пространств, фреймов, которые впервые начинают подчиняться эмоциям. Сердце не столько побеждает, сколько находит временный полный симбиоз с умом.

Последняя сцена рассказа показывает Надю в момент очередного колебания: «Она пошла к себе на постель, села и, не зная, что делать со своей большою радостью, которая томила ее, смотрела на образ, висевший на спинке ее кровати, и говорила: - Господи! Господи! Господи!» (Чехов, т. 8, с. 34). Опять Чехов позволяет читателю найти свою трактовку. Можно здесь увидеть переход, на манер Платона, от действительности до идеала или пробуждение религиозных чувств, но в контексте целого творчества Чехова настоящая интерпретация не находит оправдания. Скорее всего – это очередной сигнал открытости художественного мира, судьба Нади не завершается, свобода и выбор все время стоят на ее пути, процесс решения никогда не исчерпывается, о чем должен помнить и читатель. Но в данном произведении Чехов дает ему Надежду (*nomen omen*). Героиня начинает свой путь «самостоятельной упорной духовной деятельности» при помощи отрицания готовых, чужих фреймов и в этом самый большой намек на то, что такое свобода.

Используемая литература:

- FAUCONNIER, Gilles. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages*. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. ISBN 0-521-44949-9.
- LIBURA, Agnieszka. *Teoria przestrzeni mentalnych i integracji pojęciowej. Struktura modelu i jego funkcjonalność*. Wrocław: WUW, 2010. ISBN 978-83-229-3171-4.
- STOCKWELL, Peter. *Poetyka kognitywna. Wprowadzenie*. Перевод: Anna Skucińska. Kraków: Universitas, 2006. ISBN 83-242-0713-9.
- АЙХЕНВАЛЬД, Юлий. *Чехов In.: А. П. Чехов: Pro et Contra*, ред. Д. К. Бурлака, т. 1. Санкт-Петербург: РХГИ, 2002. с. 722-785. ISBN 5-88812-112-6.

- КАТАЕВ, Владимир (ред.). *А. П. Чехов, Энциклопедия*. Москва: Просвещение, 2011. ISBN 978-5-09-019741-0.
- КРОЙЧИК, Лев. *Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова*. Воронеж: ВГУ, 1993. Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук.
- ЛИНКОВ, Владимир. *Скептицизм и вера Чехова*. Москва: МГУ, 1995. ISBN 5-211-03012-5.
- СКРЕБЦОВА, Татьяна. *Когнитивная лингвистика: Курс лекций*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2011. ISBN 978-5-8465-1037-1.
- ФРАЙЗЕ, Маттиас. *Проза Антона Чехова*. Перевод. В. А. Андреевой, Е. А. Гончаровой. Москва: Флинта, Наука, 2012. ISBN 978-5-9765-1330-3.
- ЧЕХОВ, Антон. *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Письма в 12-ти томах*. Москва: Наука, 1974-1983.
- ЧЕХОВ, Антон. *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения в 18-ти томах*, Москва: Наука, 1974-1982.
- ШТАЛЬ, Хенрике.: *Нерассказанный рассказ, или открытая тайна чеховского «Студента»*. In.: *Образ Чехова и чеховской России в современном мире. К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова*, сост. В. Б. Катаев, С. А. Кибальник. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2010. с. 118-126. ISBN 978-5-9676-0340-2.

mgr Artur Sadecki

аспирант, ассистент – Кафедра русской литературы и культуры XVIII-XIX в., Университет Марии Склодовской-Кюри в Люблине (Польша)

artur.sadecki@poczta.umcs.lublin.pl

Научные интересы: когнитивная поэтика и нарратология, творчество А. П. Чехова, А. И. Куприна, И. А. Гончарова. Магистерская работа: Психология любви в русских романах XIX века (Рудин И. С. Тургенева и Обломов И. А. Гончарова). В подготовке диссертация на тему когнитивных аспектов прозы А. П. Чехова.

Взаимодействие натурализма и сентиментализма в повести Л. Петрушевской *Время ночь*

Ханна Пухало

Abstract:

Subject of this article is analysis of Lyudmila Petrushevskaya's controversial novella, *The Time: Night*. Main subject of analysis are relations of mother and her children, from sentimentalism and naturalism point of view.

Key words:

modern russian literature; L. Petrushevskaya; *The Time: Night*; naturalism; sentimentalism.

Как воскликнула одна библиотекарша:
«Как я вас люблю, Людмила Стефановна!
Но читать не могу».
Л. Петрушевская

Проблема взаимосвязи сентиментализма и натурализма выдвигается в литературе не впервые. Применительно к прозе XIX века об этом писали ещё А. А. Григорьев, В. В. Виноградов, М. М. Бахтин¹. На первый взгляд, повесть Л. Петрушевской *Время ночь* принадлежит к натуралистическому течению. О его присутствии свидетельствует уже сама форма повествования с присущими натурализму документальностью, фактографичностью, стремлением передать манеру языка. Натуралистический дискурс отчётливо выражается на лексическом, пространственно-временном и концептуально-философском уровнях произведения. С ним связана одна из ключевых идей творчества Петрушевской – о природой заложенной циклической замкнутости существования, о западне жизни².

Тема взаимоотношений матери с детьми приобретает в повести *Время ночь* исключительно противоречивый, резко-конфликтный характер, что, соответственно, является причиной появления сентименталистского дискурса. Взаимопроникновение сентиментализма и натурализма у Петрушевской происходит зачастую на уровне одной фразы героини.

Ночами, только ночами я испытывала счастье материнства. Укроешь, подоткнёшь, встанешь на колени... Им не нужна была моя любовь. Вернее, без меня бы они сдохли, но при этом лично я им мешала. Парадокс!³

Связь между двумя течениями осуществляется по принципу оксюморона, что объясняется тем, что чувство, объединяющее мать и её детей, – любовь в детстве и

---

¹ Т. Прохорова, *Проза Л. Петрушевской как система дискурсов*, Казань 2008, с. 17.

² Там же.

³ Л. Петрушевская, *Время ночь*, <http://www.litkarta.ru/russia/moscow/persons/petrushevskaya/-vremia-noch/>, 22.02.2015.

ненависть во взрослой жизни – требует соответствующего способа выражения, поэтому необходим не один «язык», а сразу два. И тот, и другой способствуют психологическому раскрытию образа главной героини. Её речь риторически насыщена, изобилует контрастными сочетаниями ужаса и восторга в отношении своих детей и внуков, а слова «плач», «слёзы» принадлежат к числу наиболее частотных⁴. Со всеми своими родными людьми Анна Андриановна находится в разных отношениях: естественно, она любит своих детей, однако в их взрослой жизни она занимает место «дуры», «сволочи», «сумасшедшей матери», а единственным существом, нуждающимся и поглощающим всецело её материнскую любовь, становится первый внук Тимочка, который называет её и «ба», и «мама» одновременно.

Я плотски люблю его, страстно. Наслаждение держать его тонкую, невесомую ручку, видеть его синие круглые глазки с такими ресницами, что тень от них, как писала моя любимая писательница, лежит на щеках – и где попало, добавлю я. Даже на стене, когда он сидит в кровати под лампой. Грубые, загнутые, густые ресницы. О веера! Родители вообще, а бабки с дедами в частности, любят маленьких детей плотской любовью, заменяющей им всё⁵.

Что же касается второй внучки, рождённой старшей дочерью Алёной (ещё студенткой) от уже другого отца, женатого мужчины, то Анна Андриановна не только брезгует этой девочкой, но и вообще не воспринимает как свою.

И эта в коляске, ее прибудная, тоже проснулась и зашлась в крике, а моя грудастая, плечистая дочь тоже кричит: ты даже на внучку родную не хочешь посмотреть, а это ей, это ей! И, крича, выложила все суммы, на которые живет. Вы здесь типа того проживаете, а ей негде, ей негде!⁶

Повесть *Время ночь* не только отражает отношения матери и детей, но и представляет своеобразную схему семьи в целом. По словам Т. Мелешко, в этих социальных условиях мужчины зачастую превращаются в депривированных субъектов и появляется новая разновидность семьи – женская⁷. Перед читателем разворачивается необратимый процесс маскулинизации женщины, погибающей и несущей погибель.

...моя мать сама хотела быть объектом любви своей дочери, то есть меня, чтобы я только ее любила, объектом любви и доверия, это мать хотела быть всей семьей для меня, заменить собою все, и я видела такие женские семьи, мать, дочь и маленький ребенок, полноценная семья! Жуть и кошмар. Дочь зарабатывает, как мужик, содержит их, мать сидит дома, как жена, и укоряет дочь, если она не приходит домой вовремя, не уделяет внимания ребенку, плохо тратит деньги и т. д., но в то же время мать ревнует дочь ко всем ее подругам, не говоря

---

⁴ Т. Прохорова, *Проза Л. Петрушевской...*, с. 18-19.

⁵ Л. Петрушевская, *Время ночь...*

⁶ Там же.

⁷ Т. Мелешко, *Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте*, http://www.a-z.ru/women_cd1/html/br_gl_2.htm, 22.02.2015.

уже о мужиках, в которых мать точно видит соперников, и получается в результате полная мешанина и каша, а что делать?⁸

Как было отмечено выше, характерные для натурализма замкнутость, повторяемость, цикличность, а в данном случае, несомненно, и наследственность выходят на первый план в построении семейной жизни. Таким образом, разведённая в своё время с мужем Анна Андриановна, ставшая матерью-одиночкой с двумя детьми, проживающая вместе со своей матерью Серафимой, которую ненавидит и упрекает в своих семейных проблемах, вдруг по истечении лет сама оказывается обвиняемой в несчастьях собственной дочери, разбившей её семью. Особенно интересным является тот факт, что когда-то Анна Андриановна отправила свою престарелую мать в психбольницу, а теперь её старшая дочь Алёна называет её сумасшедшей и насмехается над ней с мужем и друзьями. Сходством в судьбах матери и дочери является даже то, что обе связывают свою жизнь с мужчинами абсолютно похожими по характеру, т.е. неработающими, ленивыми, сидящими на шее у жён. Следовательно, отношения между этими мужьями и их тещами также совпадают на протяжении двух поколений. Даже не смотря на прошедшие годы, на прожитые трудности ни Анна, ни её дочь Алёна не изменили лелеющего отношения к своим бывшим мужьям. Они всё равно вспоминают их, всё равно оправдывают. Однажды, найдя дневник дочери, в котором были описаны её отношения с разными мужчинами, секреты от матери, переживания связанные с беременностью, Анна наткнулась на следующее:

Он меня одел, высушил мне голову феном, а я опять начала плакать в горячке, как будто бы я прощалась с отцом, как тогда, когда папа уходил от нас навсегда и я цеплялась за его колени, а мать меня в бешенстве отрывала, улыбаясь и говоря: «Что ты, девочка, перед кем ты, а ты уходи, чтобы духу твоего» и т. д. (Нашла кого с кем сравнивать, родного отца с этим... с отцом Кати приبلудной... – А.А.)⁹.

Психологическое объяснение совмещения в повести Петрушевской сентиментализма и натурализма можно найти у З. Фрейда. Объясняя феномен любви-ненависти, он проводит аналогию с людоедом, который пожирает не только своих врагов, но и людей, которых любит¹⁰. Таким образом, как только дети выходят за границы материнского пространства, они сразу становятся чужими, между ними возникает враждебность. При этом меняется и речевая ситуация главной героини: натуралистический дискурс вытесняет сентименталистский¹¹. В данном случае наладить отношения Анна Андриановна пытается двумя способами: либо пытается присвоить себе тех, кого любит, либо выстраивает новую стену, не оставляя никакой надежды детям.

---

⁸ Л. Петрушевская, *Время ночь...*

⁹ Л. Петрушевская, *Время ночь...*

¹⁰ Т. Прохорова, *Диалог с Фрейдом в современной русской литературе* [в:] *Русская литература в мировом и образовательном пространстве. Материалы конгресса*, Санкт-Петербург 2008, с. 200-208.

¹¹ Т. Прохорова, *Проза Л. Петрушевской...*, с. 19.

Эта ревность у неё [Алёны] была в детстве, потом прошла, потом они [дети] вроде бы даже говорили ночами на кухне в юности, отвергнув меня, которая с радостью бы послушала их молодые разговоры и приоткрывала дверь своей комнаты, но! Кухня была плотно запечатана, как их души¹².

Анализируя проявления сентиментализма и натурализма на примере повести *Время ночь*, можно проследить за жизнью обычной женщины, которая из любящей превращается в убивающую. В финале Анна оказывается сама виной своей гибели, а в списке покинувших её людей стоит и её собственное имя: *Живые ушли от меня. Алёна, Тима, Катя, крошечный Николай тоже ушёл. Алёна, Тима, Катя, Николай, Андрей, Серафима, Анна, простите слёзы*¹³. Рукопись обрывается на полуслове: героиня, «уничтожив» всё живое вокруг себя, подписывает смертный приговор и себе.

Проза Петрушевской в целом отличается не столько сентиментальными любовными сюжетами и не идеологической направленностью, а глубиной и драматизмом исследования реальных человеческих судеб в условиях советской и «постсоветской» жизни¹⁴. Писательница поднимает те вопросы, которые обычно литература обходит стороной: алкоголизм, случайные связи, сиротство, отсутствие места жительства... Её произведения не позволяют читателю окунуться к какой-то новый интересный захватывающий мир, а погружают его ещё глубже в серую повседневность с её неразрешимыми проблемами. Может, именно поэтому, в своей автобиографии *Маленькая девочка из «Метрополя»* Петрушевская вспоминает слова, сказанные в шутку знакомой библиотечаршей, подчёркивая тем самым осведомлённость принятия своих произведений читателями: *Как я вас люблю, Людмила Стефановна, но читать не могу!*¹⁵ С полной уверенностью можно сказать, что даже если её произведения трудно читать, то ещё труднее забыть. Может именно поэтому процитированная фраза библиотечарши выражается одновременно в любви к автору, невозможности не думать о ней, и дистанции, нежеланием окунуться ещё раз в специфический художественный мир Петрушевской.

Используемая литература

- МЕЛЕШКО, Т. *Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте* [online], Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2001, [cit. 2015-02-22]. Dostupné z: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/br_gl_2.htm.
- МОНГУШ, Е. Идейно-эстетическое своеобразие русской постмодернистской прозы 70-90 гг. XX века: творчество Л. Петрушевской в критике данного периода. *Мир науки, культуры, образования*. (4)2010. ISSN 1991-5497.

---

¹² Л. Петрушевская, *Время ночь*...

¹³ Там же.

¹⁴ Е. Монгуш, *Идейно-эстетическое своеобразие русской постмодернистской прозы 70-90 гг. XX века: творчество Л. Петрушевской в критике данного периода*, «Мир науки, культуры, образования», 4/2010, с. 38.

¹⁵ Л. Петрушевская, *Маленькая девочка из «Метрополя»*, http://www.imwerden.info/belousenko/books/Petrushevskaya/petrushevskaya_metropol.htm, 01.05.2015.

- ПЕТРУШЕВСКАЯ, Л. *Время ночь* [online]. Москва: Вагриус, 1999, [cit. 2015-02-20]. Dostupné z: <http://www.litmir.co/bd/?b=21839>.
- ПЕТРУШЕВСКАЯ, Л. *Маленькая девочка из «Метрополя»* [online]. Москва: Амфора, 2006, [cit. 2015-05-01]. Dostupné z: http://www.imwerden.info/belousenko/books/Petrushevskaya/petrushevskaya_metropol.htm.
- ПРОХОРОВА, Т. Диалог с Фрейдом в современной русской литературе. In: *Русская литература в мировом и образовательном пространстве. Материалы конгресса*, Санкт-Петербург: МИРС, 2008. ISBN 5-978-5-91395-021-5.
- ПРОХОРОВА Т. *Проза Л. Петрушевской как система дискурсов*. Казань, 2008.

Ханна Пухало

студентка магистратуры русской филологии Щецинского университета
71-121 Szczecin, ul. Witkiewicza 39/36
puchala.hanna@gmail.com

Ханна Пухало родилась в 1993 году в городе Пинске (Беларусь). Окончила среднюю школу с золотой медалью, многократно побеждала в олимпиадах по русскому и белорусскому языку, в литературных конкурсах, представляла научные работы в области литературы. В 2010 году поступила в Щецинский университет в Польше на факультет польской филологии. Окончив первый факультет, продолжила учёбу на втором факультете - русской филологии. Интресуется русской, польской и белорусской современной литературой и славянскими языками, сама пишет и публикует свои литаратурные произведения в белорусской периодике.

Z povídky Tma Leonida Andrejeva jako reakce na novelu Zápisky z podzemí F. M. Dostojevského

Barbora Škrétová

Abstract:

The literary works of Leonid Andreyev reminds in many ways of the literary output of Dostoyevsky and some literary scholars consider Andreyev's works even as a certain continuation of the imaginary and the subsequent development of unrealized creative ideas of Dostoyevsky. This assertion will be proved on the basis of a comparative approach on the story Darkness by Leonid Andreev and novella Notes from Underground by Dostoyevsky. Firstly, the novella by Dostoyevsky will be presented to be followed by a brief analysis of the already mentioned story by Leonid Andreyev. On this particular basis the comparative approach itself will be introduced showing certain elements of continuity between the literary works of Dostoyevsky and Leonid Andreyev.

Key words:

Leonid Andreyev, F. M. Dostoyevsky, comparative approach, brothel, soul

Tvorba Leonida Andrejeva v mnoha ohledech připomíná tvorbu F. M. Dostojevského a některými literárními vědci je na díla Andrejeva dokonce nahlíženo jako na pomyslné pokračování a následný rozvoj neuskutečněných tvůrčích myšlenek Dostojevského. «По содержанию и характеру своего творчества, по своим замыслам, по жажде мучить себя, по тяготению к раздвоенной личности, по своему художественному темпераменту, по своей писательской манере, по стремлению свести жизнь человека к формуле «человек проклят» Леонид Андреев ближе всего и роднее всего Ф. М. Достоевскому, творцу Ивана Карамазова, Версилова из *Подростка*, Ставрогина из *Бесов*. От некоторых произведений Леонида Андреева, например *Мысль*, *Мои записки*, *Тьма* и драмы *Не убий* так и веет достоевщиной – *Записками из подполья*, романом *Братья Карамазовы* (Львов-Рогачевский, 50–51, 1923). Sám Andrejev přitom popíral výrazný vliv Dostojevského. «Когда его спрашивали о том, кто из художников более других влиял на него, он ответил: «Как на художника оказали и оказывают влияние: Библия, Гаршин, Чехов, Толстой, Э. Поэ и очень мало Достоевский» (Львов-Рогачевский, 51–52, 1923).

Vliv Dostojevského, který si Andrejev osobně nechtěl připustit, lze vysvětlit hned ze dvou hledisek. Za prvé, se jedná o podobné životní zkušenosti a z nich plynoucí zážitky. Jak Leonid Andrejev, tak i F. M. Dostojevskij prožili na vlastní kůži předsmrtnou hrůzu, která člověka pohltí posledních pár chvil před smrtí. Oba dva zažili ten moment, kdy člověku před očima proběhne ve vteřině celý jejich život se všemi chybami, které v něm udělali. Leonid Andrejev se dokonce třikrát pokusil o sebevraždu (poprvé si lehl pod vlak, podruhé se střelil revolverem, potřetí se bodl nožem do hrudníku). Touha žít byla nejspíš silnější než touha zemřít a tak Leonid Andrejev přežil tři pokusy o sebevraždu a zemřel až několik let poté, ve svém domě za finskými hranicemi, na selhání srdce. Naproti tomu, osud Dostojevského je všem více než dobře znám. Pocity, které prožil, a myšlenky, které mu proběhly hlavou, když stál na popravišti a čekal na smrt, když najednou dorazilo oznámení od cara, že se trest smrti zaměňuje za vyhnanství, měly nesmírný vliv na jeho následující tvorbu. Žádný z umělců, spisovatelů, který si neprošel podobným zážitkem a neprožil na vlastní kůži hrůzu, která člověka ovládne

při blížícím se konci, nikdy nedosáhne tak realistického popisu stavů, myšlenek, záchvatů a počínání lidí na pokraji smrti, jakými obohatili světovou literaturu tito dva autoři. Neboť jen ti, co si tento děs prožili, se mohou pokusit předat své pocity. Za druhé, bychom neměli opomenout podobné sociální prostředí, ze kterého oba autoři vzešli, a které mělo nevýslovný vliv na jejich tvorbu. Ve svých dílech nejenže zobrazují sociální prostředí, ve kterém Andrejev i Dostojevskij sami vyrůstali, ale i jejich hrdinové vnímají okolní svět z pohledu lidí, náležícím k tomuto prostředí. Podobné sociální zázemí poskytlo oběma autorům stejnorodý materiál, který následně využili ve své tvorbě.

«У Достоевского бывали мгновения, когда вся душа уходила во внутри и, обогрившись кровью и желчью, выливалась (...) так родилось произведение *Записки из подполья*. (...) И когда читаешь ее, и когда думаешь о ней и переживаешь ее, чувствуешь невыразимый восторг и огромное нечеловеческое страдание души. (...) Ведь это не книга, ведь это не слова: здесь вылилась в страшных воплях вся душа» (Закржевский, 1–2, 1911).

Podle Alexandra Zakrževského (3, 1911) má duše každého z nás své „podzemí“, do kterého sestoupí, když už není kudy kam. V podzemí se schovávají duše lidí, pro které osud připravil život plný strádání a strachu, duše bláznů, snílků, lidí, kteří neúnavně hledají absolutní hodnoty, jedinou pravdu. Pro všechny tyto duše slunce přestalo svítit a ony se dobrovolně pohroužily do, pro ně srozumitelnější, tmy.

Do podzemí se dostala i duše hlavního hrdiny ze *Zápisů z podzemí*, člověka zakřiknutého a ustrašeného, který si je na jednu stranu vědom své nicotnosti, na stranu druhou si užívá chvíle, kdy se může cítit důležitým – jako příklad můžeme uvést vztah a chování k jeho sluhovi. Poté, co se vetře do společnosti svých bývalých spolužáků, kteří jdou společně na oběd, a kteří nejsou jeho přítomností nijak nadšeni, je hlavní hrdina následuje i do veřejného domu, byť oběd skončil fiaskem a došlo k ošklivé hádce. Do nevěstince dorazí až tehdy, kdy už jsou všichni jeho spolužáci na pokojích, jeho plán, dát facku tomu, který ho nejvíce urazil, nevyšel, vybere si tedy dívku a odejde s ní na pokoj, kde usne. Když se probudí, začne dívce vykládat o odpornosti a nechutnosti jejího počínání, radí jí zanechat řemesla, pokud nechce za pár let zemřít, úplně zničená.

«Ты вот теперь молода, хороша, свежа – тебя во столько и ценят. А через год этой жизни ты не то уж будешь, увянешь. – Через год? Во всяком случае, через год тебе будет меньше цена, продолжал я с злорадством. Ты и перейдешь отсюда куда-нибудь ниже, в другой дом. Еще через год – в третий дом, все ниже и ниже, а лет через семь и дойдешь на Сенной до подвала» (Достоевский, online).

Když odchází, zdá se dívka zcela přesvědčena o pravdivosti jeho slov. Na základě jeho pozvání, se dívka za několik dní dostaví k němu do bytu. Nutno podotknout, že celé dny, předcházející jejímu příchodu, ho sžírala hrůza, že by se dívka mohla opravdu dostavit a vyčítal si, že jí kdy dával svou adresu. Čím více dní uteklo od návštěvy veřejného domu, tím více se jeho duše vracela do svého obvyklého podzemí. Když nakonec dívka dorazí, nalezne v bytě zcela jiného člověka. Teď tu nestojí člověk, který by mluvil jako kniha, s jehož slovy by souhlasila, teď tu byl člověk, který se jí vysmíval a urážel ji!

«Зачем ты пришла? (...) Отвечай! Отвечай! Я тебе скажу, матушка, зачем ты пришла. Ты пришла потому, что я тебе тогда жалкие слова говорил. Ну вот ты и разнежилась и опять тебе жалких слов захотелось Так знай же, знай, что я тогда смеялся

над тобой. И теперь смеюсь. Чего ты дрожишь? Да, смеялся. Меня перед тем оскорбили, за обедом, вот те, которые тогда передо мной приехали. Я приехал к вам с тем, чтоб исколотить одного из них, офицера; но не удалось, не застал; надо же было обиду на каком-нибудь выместить, свое взять, ты подвернулась, я над тобой и вылил зло и насмеялся. Меня унизили, так и я хотел унижить; меня в тряпку растерли, так и я власть захотел показать. (...) А ты уж думала, что я тебя спасать нарочно тогда приезжал, да? Ты это думала?» (Достоевский, online).

Následně se jí přizná, že je svou povahou mrzout, nespokojený se svým životem, člověk podlý a zlý, nepřející a svým způsobem nešťastný. V reakci na toto doznání ho dívka obejmě, nedokáže se však přenést přes všechna ta hrubá slova a odejde. Teprve poté si hlavní hrdina uvědomí, že nepřišla, aby si poslechla soucitná a milosrdná slova. Osud mu dal šanci, šanci vylézt ze svého temného podzemí. On ji však nevyužil. Příběh zanechává ve čtenáři pocit, že už v budoucnosti nepřijde nic, čím by se mohl hlavní hrdina zachránit. Sám se odsoudil k tomu, prožít zbytek svého beztakově „mrtvého“ života zalezlý v podzemí.

Podíváme-li se blíže na osud hlavního hrdiny povídky *Tma* Leonida Andrejeva, pak Alexandr Zakrčevskij (19, 1911) píše, že hlavní hrdina – revolucionář, šel po cestě, po které kráčí tisíce jiných lidí – po cestě dobra, po ní by se byl ubíral po celý život, kdyby mu osud do cesty nepostavil prostitutku Ljubu. Zde si všimněme, že hlavní hrdinka povídky *Tma* se jmenuje stejně, jako protagonistka z románu *Vzkříšení* Lva Nikolajeviče Tolstého, tedy alespoň do té doby, než v nevěstinci změnila své jméno na Kát'a. Co se týče podobností s jinými literárními díly, C. A. Manning (850–852, 1926) upozorňuje na další: »... поглядите и вы убедитесь, что Леонид Андреев в *Тьме* чуть что не Леонид Андреев. Немного от автора *Нана*, очень много от автора Грушеньки в *Братьях Карамазовых* и еще больше от автора Кати Масловой».

V povídce *Tma* se hlavní postava – revolucionář ukryje před policií do veřejného domu. Je unavený několikadenním pronásledováním a nevěstinec je to poslední místo, kde by ho policie hledala, neboť je v jejich zápisech veden jako čestný muž. Následujícího dne má společně se svými přáteli spáchat atentát. Naplňuje ho tedy myšlenka, že učiní něco pro lid, pro druhé, obětuje se ve jménu vyšší věci. V nevěstinci si vybere dívku, a jakmile dojdou k ní do pokoje, okamžitě usne. Když se probudí, začne s Ljubou diskutovat o čistotě, mravnosti, cti a dobru, což Ljubu dopálí a vykřikne: »... какое же ты имеешь право быть хорошим, когда я плохая...» (Андреев, online). Ze začátku se zdá, že nechápe smysl jejich slov. Poté ale procítne a uvidí svět v jiných barvách. Jak málo toho Ljuba řekla a jak strašná pravda se za těmito slovy skrývala! Hlavní hrdina se odváží něco namítnout, opíraje se o smysl svého poslání, o lidi, se kterými organizuje atentát. Ljuba mu však odsekne slovy, ze kterých je nanejvýš jasné, že je vyřkl člověk, který si je musel osobně protrpět: »Ты мне о людях не говори! Ты мне лучше о людях не говори!» (Андреев, online). Tato slova poukazují na mnohaleté utrpení, které Ljubě způsobili právě lidé, které on chtěl opřevovat. »И тогда нашел в глубине всего этого, в страдании, в ужасе, одну спасительную мысль (...) тогда понял, что нужно принять тьму, ибо тьма только может погасить тот сатанский пожар, в котором гибнет весь мир!» (Андреев, online). Nakonec se hlavní hrdina vzdává svých plánů, přehodnocuje svůj názor na to, co je to čest, pravda. Už si nepřeje být dobrým, když ostatní, byť ne z vlastní vůle, jsou považováni za špatné. Když dorazí policie, zatýká vlastně muže, který býval revolucionářem, nicméně za jednu noc došlo u něho k absolutní změně hodnot.

Podobnost mezi díly *Zápisky z podzemí* a *Tma* nejsou zřejmé, kvůli různým hlavním myšlenkám, na první pohled. Nicméně po důkladnějším studiu zjistíme, že samotný sled událostí si je velmi podobný. V obou dílech je hlavní mužský hrdina čímsi výjimečný: revolucionář a člověk z „podzemí“. Cesty obou dvou vedou do nevěstince, nicméně ne za účelem, pro který slouží. Oba dva ihned po příchodu na pokoj usnou a po probuzení vedou s dívkami diskuzi na téma: mravnost, čest, čistota, zničené ideály, osobní svoboda. Samotné rozuzlení se liší – v závislosti na tom, na co autor kladl nejvyšší důraz, v čem sledoval hlavní přínos svého díla. Pro Dostojevského to byl člověk z podzemí, jeho zloba, nespokojenost se životem, podlost, neschopnost vylézt ze svého podzemí, jeho interní stavy, myšlenky, pocity. Zatímco Andrejeva zajímají především dvě myšlenky. Zaprvé, zda má některý člověk právo na to, být dobrým, když druzí jsou špatní a zadruhé, zda je vůbec možné změnit svět použitím násilí, když „мир во зле лежит“ Dějové linie jsou si tedy v leccem podobné, nicméně záměry jednotlivých autorů se liší.

Na samý závěr můžeme uvést myšlenku C. A. Manninga (852, 1926), že Andrejev Dostojevského nejenom napodoboval, ale že svou povídkou *Tma* reagoval na *Zápisky z podzemí*, konkrétně na ten večer, kdy člověk z podzemí dostal možnost změnit od základu svůj stávající život, nicméně tak neučinil a zvolil raději léty osvědčený stav, plný zloby, podlosti, nespokojenosti a nenávisti. V povídce Leonida Andrejeva dostane revolucionář podobnou šanci na procitnutí. Ten ji ovšem využije a od základu přehodnotí své ideály.

Použitá literatura

- WOODWARD. J. B.; *Leonid Andreyev: A study*. Oxford: Clarendon press. 1969. s. 290.
- АНДРЕЕВ, Л.; *Тьма*. [online]. [cit. 23. února 2015]. Dostupné z: <http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0390.shtml>.
- БЕЗЗУБОВ, В. И.; *Леонид Андреев и традиции русского реализма*. Таллин: Ээсти Раамат. 1984. s. 336
- БОЦЯНОВСКИЙ, В. О.; *Леонид Андреев: Критико-биографический этюд*. С.-Петербург. 1903. s. 64.
- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М.; *Записки из подполья*. [online]. [cit. 12. února 2015]. Dostupné z: <<http://www.vehi.net/dostoevsky/izpodpol.html>>.
- ЗАКРЖЕВСКИЙ, А. *Подполье. Психологические параллели*. Киев. 1911. s. 108.
- ИЕЗУИТОВА, Л. А.; *Леонид Андреев и литература серебряного века*. С.-Петербург: Петрополис. 2010. s. 737. ISBN 978-5-96-76-0279-5.
- ИЕЗУИТОВА, Л. А.; *Творчество Леонида Андреева: 1892 – 1906*. Ленинград. 1976. s. 239.
- КОРОЛЕНКО, А. Ю.; *Биография Л. Андреева*. [online]. [cit. 18. února 2015]. Dostupné z: <http://www.cross-kpk.ru/ims/10/body/bio_andreev.html>.
- МЭННИНГ, К. А.; «Тьма» Андреева и «Записки из подполья» Достоевского. *Slavia: časopis pro slovanskou filologii* (ročník V, sešit 3). 1927–1928. s. 850–852.

- РОГАЧЕВСКОЙ, В. Л.; *Леонид Андреев: Критический очерк с приложением хронологической канвы и библиографического указателя.* Москва: Русский книжник. 1923. s. 86.

Вс. Barbora Škrétová

UK PedF v Praze

2. ročník Učitelství pro střední školy N Mgr AJ-RJ

Malíkovice 31, Malíkovice, 273 77

b.skretova@seznam.cz

Od roku 2010 autorka navštěvuje dvou oborové studium Specializace v pedagogice, v kombinaci: anglický jazyk a ruský jazyk na Pedagogické fakultě Univerzity Karlovy v Praze. Ve své bakalářské práci s názvem Vliv Radiščevova odkazu na vybrané ruské autory 19. století se autorka zaměřila na typický ruský literární jev – otevřený dialog mezi autory – jehož přítomnost, na základě srovnávací analýzy, dokázala na dílech A. N. Radiščeva, I. S. Turgeněva a A. I. Kuprina. V diplomové práci, pod názvem Odvrácená tvář lásky v klasické ruské literatuře, se zabývala problematikou zobrazení prodejné lásky v povídkové tvorbě spisovatelů přelomu 19. a 20. století, konkrétně V. M. Garšina a L. N. Andrejeva, A. I. Kuprina a A. P. Čechova. Otázkou krize manželství v kratších literárních dílech přelomu 19. a 20. století, kterou se autorka hodlá zabývat během svého doktorského studia, by chtěla navázat na téma prodejné lásky, které je mezi mnoha jinými vnímáno za možný zdroj rozpadu manželského svazku.

K problematice překladu povídky *Groza* V. Nabokova

Jan Hušek

Abstract:

The article offers an analysis of a unique set of texts. The analysis explores the role of the detail in the story composition and their Czech translations. The set of the text includes a short story *Groza* by Vladimir Nabokov and its translations. The short story was originally written in Russian, and then it was self-translated by the author into English. There exist two Czech translations, one from Russian, one from English.

Key words:

Comparative analysis, detail, Nabokov, short story, translation

1. Úvod

V tvorbě Vladimíra Nabokova lze najít zajímavý materiál ke komparaci. Ruský emigrant, publikující v Berlíně pod pseudonymem Sirin, se po útěku před Hitlerem mění v amerického spisovatele Nabokova. Po publikaci *Lolity* roku 1958 si obrovská popularita žádá překlad raných děl do angličtiny. Většinu Sirinových textů překládají Nabokovův syn Dmitrij a jeho žena Věra. Vladimír Nabokov na překlad dohlíží a upravuje místa, se kterými není spokojen. Některé povídky však překládá sám. *Groza* je jednou z nich. Do češtiny pak byla povídka přeložena dvakrát, z ruské předlohy Alenou Ságlovou a z anglické Pavlem Dominikem. Právě tento unikátní soubor textů umožňuje srovnat některé aspekty tvorby a překladu.

V tomto příspěvku nastíníme možné interpretace povídky a dále se soustředíme na roli detailu jako jednoho ze základních stavebních prvků Nabokovovy povídkové tvorby. Opřeme se o Levého teorii ochuzování uměleckého textu, ke kterému při překladu dochází, a na příkladu užití detailu se pokusíme zhodnotit, zda se jej čeští překladatelé dopustili také.

2. Povídka *Groza* – interpretace a aluze

V počátečním období prozaické tvorby mladý spisovatel svůj styl teprve hledal, zkoušel nové možnosti a testoval sám sebe i čtenáře a kritiky. Nepřekvapí proto, že „*Sirinovy povídky jsou poněkud slabší než jeho romány. Autor jako by v nich dělal pokusy, experimentoval. Nicméně, experimentátora nalzáme i v Sirinových románech.*“¹ (Цетлин, 1997, 212–213). Povídka *Groza* (1924) není prvním Sirinovým literárním počinem s tímto názvem. Roku 1923 napsal krátkou lyrickou báseň, ve které se prvně objevují některé detaily, dále epizodicky rozpracované v povídce. Báseň však nevyzdvihuje hlavní motiv povídky, není zde přítomen Eliáš ani jeho učedník. Společné jsou momenty začínajícího deště, vůně kvetoucí lípy, vítr, bouchající rámy oken, milostný cit.

Povídka je vyprávěna v ich-formě mladíkem, vypravěč je zároveň jedním z protagonistů. Formálně je povídka vystavěna lineárně, rozvíjí jednoduchou dějovou linkou, počáteční lyrická pasáž popisující počátek bouřky je vystřídána dějovým úsekem pádu a hledání kola. Děj postupně graduje, vrcholem povídky je scéna samotného zřícení se. Následně je děj

---

¹ Z ruského originálu „*Рассказы Сирина несколько слабее его романов. Автор как будто делает в них опыты, экспериментирует. Впрочем, экспериментатор чувствуется и в романах Сирина.*“ – přeložil JH.

postupně oslabován a opět se objevují některé lyrické momenty. V úplném závěru je vyobrazen hrdina, spěchající v domácím nočním úboru.

Sirin napsal ruský text povídky v létě roku 1924. Můžeme jej chápat jako pouhé umělecké ztvárnění častého letního meteorologického jevu bez přesahu do autorova života, bez aluzí na jiná díla literatury. Je však možné nalézt i některé shody mezi biblickým příběhem Eliáše a životem Nabokova. Vypravěče, v jednom místě povídky nazvaného Elizeem, můžeme považovat za Nabokova, pozorovatele děje a zároveň jeho účastníka a komentátora. Eliášem by poté byl jeho otec Vladimir Dmitrijevič. Podobně jako prorok odchází z vlasti, kde stále silnější vliv získávají vyznavači Baala, i Nabokov starší odchází z Ruska, kde se k moci dostávají bolševici. Aktivní protisovětský společenský život v Berlíně může být považován za paralelu prorokova působení ve Fénicii. Nanebevzetí je jen logickým důsledkem životních skutků milovaného otce spisovatele, předčasně ukončených sebeobětováním za záchranu jiného. Elizeus-Sirin chce v díle otce pokračovat jako učedník Eliáše-Nabokova. Že se jedná o pokračování v díle spisovatelském, je zřejmé, když vypravěč usíná unaven štěstím, *о котором писать не умеет*. V závěru povídky na umělecké sklony upozorňuje přání *рассказывать о ночном крушении*. Na rozdíl od biblické předlohy je prostředkem předání prorockých schopností ztracené kolo, nikoliv Eliášův plášť. Pokud přijmeme tezi, že Elizeus = Nabokov, nalzáme další paralelu v životě proroka s životem spisovatele. Prorok byl během svého života kvůli Slovu vysmíván, stejně tak i mladý Nabokov nenachází pochopení pro literární práci u rodičů snoubenky Světlany Siewert, kteří zasnoubení zrušili. Milostný cit, který je v povídce v náznacích přítomný by pak mohl být vyjádřením nového vztahu s Verou Solonim, se kterou se Nabokov seznámil v létě 1923 a bral si ji roku 1925. Vznik povídky tedy spadá do období intenzivního prožívání milostného opojení.

Povídka *Groza* však může být chápána i jako aluzivní text, vzniklý pod dojmem ze dvou básní ruské literatury. Starší z nich s názvem *Пророк* napsal Alexandr Sergejevič Puškin roku 1826, téměř sto let před Nabokovem. Postava se v básni stává prorokem, vyvoleným Bohem k šíření jeho slova, alegorií umělce, určeného k naplňování lidských srdcí pravdou svého psaní. Na Puškinovu báseň navazuje roku 1841 básní *Пророк* Michail Jurjevič Lermontov. V ní popisuje osudy proroka-básníka mezi lidem, jejich zlobu, neporozumění. Že báseň zobrazuje proroka Eliášovi, naznačují verše o životě v poušti a jídle přinášeném havrany. Nabokov se v povídce stává Elizeem, učedníkem proroka a chce jako on slovem šířit své přesvědčení, chce se stát pokračovatelem.

V povídce dochází ke střetu přirozeného s nadpřirozeným, který je považován za jeden z typických nabokovovských motivů, čehož si všímá i Engelking, když píše, že „... ,nabokovovské‘ (je) téma dvou světů, k jejichž střetu dochází – (a) v té či oné podobě se k němu Nabokov vrací ve všech svých dílech.“² (Engelking, 1997, 10). V naší povídce je tento střet představen nadpřirozenou (biblickou) postavou proroka Eliáše, který se společně se svým spřežením dostává do přirozené, možná i běžné situace, dopravní nehody.

3. Srovnání čtyř verzí povídky

3.1 Východiska

---

² Závorky doplnil JH.

Všestranná srovnávací analýza by svým rozsahem několikanásobně překročila požadovaný rozsah příspěvku, proto se omezíme pouze na porovnání užití jednoho ze základních uměleckých postupů povídky – detailu. Nevolíme detail náhodou, protože jazyková ukázněnost, přesnost ve výběru jazykových prostředků a pozornost k detailu jsou často vzpomínané znaky Nabokovovy tvorby (srov. Engelking, 1997, 158).

Při překladu dochází k celé řadě změn. Na úrovni slovní zásoby, která tvoří základ detailu, dochází především k jejímu stylistickému ochuzování. Levý (2012, 128) upozorňuje, že „*těchto odbarvení by se měl překladatel vystříhat již proto, že v celé řadě případů takové zobecnění výrazu bude nutné, jelikož slovní jednotky dvou jazyků se nekryjí.*“ Překladatelská práce svádí k těmto třem druhům ochuzování stylistické bohatosti slovní zásoby originálního textu: a) *užití obecného pojmu místo konkrétního přesného označení*, b) *užití stylisticky neutrálního slova místo citově zabarveného*, c) *malé využití synonym k obměňování výrazu* (srov. Levý, 2012, 126).

Z důvodů různého historického vývoje a z důvodu odlišné zkušenosti jsou ve slovní zásobě dvou jazyků významné rozdíly především ve stylistickém rozvrstvení a v bohatosti a směru konotativních významů, jichž se ve velké míře využívá především ve výstavbě uměleckých textů. Dochází tak v obecné rovině k posunům v trojím směru, což nezřídka vede k překladatelské chybě. Jsou to tyto mezní body: a) mezi obecným a specifickým pojmenováním, b) mezi pojmenováním stylisticky neutrálním a pojmenováním expresivním, c) mezi opakováním a obměnami slovního označení. Levý shrnuje takto: „*Překladaelé zpravidla stírají výrazové tendence originálu směrem k jednomu z těchto pólů, ve shodě s psychologii překladatelské práce však mají sami spíše sklon k zobecnování, neutralizaci a opakování*“ (Levý, 2012, 132). Vzhledem k rozdílnosti jazykových systémů jsou mnohé z těchto ztrát nevyhnutelné. Překladatel by je však měl na druhé straně kompenzovat tím, „*že vyzdvihne stylistické hodnoty, které jsou v textu obsaženy jen latentně, a využije výhod českého jazyka, nemá-li celkový výsledek být chladnější, bezbarvější a umělecky nevýraznější.*“ (Levý, 2012, 132). V oblasti slovní zásoby dochází při překladu ještě k jednomu zajímavému jevu. Z procesu postupného oslabování expresivity výrazů jsou systematicky vynechávány hyperboly: „*Téměř nikdy nejsou takové intenzivní výrazy oslabovány.*“ (Levý, 2012, 131).

Pokud bychom měli shrnout, lze říci, že **během překladu dochází k ochuzování stylistické bohatosti originálu užitím obecného namísto konkrétního, užitím neutrálního místo expresivního a užitím malého množství synonym.**

V následujících odstavcích se pokusíme zhodnotit, nakolik se podařilo překladatelům zachovat roli a význam detailu na výstavbě textu. Nejprve si ukážeme některé detaily, pokusíme se vysvětlit jejich podíl na výstavbě textu a poté provedeme srovnání překladů s předlohami.

3.2 Groza – ruský originál

I když patří *Bouřka* mezi první povídky autora, můžeme si snahy o využití detailu k dokreslení skutečnosti, k předání další doplňující informace povšimnout i zde. Povídka začíná slovy *На углу, под шатром цветущей липы...* Uvedení podrobnosti dokresluje atmosféru, je součástí popisu scény, stejně jako v popisu dvoru, ... *где днем сияли, сквозь кусты сирени, рубашки, распятые на светлых веревках...* na jiných místech slouží například k retardaci děje – *Я видел из своего окна, как покотился вниз по крыше громадный огненный обод и, покачнувшись на краю, прыгнул в сумрак.*“ Uváděním detailů Nabokov zesiluje i

odbožštění proroka po jeho pádu na zem, když píše, že ... *старик кряхтел, подхватывал тяжелый подол, шлепал тупыми сандалиями по лужам, и с кончика крупного костистого носа свисала светлая капля*, zdůrazňuje tím jeho lidství, jistou obyčejnost. Detail má tendenci výjev zesilovat či oslabovat, ukazuje na jistou charakteristiku, kterou Nabokov v daný moment považuje za neoddělitelnou součást postavy, s pomocí které dosahuje značné expresivity. Tak čtenáři odhaluje své hodnocení postavy či jejího jednání. Když čteme ... *и в промокиших клетчатых туфлях, в блеклом халате я выбежал на улицу и, догоняя первый, сонный трамвай, запахивая полы на бегу, все посмеивался...*, víme, že hrdinův dojem z právě prožitých událostí je natolik silný, že nepovažuje za nutné se převlékat. Zdůraznění vybledlosti, respektive stárí županu zase ukazuje na hrdinovy skromné příjmy, podobně i jako skutečnost, že si pronajímá pokoj u „*неопрятной вдовы*“.

3.3 *The Thunderstorm* – anglický překlad Vladimira Nabokova

Při analýze ruského textu jsme si všimli, že jedním z častých uměleckých prostředků je užívání detailů. Tento prvek se v anglickém překladu ještě stupňuje. Detaily jsou uváděny na mnoha místech, slouží ale zároveň i k dovysvětlování textu, do jisté míry se stírá původní předpokládaná spoluúčast čtenáře na tvorbě významů. V samém úvodu povídky, který se dle ruského originálu odehrává *На углу, под шатром цветущей липы*, se v anglickém autorském překladu dovidáme, že se jedná o *the corner of an otherwise ordinary West Berlin street*. *Слепой ветер* se stává slepým fantomem – *The wind, a blind phantom*... v původním textu autor píše o prosté přítomnosti větru v místnosti – ... *я застал ветер уже в комнате...*, v angličtině je doplněna podrobnost – *I found the wind waiting for me in the room*. Hrdina usíná, *ослабев от счастья*, které v anglickém překladu nabývá konkrétních obrysů – ... *exhausted by the happiness of my day*. Výraz proroka, jehož vyluštění bylo v ruském textu ponecháno na čtenáři – ... *сдвинув седые бровы* je přímo pojmenován – ... *his white eyebrows came together in a frown*. Podobně se odkrývá i důvod, proč hrdina nevydržel v odvrácené pozici – ... *and then could not control my curiosity any longer*. v původním textu zůstává nevyřčen – ... *и дольше не выдержал*... Dochází ke konkretizaci některých jevů. Časově neohrazené *Стало необыкновенно тихо* je omezeno na *There was a moment of extraordinary stillness*. Zatímco v ruském originále *собака вытянулась* z boudy, v anglickém překladu ... *the dog had thrust its head out of the kennel*..., neurčité ruské sloveso je tedy konkretizováno tím, že pes vystrčil pouze hlavu. Naopak na některých místech v textu dochází k odstranění původního detailu. V závěru ruské povídky od větru *колыхнулась пуноцовая герань*, v anglické verzi se barevná varianta pelargonie nezmiňuje – ... *the breeze stirred the geraniums*... Zatímco hrdina původně vyběhl na ulici v *промокиших клетчатых туфлях*, v překladu jsou to pouze *soaked bedslippers*. Někdy je jeden detail vyměněn za jiný – v *блеклом халате* se mění na *in a worn dressing gown*. Zamýšlený význam staří je však stejný v obou variantách.

3.4 *Bouřka* – překlad z ruštiny Aleny Ságlové

Pozornost k detailu je jedním z charakteristických rysů tvorby Vladimira Nabokova. Při překladu jeho textů do jiných jazyků překladatelé tento prostředek zachovávají, na některých místech však může dojít k změnám, které výraznost původního detailu oslabují, do textu doplňují detaily jiné, nebo detail obsažený v originálu do překladu nepřevedou. Žebračka, když dozpívala, *притискла si рuce на прса*. Na rozdíl od předlohy nejsou *прса* modifikována. Ztrácí se

tak jeden z detailů, podílejících se na výstavbě obrazu – ... *прижав руки к полной груди*. k vynechání detailu dochází při popisu hledajícího proroka, kterému *с кончика крупного костямого носа свисала светлая капля*. v češtině konkrétní umístění kapky schází – *a u velkého kostnatého nosu tu visela světlá kapka*. v boji se splašeným spřežením *тщетно рвал вожжи растерянный пророк*. Při překladu je vypuštěn element zbytečnosti, marnosti počínání, vyjádřený adverbiem *тщетно*, naopak přibývá význam úsilí – ... *rozčilený prorok vši silou škubal za opratě*. v ruském textu ... *собака (...) вытянулась из конуры...* tento neurčitý pohyb je v češtině nahrazen pohybem konkrétním – ...*pes (...) se vyplížil z boudy...*, navíc s významem úplnosti, který v originále chybí. Některé nové detaily se objevují pro zesílení původního významu. Dvůr se nachází *Внизу, под окном...*, což je ještě podtrženo – *Глубоко доле, под окном...* Některé detaily se objevují i jako výsledek výběru českého ekvivalentu ruského výrazu. Těsně před havárií ... *колесница кренилась*.... V textu Ságlové čteme, že ... *dvoukolka se nakláněla na bok*....

3.5 Bouře – překlad z angličtiny Pavla Dominika

Velké množství detailů, které Nabokov využívá jako vodítko pro čtenáře a které napomáhají lepšímu pochopení situace či charakteru postavy nebo dokreslují atmosféru scény, je přeloženo i do češtiny, často však překlad vede k odchylkám. Na některých místech dochází k přidání detailů dalších, ty však jsou často vynuceny významovým odstínem, typickou vlastností jevu, pro který čeština nedisponuje samostatným slovem. Takovým případem je i překlad anglického slova „mist“ ve větě – *Masses of mist were ascending in the night sky...* Dominik volí spojení lehká mlha – *Nočním nebem stoupala oblaka lehké mlhy...* k významovému posunu dochází, když na hromadě smetí nachází vypravěč ... *a narrow-rimmed iron wheel...* Díky uvedenému detailu se čtenář dovídá drobnost o vzhledu kola. „Rim“ je možné v češtině vyjádřit slovem „ráfek“. Avšak z důvodu specializovanosti slova, termínu, nevhodného pro umělecký text, volí překladatel slovo jiné – hrdina si všiml ... *železného kola s úzkými loukotěmi*..., čímž se dovídáme o stavbě kola, ačkoliv je loukoť typicky dřevěná část kola a je tedy v rozporu s přívlastkem *železného*.

3.6 Bouřka a Bouře – dva české překlady

Oba překlady do češtiny byly provedeny erudovanými překladateli, proto zachovávají strukturu předlohy, dějovou výstavbu i hlavní umělecké prostředky, které se podílejí na výstavbě textu. K drobným odklonům v oblasti užitých uměleckých prostředků přesto dochází, především z důvodu výběru jednoho z řady možných výrazů a tím i výběru jeho konotací, a zároveň tedy k vynechání konotací ostatních. Není však možné, aby se dva výrazy dvou jazyků zcela překrývaly ve všech oblastech – tedy konotačně, denotačně, stylisticky, morfologicky, syntagmaticky, atd. Mezi oběma povídkami dochází i k rozdílným na úrovni jazykových prostředků, způsobeným odlišným charakterem zdrojových jazyků. Ságlová překládá do češtiny z ruštiny, jazyka slovanského s rozvinutým systémem koncovek, rozšířeným afixálním odvozováním nových slov, s relativně volným slovosledem, zatímco Dominik překládá z jazyka germánského, s konverzí jako hlavním slovotvorným procesem, s ustáleným slovosledem suplujícím nemožnost vyjádření syntagmatických vztahů flexí.

V obou českých překladech povídky dochází k významovým posunům v oblasti užití detailů jako jednoho z prostředků výstavby uměleckého textu. U obou překladatelů je detail

oslabován, nahrazován jiným či vypouštěn. Výběrem jednoho z více možných synonym je často dosahováno odlišného významového odstínu, než jaký je přítomen v textu předlohy. Někdy se nový detail objeví jako důsledek snahy překladatele zachovat přesný význam originálu, avšak čeština nedisponuje jednoslovným ekvivalentem. Je proto nutné jej modifikovat, čímž vzniká nový detail. Srov. – ... *na prádelních šňůrách ozářených sluncem.* (Dom.), ... *na světlych šňůrách.* (Ságl.).

4. Závěr

Srovnání autorského překladu povídky *Groza* do angličtiny s jejím originálem nás přivedlo k závěru, že Nabokov do anglického textu povídky doplňuje celou řadu detailů, čímž se na mnoha místech ztrácí původní napětí a snižuje se podíl čtenáře na výstavbě textu.

Překlady do češtiny byly provedeny překladateli-odborníky. K analýze textů jsme proto přistoupili s předpokladem, že možné odklony od originálního textu budou pouze důsledkem nesouměřitelnosti dvou jazykových systémů. Alena Ságlová, překladatelka z ruštiny, při překladu důsledně kopíruje strukturu originálu a zachovává hlavní principy výstavby nabokovovského textu, tedy detail, kontrast, obrazy složené z pocitových vjemů a na nich vystavěná obrazná pojmenování. Při překladu se však nevyhýbá oslabování působení jednotlivých obrazů, často náhradou jednoho detailu detailem jiným. K analýze překladu z angličtiny byl použit text Pavla Dominika. Některé detaily přibývají, což je způsobováno především neschopností češtiny předat význam anglického výrazu jedním slovem českým, překladatel se proto uchyluje k modifikaci.

Závěrem lze konstatovat, že ve všech překladech dochází k ochuzování stylistické bohatosti originálu, především oslabováním expresivních prvků předlohy, a to i v překladu autorském, provedeném Vladimírem Nabokovem a dále lze konstatovat, že nežádoucí překladatelské tendence, nastíněné Levým, se nevyhýbají ani překladu povídky *Groza*.

Literatura

- ČERMÁK, František. *Jazyk a jazykověda*. Praha : Karolinum, 2011.
- DUŠKOVÁ, Libuše. *Mluvnice současné angličtiny na pozadí češtiny*. 3. vyd., dotisk. Praha : Academia, 2006.
- ENGELKING, Leszek. *Vladimir Nabokov – podivuhodný podvodník*. Olomouc : Votobia, 1997.
- LEVÝ, Jiří. *Umění překladu*. Čtvrté, upravené vydání. Praha : Apostrof, 2012.
- NABOKOV, Vladimír V. *Návrat*. Přeložila Alena Ságlová. Praha : ERM, 1995.
- NABOKOV, Vladimír V. *Povídky 1 (1921–1929)*. Přeložil Pavel Dominik et al. Praha : Paseka, 2004.
- NABOKOV, Vladimír V. *The stories of Vladimir Nabokov*. 1st American ed. New York: Alfred A. Knopf, 1995, xiv.
- ЦЕТЛИН, Михаил О. «В. Сириин. Возвращение Чорба. Рассказы и стихи». In: *В. В. Набоков: Pro et Contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей*. Том I. Санкт-

Петербург : Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997.

- НАБОКОВ, Владимир В. *Гроза* (рассказ) [online]. Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова, 4. 3. 1998 [cit. 21. 2. 2015]. [Http://lib.ru/NABOKOW/groza.txt](http://lib.ru/NABOKOW/groza.txt).

Mgr. Jan Hušek

Pedagogická fakulta Univerzity Karlovy v Praze

U Kněžské louky 14, 130 00 Praha 3 – Žižkov

jan.husekk@seznam.cz

Pražská rusistika 2015: Recenzovaný sborník příspěvků z mezinárodní konference konané dne 20. března 2015 v Praze

Jakub Konečný (ed.)

Univerzita Karlova v Praze – Pedagogická fakulta

1. vydání

162 stran

ISBN 978-80-7290-840-0